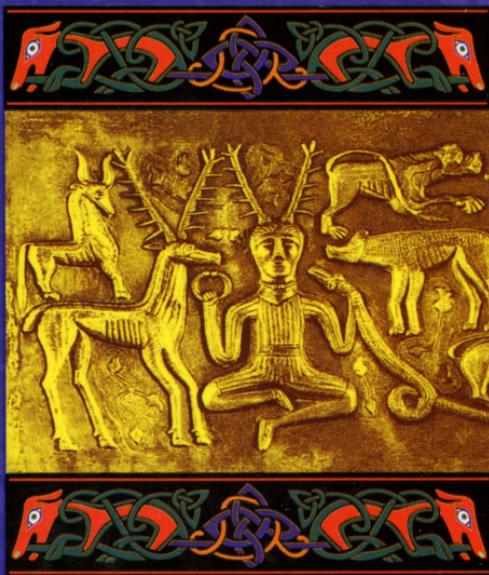

Джон Маккалох
религия
древних
кельтов

Джон Арнотт Маккалох

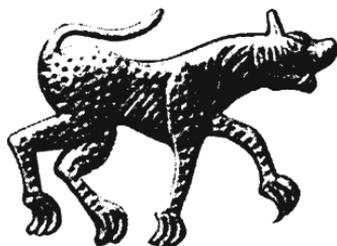
религия
древних
кельтов

John Arnott MacCulloch

The Religion
of the Ancient
Celts

Джон Арнотт Маккалох

религия древних кельтов

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

ББК 86.31(4Вел)
М15

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Маккалох Дж.А.

М15 Религия древних кельтов / Пер. с англ. С.П. Евтушенко. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 334 с.

ISBN 5-9524-1303-X

Джон Маккалох исследует историю, культуру, общественный строй и военное искусство древних кельтов в аспекте воссоздания внутреннего уклада жизни этого самого таинственного народа Европы. На основе огромного исторического материала, обзора исторических источников, версий и гипотез современных ученых автор ярко и образно рисует единство черт, создающих особенность верований кельтов.

ББК 86.31(4Вел)

ISBN 5-9524-1303-X

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

религия
древних
кельтов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научное изучение древнекельтской религии получило развитие лишь в недавнее время. Из-за недостаточного количества материалов для такого изучения более ранние авторы позволяли себе самые невероятные полеты фантазии, соединяя кельтскую религию с религией Дальнего Востока, видя в ней остатки монотеистической веры или ряда эзотерических учений, скрытых под маской политеистических культов. С появлением работ М.М. Гэйдоса, Бертрана и Д'Арбуа де Жувенвиля во Франции, а также с публикацией ирландских текстов такими учеными, как доктор Виндиш и доктор Стокс, начался новый период исследований, и поток света знаний пролился на скудные остатки кельтской религии. В этой сфере почетное место среди исследователей этой религии принадлежит сэру Джону Рису, эпохальной работой которого стали «Гиббертские лекции о происхождении и развитии религии на примере кельтского язычества» (1886). С тех пор каждый ученый, изучающий этот предмет, чувствует себя в большом долгу перед неутомимыми исследованиями и блестящими предположениями сэра Джона Риса. Считаю необходимым отметить, что и я в большом долгу перед ним. Однако в своих «Гиббертских лекциях» и позже в мастерских работах об «артуровских условных обозначениях» он принял точку зрения «мифологической» школы: видел в древних историях мифы о Солнце, рассвете и тьме, а в геологических воззрениях — богов солнца, божеств рассвета и воинство темных личностей сверхъестественного характера. Изучая данный предмет с антропологической точки зрения и в свете сохранившихся

до наших дней народных обычаев, я пришел к другим выводам по многим вопросам. «Гиббертские лекции» останутся источником вдохновения для всех кельтоведов. Более поздние исследования Соломона Рейнака и М. Доттина, ценная небольшая книга о кельтской религии профессора Энвила дали этой работе новый стимул.

В этой книге я использовал все доступные источники и взял за основу сравнительно антропологический метод исследования. Я также изучил более ранние культы с помощью сохранившихся народных обычаев на «кельтской территории» всюду, где это казалось правомерным. Полученные результаты позволяют дать более верную интерпретацию религиозных представлений наших кельтских прародителей, являющих собой смесь примитивных верований и народных поверий.

К сожалению, кельты не оставили описания своей религии, поэтому мы остались наедине со своими собственными истолкованиями существующих материалов. Моя книга была написана в течение длительного периода жизни на острове Скай, где еще сохраняется старый язык этого народа, где дух этого места повсюду говорит о вещах далеких и странных; там было легче попытаться понять древнюю религию, чем в более деловом прозаическом месте. Тем не менее, все время я чувствовал, как много получил бы сведений, если бы какой-то старый кельт или друид снова посетил свои родные места и позволил бы мне задать ему сотни вопросов, которые оставались неясными... Но, увы, это невозможно!

Я благодарю мисс Тёрнер и мисс Энни Гилкрист за ценную помощь, оказанную мне в работе над исследованием, Лондонскую библиотеку за предоставление мне нескольких работ, которые ей не принадлежат. Эта работа оказала неоценимую помощь всем ученым, работающим вдали от библиотек.

Дж.А. Маккалох

*Ректори,
Мост Аллана,
октябрь 1911 г.*

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Чтобы воскресить из забвения уже отжившую религию и заставить ее рассказать свою историю, потребовалась бы волшебная палочка чародея. Нам известны многие древние религии: Египта, Вавилона, Греции, Рима. Их мифология, теология, произведения искусства содержат в себе большое количество сведений о человеческой вере и устремлениях народов. Насколько же скудными являются сведения о кельтской религии! Ушедшая вера народа, который вдохновил мир своими благородными мечтами, построена на страданиях и часто на страхе; она должна быть воссоздана из фрагментарных, во многих случаях трансформированных остатков.

Мы имеем поверхностные наблюдения классических свидетелей; посвящения в честь романо-кельтских божеств, изобразительные памятники того же периода; монеты, материальные символы, наименования мест и личные имена. Что касается ирландских кельтов, то имеется масса свидетельств, обнаруженных в манускриптах XI и XII веков. Многие из них, несмотря на переделки и утраты, основываются на мифах о божествах и героях, а также содержат некоторые сведения о ритуалах. Из Уэльса происходят такие документы, как «Мабиногион», и странные поэмы, персонажами которых являются древние трансформированные боги, но в которых ничего не рассказывается об обрядах или культах¹. Ценные намеки да-

¹ Некоторые авторы усматривают в бардской поэзии друидскую эзотерическую систему и следы культа, тайно практикуемого бардами, — «неодруидскую ересь» (см. *Davies. Myth. of the Brit. Druids*, 1809; *Herbert. The Neo-Druidic Heresy*, 1838). Другие авторы видели в «друидизме» монотеистическую веру, скрытую под многобожием.

ются в древних церковных документах, но более важны существующие народные обычаи, в которых очень многое взято из древнего культа, хотя он и утратил свое значение для тех, кто пользуется им теперь. Также можно исследовать народные сказки и извлечь из них кельтские мотивы. Наконец, кельтские могильные курганы и другие следы прошлого содержат в себе свидетельства о древней вере и традициях.

На основании этих источников мы пытаемся восстановить кельтское язычество и проникнуть в его внутреннюю суть, несмотря на то что работаем в сумерках в грудѣ фрагментов. Кельты не оставили нам описания своей веры и духовной практики; все незаписанные поэмы друидов умерли вместе с ними. Однако из этих фрагментов мы видим кельтов ищущими Бога, привязывающими себя крепкими связями к невидимому, стремящимися завоевать неведомое религиозным обрядом или магическим искусством. К духовным исканиям кельтская душа никогда не обращалась всуе. Они никогда не забывали и не нарушали закона богов и считали, что ничего не случается с людьми помимо воли богов. Повиновение кельтов друидам показывает, насколько они почитали авторитет в религиозных вопросах; все кельтские регионы характеризовались легко переходящей в суеверие религиозной набожностью и преданностью идеалам, даже если борьба за них казалась безнадежной. Кельты от рождения были мечтателями, как показывает их изысканная вера в Элизиум; многое из того, что духовно и романтично во всей европейской литературе, обязано им своими истоками.

Сравнение с религиозным развитием в других религиях помогает нам восстановить религию кельтов. Хотя ни одна историческая кельтская группа не была чиста в расовом отношении, глубокое влияние кельтского характера вскоре «кельтизировало» религиозные вклады некельтского элемента. У кельтов было дикое прошлое, и, будучи по натуре консервативными, они сохранили многое из этого прошлого. Поэтому мы займемся кельтской религией в целом. Эти примитивные элементы существовали до того, как кельты мигрировали из древней «арийс-

кой» родины; однако, поскольку они появляются в кельтской религии к концу этого периода, мы говорим о них как о кельтских. Древнейшим аспектом этой религии, прежде чем кельты стали отдельным народом, был культ духов природы или культ проявлений жизни в природе. Возможно, у мужчин и женщин были отдельные культы, при этом культ женщин был более важным. Будучи охотниками, кельты поклонялись животным, которых они убивали, прося у них прощение за убийство. Это чувство вины, которое обнаруживается у всех первобытных охотников, имеет природу культа. Священных животных сохраняли живыми и поклонялись им; этот культ дал начало одомашниванию животных и пастушеской жизни, при вероятном влиянии тотемизма. Земля, производящая растительность, была плодородной матерью; начало сельского хозяйства главным образом обязано женщинам, ими практиковался культ Земли (позже так же культ растительности и духов урожая), и земля почиталась как женское божество. Затем мужчины начали интересоваться сельским хозяйством, и бог Земли занял место Земли-матери или стал ее супругом или сыном. Духи урожая часто становились духами мужского пола, хотя множество духов, даже когда они были возвеличены в ранг божества, оставались женскими.

С развитием религии более абстрактные духи, как правило, становились богами и богинями, а боготворимые животные становились антропоморфными божествами с животными в качестве их символов, слуг или жертв. Культ духов растительности был сосредоточен на ритуале высадки и сеяния, а культ божеств роста был сосредоточен на больших сезонных и сельскохозяйственных праздниках, в которых можно найти ключ к развитию кельтской религии. С завоеванием новых земель у кельтов возникли боги войны, и все же действенным осталось древнее женское влияние, поскольку многие из этих божеств были женскими. Несмотря на наличие большого количества местных богов войны, кельты не были особенно воинственными людьми. До завоеваний они участвовали в войнах только при случае, постоянно занимаясь сельским хозяйством и

скотоводством. В Ирландии вера в зависимость плодородия от вождя показывает, до какой степени процветало там сельское хозяйство. Музыка, поэзия, ремесла и торговля дали начало божествам культуры, возможно развившимся от богов роста. Более поздние мифы приписывали им создание изобразительного искусства и ремесел, а также одомашнивание животных. Возможно, некоторым богам культуры поклонялись как почитаемым животным. Богини культуры все еще занимали свое место среди богов культуры и считались их матерями. Выдающееся положение этих божеств показывает, что кельты были чем-то большим, чем племена воинов.

Таким образом, пантеон богов был большим, и в нем божества роста обычно были более важными. Древние духи природы и божественные животные никогда полностью не забывались. Кельты сохранили также старые ритуалы духов растительности, а богам роста поклонялись в большие праздники. В сущности, между этими божествами не было иерархических отношений до тех пор, пока римское влияние не разрушило чистоту кельтской религии. По своему характеру кельты были близки к природе, и они никогда полностью не исключали из своей религии ее первобытные элементы. Кроме того, влияние культов женских духов и богинь до конца оставалось важным фактором.

Большинство кельтских божеств были местными, каждое племя обладало своим сонмом божеств, однако каждый бог имел аналогичные функции во всех племенах. Некоторые получили более универсальный статус, но сохранили и местный характер. Многочисленных божеств Галлии с отличающимися именами можно лучше понять как местных отдельных богов. Это, возможно, верно также для Британии и Ирландии. Боги, которым поклонялись на более отдаленных кельтских территориях, были, по-видимому, богами доминирующего кельтского племени, распространившего свое влияние за пределы племенных границ. Если кажется сомнительным усматривать близкое сходство между местными богами народов, распространившихся по всей Европе, то можно объяснить

это влиянием кельтского характера, который повсюду привел к одним и тем же результатам, а также однородностью кельтской цивилизации, за исключением отдельных регионов — например, южной Галлии. Хотя в Галлии мы имеем только надписи, а в Ирландии только искаженные мифы, сохранившиеся народные обычаи в обоих регионах указывают на сходство их религиозных воззрений. Друиды, как религиозная организация, способствовали сохранению этого сходства.

Так, примитивные духи природы уступили место более значительным богам, каждый из которых имел свою власть и свои функции. Хотя растущая цивилизация, как правило, отделяла их от их почвы, они никогда полностью не утрачивали свое соприкосновение с нею. Ведь считалось, что за поклонение и жертвоприношения боги дали человеку жизнь и приумножение благ, победу, силу и знание ремесел. Но эти жертвоприношения были обрядами, в которых «представителя» бога довольно часто убивали. Некоторым божествам поклонялись на обширных землях, чаще всего это были боги местных племен, причем у каждого места, холма, леса и ручья были свои духи. Магические обряды смешивались с культом и совершались профессиональным священством. А поскольку кельты верили и в невидимых богов, они верили в существование невидимой области, куда якобы они переходили после смерти.

Наши знания о более высоком аспекте кельтской религии являются неполными, до нас не дошли описания внутренней духовной жизни. Неизвестно, были ли у кельтов проблески монотеизма, знакомо ли им было чувство греха. Но народ, чье духовное влияние позже стало столь значительным, должен был иметь хотя бы примитивные представления об этих вещах. Некоторые из них, должно быть, знали тягу души к богу или искали более высокие этические принципы по сравнению с нормами своего времени. Восторженное принятие христианства, набожность ранних кельтских святых и характер древней кельтской церкви предполагают это.

Отношение кельтской церкви к язычеству было нетерпимым, хотя и не всегда. Часто она усваивала некоторые обы-

чаи прошлого, соединяя языческие праздники со своими собственными, основывая церкви на местах старого культа, посвящая какому-нибудь святому священные языческие источники. Они верили, что святой может посещать могилу язычника, чтобы снова услышать старый эпос или вызвать языческих героев из ада, чтобы предоставить им место в раю. Они верили, что святые молятся о мертвых героях из Земли Блаженных, изучают природу этой страны чудес и размышляют о героических подвигах «древних дней, которые, кажется, намного древнее, чем любая история, написанная в любой книге».

Читая такие истории, мы получаем урок в духе христианской терпимости и христианской доброжелательности.

Глава 2

КЕЛЬТСКИЙ НАРОД

Исследования обнаруживают тот факт, что кельтоязычные народы были различных антропометрических типов: низкорослые и темнокожие, а также высокие и светловолосые горцы и уэльсцы, низкорослые и широкоголовые бретонцы, различные типы ирландцев. Люди скандинавского типа со скандинавскими именами говорят по-гэльски. Но все имеют похожие телосложения и темперамент, унаследованные, как и кельтский язык, потомками. Этнически кельтской расы, как таковой, не существует, но кое-что передалось по наследству со времен «кельтской чистоты», которая объединила различные социальные элементы в один общий тип, обнаруживаемый часто там, где теперь никто не говорит на кельтском языке. Бесстрастные англосаксонцы могут внезапно обнаружить в себе нечто забытое из кельтских черт своих предков.

В настоящее время продолжают конкурировать две главные теории кельтского происхождения. Согласно первой, кельты отождествляются с предшественниками низкорослой, брахицефалической (короткоголовой) «альпийской расы» Центральной Европы, жившей там в неолитические времена после своей миграции из Африки и Азии. Этот тип обнаруживается среди славян в отдельных частях Германии и Скандинавии, в современной Франции в области «Celtae» Цезаря, среди овернцев, бретонцев, а также в Лозере и Журе. Представители этого типа были обнаружены в бельгийских и французских неолитических захоронениях. Профессор Сержи называет этот тип «евразийской расой» и, вопреки распространенному мнению, отождествляет их с арийцами — диким

народом, более поздним по отношению к долихоцефалической (длинноголовой) средиземноморской расе, язык которой они арианизировали. Позже пришли белги, усвоившие кельтскую речь народа, который завоевали.

Брока предполагал, что темные брахицефалические люди, которых он отождествил с кельтами («Celtae») Цезаря, были побеждены белгами и приобрели язык своих завоевателей, который поэтому филологи неправильно называют кельтским. Белги были рослыми и светловолосыми и наводнили Галлию, кроме Аквитании, смешиваясь с кельтами, которые во времена Цезаря получили вливание белгской крови. Но еще до завоевания кельты уже смешались с местным длинноголовым народом Галлии, иберийцами, или средиземноморцами, по определению профессора Сержи. Последние, очевидно, остались сравнительно чистыми от примеси Аквитании.

Но были ли низкорослые брахицефалические люди кельтами? Цезарь говорит, что людей, которые называли себя «кельтами», римляне называли галлами. Галлы, согласно классическим авторам, были высокими и светловолосыми. Следовательно, кельты не были низкорослым темнокожим народом; Цезарь отмечает, что галлы (включая кельтов) смотрели с презрением на низкорослых римлян. Страбон также говорит, что кельты и белги имели одинаковую галльскую внешность, то есть были высокими и светловолосыми. Утверждение Цезаря о том, что аквитанцы, галлы и белги отличаются по языку, обрядам и законам, не подкреплено свидетельствами и, что касается языка, может означать не больше, чем разницу в диалектах. Это также вытекает из слов Страбона, кельты и белги «немного отличаются» по языку. Ни один классический автор не описывает кельтов низкорослыми и темноволосыми, всегда наоборот. Скорее, низкорослых, темноволосых людей называли иберийцами независимо от формы черепа. Классические свидетели не были краниологами. Низкорослый брахицефалический тип теперь известен во Франции, потому что он всегда был таким, вытесняя высокий светловолосый кельтский тип. Завоеватели-кельты, более малочисленные, чем корена-

стые и узкоголовые аборигены, соединялись брачными узами или имели менее длительные связи друг с другом. С течением времени тип более многочисленной расы стал преобладающим. Даже во времена Цезаря представители этого типа, вероятно, уже превосходили по численности высоких и светловолосых кельтов, которые, однако, кельтизировали их. Но классические авторы, которые знали истинных кельтов как высоких и светловолосых, видели только этот тип, точно так же, как любой человек при первом посещении Франции или Германии видит повсюду обобщенный тип французов или немцев. Позже он не меняет своего мнения, не делали этого и классические свидетели. Военные кампании Цезаря, должно быть, способствовали оттоку из Галлии многих высоких и светловолосых кельтов. Это, с учетом тенденции темноволосых людей превосходить по численности светловолосых в Южной и Центральной Европе, может помочь объяснить растущее преобладание темного типа, хотя высокий и светловолосый тип вовсе не редок там.

Вторая теория, как теперь легко предположить, видит в галлах и белгах высокий светловолосый кельтский народ, говорящий на кельтском языке, принадлежащий расе, которая распространилась от Ирландии до Малой Азии, из Северной Германии до реки По. Некоторые белгские племена претендовали на германское происхождение, но слово «германец» в этом случае может не означать тевтонца. Светлые волосы этих людей заставили многих предположить, что они были родственны тевтонцам. Но светлость волос относительна: более темноволосых римлян можно назвать светлыми шатенами, а они делали различие между «светловолосыми» галлами и более светловолосыми немцами. Их уклад и религиозные взгляды (согласно профессору Рису) отличались; хотя они очень долгое время общались, имена их богов и священников не схожи. Их языки, исходя из одного «арийского» источника, отличаются друг от друга больше, чем кельтский от италийского, что указывает на длительный период итало-кельтского единства до того, как италийцы

и кельты разделились, и кельты вступили в контакт с тевтонцами. Типичный германец отличается по менталитету и нравственным установкам от типичного кельта. Сравните восточного скотта (шотландца) тевтонского происхождения с западным горцем — и разница сама бросится в глаза. Исторические кельты и германцы отличаются оттенком светлых волос, характером, религией и языком.

Высокие, белокурые люди тевтонского типа из захоронений в Роу были длинноголовыми. Были ли кельты (предполагается, что «кельты» Брока не были истинными кельтами) длинноголовыми или же короткоголовыми? Брок считает, что белги, или «кимры», были длинноголовыми, но все должны согласиться с ним в том, что раскопанных черепов слишком мало, чтобы сделать обобщающий вывод. Кельтские черепа железного века в Британии долихоцефальны (длинноголовы); возможно, это было следствием местного заболевания. «Кимрские» черепа Брока — мезоцефальны; он приписывает это смешиванию с низкорослыми круглоголовыми. Сведения слишком скудны для обобщений, хотя среди валлонов (возможно, они являются потомками белгов) и некоторых галлов есть довольно высокий процент широкоголовых.

Череп британцев округлые (начало кельтского бронзового века), главным образом широкие, лучшие экземпляры показывают сродство с неолитическим брахицефалическими черепами из Гренеля (хотя их хозяева были на пять дюймов ниже). Доктор Беддо считает, что узкочерепные белги в целом обеспечили преобладание мезо- и брахицефалического круглоголового населения Британии. Доктор Тёрнам полагает, что галльские черепа были округлыми, с нависшими бровями. Профессоры Рипли и Сержи, игнорируя разницу в высоте и более высокий цефалический показатель, отождествляют их с низкорослой альпийской расой (кельтами Брока). Это отрицает Кин. Может быть, эти народы произошли не от общей языковой семьи и пришли в Европу в разное время?

Но оправданно ли на основе изучения нескольких сотен черепов делать далеко идущие выводы относительно наро-

дов, живших в течение нескольких тысяч лет? В какой-то очень отдаленный исторический период там мог сложиться кельтский тип, а в последующем, возможно, появился арийский тип. Кельты, которых мы знаем, должно быть, смешались с аборигенами Европы и стали смешанной расой, сохранив свои расовые и психические характеристики и наделив ими другие народы. Некоторые галлы или белги были длинноголовыми, если судить по их черепам; другие были брахицефалические, сохраняя светлые волосы другого оттенка. Классические авторы-свидетели не сообщают нам ничего об этом народе. Но ирландские тексты рассказывают о проживании в Ирландии как высокого, светловолосого, голубоглазого, так и низкорослого, темнокожего, темноглазого типов. Даже в отдаленные эпохи имело место взаимовлияние кельтов и других народов. Что происходило в евразийских степях — гипотетической колыбели «арийцев», откуда кельты шли, двигаясь на запад, — по правде говоря, это тайна за семью печатями. Люди, чья арийская речь должна была доминировать повсюду, возможно, уже обладали различными типами черепа, и та эпоха была далека от «самого начала».

Их соединяли общий язык, обряды и религия; они образовали в Центральной и Западной Европе общий кельтский тип. Браки с уже смешанными неолитическими людьми Центральной Европы еще больше удалили их от чистого кельтского расового типа; но в отношении языка, традиций и веры кельтские элементы преобладали. Миграция кельтов в Галлию произвела дальнейшее расовое смешивание с потомками старого палеолитического типа, длинноголовыми иберийцами и лигурийцами, а также брахицефалическим смуглым народом (кельтами Брока). Таким образом, даже первые кельты, пришедшие в Британию — гойделы, — были народом смешанной расы. Следовательно, среди кельтоязычного народа или их потомков (низкорослых, темноволосых, широкоголовых бретонцев; высоких, светловолосых или рыжих горцев; высоких каштанововолосых уэльсцев или ирландцев; горцев скандинавского происхождения; низкорослых, темноволосых, узкоголовых горцев) есть биологическая общ-

ность — кельтская *фация*. Эти народы стали кельтскими, говорили на кельтском языке и выказывали старый кельтский характер: тщеславие, словоохотливость, возбудимость, переменчивость настроения, развитое воображение; любовь к романтическому; привязанность к семейным узам; сентиментальную любовь к своей стране; религиозность, легко переходящую в суеверие, и сравнительно высокий уровень половой морали. Некоторые из этих черт уже были отмечены классическими авторами-очевидцами.

Кельтская речь рано утратила начальную «р» старой индоевропейской речи, кроме слов, начинающихся с «pt» и, возможно, «ps». Кельтское «pate» (*лат.* «pate») стало «age», которое встречается в словах «Aremogici» («обитатели моря»), «Arecluta» («обитатели Клайда» — области, омываемой рекой Клайд). Ирландское «athaig», мэнское «ауч» и ирландское «iasg» представляют соответственно латинское «pater» и «piscis». «Р», встречающееся между гласными, было также потеряно; например, ирландское «саога» («овца») появляется от «карегах»; «fog» («на», *лат.* «super») — от «uper». Это изменение произошло прежде, чем гойделские кельты вторглись в Британию в X веке до н. э. Пока кельты и тевтонцы еще контактировали, последние заимствовали слова с начальным «р». Например, готское «fairguni» («гора») произошло от кельтского «regcunio» и позже стало «Ercunio» (Еркинейский лес). Эта потеря, должно быть, произошла до 1000 года до н. э. После отделения гойделской группы произошло дальнейшее изменение. Гойделы сохраняли звук, передаваемый буквенным сочетанием «qu» или, проще, «с» или «ch», но он был изменен на «р» оставшимися на континенте кельтами, которые принесли с собой в Галлию, Испанию, Италию и Британию (бритты) слова, в которых «q» стало «р». Британское «Epidii» происходит от «epos» («лошадь»), которое есть в староирландском слове «ech» (*лат.* «equus»). «Parisii» получило свое название от «Qarisii»; «Pictones», или «Pictavi», — от «Pictos» (слово во множественном числе «Picti» дает нам слово «пикты»), от «quicto-». Это изменение произошло после гойделского

вторжения в Британию в X веке до н. э. Некоторые континентальные кельты, возможно, позже восстановили произношение «q». В Галлии «q» в слове «Sequana» (Сена) не было изменено на «р», и племя, обитавшее на берегах этой реки, было названо «Sequani». Это предполагает, что «Sequana» было докельтским словом, возможно лигурийским. Профессор Рис считает, что гойделские племена (отождествляемые им с кельтами Цезаря) жили в Галлии и Испании до пришествия галлов и сохранили в своей речи «q». Именно им мы обязаны словом «Sequana», а также некоторыми названиями с буквой «q» в Испании. По крайней мере несомненно, что гойделские кельты q-группы оккупировали Галлию и Испанию до прихода в Британию и Ирландию. Ирландская традиция и археологические данные подтверждают это. Но были ли их потомки «кельтами» Цезаря — неясно. Кельты и галлы, согласно Цезарю, были одним и тем же народом и, должно быть, говорили на одном языке.

Диалекты гойделской языковой группы — ирландский, мэнский, гэльский и диалект континентальных гойделов — сохраняли звук «q»; диалекты галло-бриттской языковой группы — галльский, бретонский, уэльский, корнуоллский — изменили «q» на «р». Речь пиктов, возможно связанных с пиктонами Галлии, также содержала в себе звук «р». Кто же тогда были пикты? Согласно профессору Рису, они были доарийцами и, должно быть, находились под влиянием бриттских кельтов. Доктор Скин считал их гойделами, говорящими на гойделском диалекте с бриттскими формами. Николсон считает, что они были гойделами, которые сохранили индоевропейское «р». Возможно, они не были потомками бриттской группы, которая пришла в Британию очень рано и была вытеснена пришельцами на север. Профессор Виндиш и доктор Стокс считают их кельтами и союзниками скорее бриттов, чем гойделов, так как фонетика их речи похожа скорее на валлийскую, чем на ирландскую.

Теория ранней гойделской оккупации Британии оспаривалась профессором Мейером, который утверждал, что первые гойделы достигли Британии из Ирландии во II веке, а

доктор Макбейн высказал мнение, что Англия (кроме Уэльса и Корнуолла) не знала гойделов, так как здесь всюду британские топонимы. Некоторые считают, что гойделы не пришли в Ирландию из Галлии или Испании, поскольку Британия была более доступной для мигрирующих гойделов с континента, чем Ирландия. Гойделская оккупация до IX века до н. э. определяется названием «Cassiterides», применяемым к Британии, которое пиктские захватчики могли изменить на Pretanis, что обнаруживается в уэльском «Ynys Pridain» (остров Придайна или остров пиктов). С пиктской оккупацией согласуется тот факт, что ирландские гойделы называли пиктов, которые прибыли в Ирландию, Cruithne = Qritani = Pretani. В Ирландии они почти несомненно усвоили речь гойделов.

Независимо от того, все ли пиктские захватчики Британии назывались «Pictavi», это слово, или «Picti», которое, возможно, происходит от «quicto» (ирландское «cicht», «резчик»), стало общим названием для этого народа. «Q» было на континенте изменено на «p»; следовательно, «Pictavi», или «Pictones» — «татуированные люди», которые «вырезали» рисунки на своих телах, что, несомненно, делали пикты. Вытесненные на север наступающими бриттами и белгами, позже они стали злейшими врагами Рима. В 306 году Евмений описывал все северные племена как «каледонцев и других пиктов», а часть племен, которых упоминает Птолемей, имеют британские имена или родственные галльским. Топонимы в пиктской области, личные имена в пиктской хронике и пиктских названиях (подобно слову «Peanfahel») имеют сродство с британским. Позже пикты были завоеваны ирландскими гойделами — скоттами, смешавшись перед этим с гойделами, если они уже были в Британии. Возможно, они переняли некоторые нравы у аборигенов. Но матриархат, по-видимому, одно время был кельтским. Бритты, как и каледонцы, имели общих жен. Что касается татуировки, то можно считать пиктскую татуировку способом национального отличия. Ее цель, возможно, была декоративной, или же созданной для устрашения врага, или была отметка тотема, как и в других местах. Наконец, описа-

ние пиктов как людей, обладавших огненными волосами и могучими конечностями, показывает, что они отличались от низкорослых темноволосых представителей докельтского населения.

Пиктская проблема остается загадкой для знатоков древностей, филологов и этнологов. Наше знание пиктской религии слишком скудно, но мы знаем, что пикты приносили жертву, идя на войну, что было в обычае у кельтов и друидов.

Древнейшее кельтское «царство» располагалось в регионе между верхним Рейном, Эльбой и Дунаем, где, возможно, в неолитические времена сформировался и кельтский язык. Здесь они сначала стали известны грекам, возможно, как полумифические гиперборейцы — народ, находившийся за Рифейскими горами, откуда дул ветер Борей, с которым в IV веке их отождествлял Гекатей. Затем они стали известны как кельты, а их территория — как *Celtica*, а слово «Galatx» использовалось как синоним слова «кельты»¹ в III веке до н. э. Названием, обычно применяемым римлянами по отношению к кельтам, было «галлы»² — термин, окончательно закрепленный ими за населением Галлии. Последующие отряды кельтов пошли дальше этой сравнительно ограниченной территории, пока кельтская «империя» в течение нескольких столетий до 300 года до н. э. не включила в себя Британские острова, части Иберийского полуострова, Галлию, Северную Италию, Бельгию, Голландию, большую часть Германии и Австрии. Когда германские племена восстали, кельтские отряды появились в Малой Азии и остались там как галатские кельты. Связанные с кельтской фацией археологические открытия, сделанные в большинстве этих стран, свидетельствуют о сходстве их топонимов. Кельтс-

¹ Если слово «кельты» происходит от слова «qelo» («поднять»), то оно может означать «высокий», подобно тому, как многие дикари называют себя по преимуществу «людьми». Рис выводит это слово из «qel» («убить») и связывает его со словом «воин». Название «галаты» происходит от слова «gala» (ирландское «gal») — «храбрость». Возможно, откуда происходит и слово «воины».

² Название «галлы» может быть связано со словом «галаты», но Д'Арбуа отрицает это.

кое слово «*dunon*», укрепление или замок (гэльское «*dun*») обнаруживается в составе географических названий от Ирландии до южной России. «*Magos*» («поле») встречается в Британии, Франции, Швейцарии, Пруссии, Италии и Австрии. Названия рек и гор, известных в Британии, встречаются и на континенте. Пеннинская линия Кумберленд имеет то же название, что и Аппенины. Реки, названные в честь своих божеств — *devos*, — встречаются в Британии и на континенте: Ди, Дева и т. д.

Имели ли кельты политическое единство в своей великой «империи» под властью одного вождя? Такое единство не было полным на территории от Ирландии до Балканского полуострова, но оно существовало в большей части кельтской области. Ливий, следуя Тимагену, говорит о короле Амбигате, правившем кельтами на территории от Испании до Германии, и пославшем сыновей своей сестры — Белловеса и Сеговеса — с многими спутниками к новым колониям в Италии и Геркинейском лесу. Ливий говорит, что могущественное племя битуригов избрало королем страны кельтов Амбигата. Кельтскую силу в древнем мире можно объяснить единством кельтского народа и наличием множества кельтизированных народов и их религиозной сплоченностью. Друиды в то время были кельтскими священниками и, должно быть, приложили усилия для образования и сохранения такого единства. Амбигат стал центральной фигурой, воплощавшей идею единой империи. В Галлии арверны и их король претендовали на власть над остальными племенами, а римляне пытались ослабить кельтское единство, противопоставляя им эдуев. В Бельгии гегемония была в руках суэссионов, королю которых подчинялись племена белгов в Британии. В Ирландии «высший король» властвовал над остальными, меньшими королями, а в Галатии единство племен сохранялось благодаря совету с регулярными собраниями.

Распространение легенды об Амбигате могло помочь сохранять единство, напоминая о мифическом величии прошлого. Бойи и инсубры обратились к трансальпийским галлам за помощью, напомнив им о великих делах общих предков. Кроме того, друиды не упускали возмож-

ные случаи вселить в умы своих учеников чувство национальной гордости. По этой и другим причинам римляне, для которых «суверенитет всей Галлии» был недопустимым лозунгом, приложили усилия, чтобы подавить их. А кельты были слишком территориально рассеяны, чтобы образовать компактную империю. Римская империя расширялась постепенно, с учетом своей силы; сплоченность кельтов в империи или при одном правителе стала невозможной из-за их миграций и распространения. Их единство было разрушено восстанием тевтонских племен, а их покорение было совершено Римом. Мечты об обширной империи остались мечтами, ибо кельты, несмотря на их энергичность, были народом мечтателей; их завоевания в более поздние времена были скорее завоеваниями духа, чем бронированного кулака. Они передали другим свои характерные черты; организованное единство и обширная империя оказались для них недостижимы.

Глава 3

БОГИ ГАЛЛИИ И КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ КЕЛЬТОВ

Отрывок, в котором Цезарь описывает галльский пантеон, гласит: «Они поклоняются в основном богу Меркурию; есть множество его символов, и они считают его изобретателем всех искусств, проводником путешественников, имеющим огромное влияние на сделки и торговлю. После него они поклоняются Аполлону и Марсу, Юпитеру и Минерве. О них они придерживаются почти таких же убеждений, как и другие народы. Аполлон исцеляет болезни, Минерва учит трудолюбию и искусствам, Юпитер правит небесами, Марс управляет войной... Все галлы утверждают, что они происходят от Диспатера, их прародителя».

Как будет отмечено в этой главе, у галлов было множество других богов, кроме этих; римские боги, которых Цезарь считает кельтскими божествами, скорее всего, только приблизительно соответствовали им в своих функциях. Подобно тому как греки назвали именами своих собственных богов богов Египта, Персии и Вавилонии, римляне отождествили со своими богами греческих, тевтонских и кельтских богов. Отождествление редко было полным и часто распространялось только на одну конкретную функцию или свойство. Это часто было частью государственной политики; слияние культов было направлено на то, чтобы разрушить власть друидов. По-видимому, галлы легко приняли римскую цивилизацию и согласились на процесс ассимиляции их божеств богами своих завоевателей. По этой причине мы имеем тысячи надписей, в которых бог называется именем римского божества, с которым был ассими-

лирован, и одновременно своим собственным кельтским именем — Юпитер Таранис, Аполлон Граннус (Граннос) и т. д. Иногда к имени римского бога добавлен описательный кельтский эпитет или слово, произошедшее от кельтского топонима. Поскольку Август восстановил культ лар (при этом сам он был главным ларом), то эпитет Август придавали всем богам с характером лары; например, Беленус (Беленос) Август. Культы местных богов стали культурами гения места вместе с гением императора. Однако в некоторых случаях оставались только исконные имена. Этому процессу способствовало искусство. Кельтские боги изображались после греко-римских или греко-египетских. Иногда они содержат в себе нативный божественный символ, в некоторых случаях образ полностью исконный, например, образ Цернунна. Так, местное язычество было в значительной степени преобразовано прежде, чем в Галлии появилось христианство. Поклонялись многим римским богам не только римляне в Галлии, но и галлы; мы обнаруживаем там также следы восточных культов.

Вероятно, в Галлии было множество местных богов, племенных и других: богов путей и торговли, искусства, исцеления и т. д., которые носили различные имена, легко могли отождествляться друг с другом или с римскими богами. Римские Меркурий, Марс, Минерва, возможно, отождествляются с множеством местных Минерв, Марсов и Меркуриев. Но помимо многочисленных местных богов были некоторые великие боги, распространенные во всей Галлии, которым поклонялись все. Исследование божественных имен в «*Altceltischer Sprachschatz*» Холдера показывает, насколько многочисленными были местные боги континентальных кельтов. Профессор Энвил полагает, что 270 богов упоминаются в надписях однажды, 24 — дважды, 11 — трижды, 10 — четырежды, 3 — пять раз, 2 — семь раз, 4 — пятнадцать раз, 1 — девятнадцать раз (Граннос) и 1 — тридцать девять раз (Беленос).

Бог или боги, отождествляемые с Меркурием, были очень популярны в Галлии, как свидетельствует Цезарь. В Галлии многие божества имели имена, произошедшие от римского имени этого бога. Вероятно, они вытеснили

имена соответствующих местных богов. Много храмов этого бога было в регионе, где жили аллоброги, там в большом изобилии были найдены его бронзовые статуэтки. Плиний описывает его колоссальную статую в большом храме арвернов в Пюи-де-Дом. Меркурий не всегда был главным богом; время от времени, например во время войны, становилась определяющей роль местных богов войны. Имена местных богов, близких Меркурию, многочисленны; в некоторых случаях они связаны с названиями мест, где поклонялись местному «Меркурию»; иногда имя бога означало его функцию. Один из этих титулов — Артайос — возможно, родствен ирландскому «art» («бог») или связан с «artos» («медведь»). Профессор Рис считает его родственным уэльскому слову «аг» («вспаханная земля»), что говорит о связи этого бога с сельским хозяйством; это же подтверждается другой надписью — Меркурию Култору в Вюртемберге. Местные боги сельского хозяйства, должно быть, уподоблялись Меркурию. Бог Моккус («свинья»), также отождествлявшийся с Меркурием, был духом урожая в Европе. Плоть свиньи часто вводилась в толщу земли в полях, чтобы способствовать ее урожайности. Свинья была у кельтов священным животным и стала антропоморфным богом плодородия, подобным Меркурию. Меркурий ведал также плодovitостью мелкого и крупного скота. Этот бог был одним из важнейших кельтов, занимавшихся сельским хозяйством.

Торговля, очень развитая у оседлых галлов, дала начало богу или богам, которые охраняли пути, по которым путешествовали торговцы, и границы, где проходила их торговля. Об этом свидетельствует надпись из Йоркшира: «Богу, который изобрел дороги и пути». Местным богом путей, приравниваемым к Меркурию, был Цимиацин.

Другой бог, Огмиос — бог родного языка, — притягивает людей цепями, прикрепленными к кончику языка, и отождествляется у Лукиана с Гераклом. Он тождествен гойделскому Огме. Вопросы красноречия и языкового общения были очень важны для примитивных народов, и не случайно этот бог имеет большее сходство с Меркурием (как богом культуры), чем с Гераклом.

На некоторых галльских монетах изображается голова, к которой привязаны меньшие головы. В одном случае из уст выходят нити, что символизирует Огмиоса. Были и другие интерпретации.

С Меркурием отождествлялись и некоторые другие местные боги — сельского хозяйства, торговли и культуры, и кельтскому Меркурию иногда поклонялись на вершинах холмов. Это стало основой одного из имен этого бога — Думиас, связанного с кельтским словом, обозначающим «холм», или «курган». Ирландские боги также были связаны с курганами.

Множество местных богов отождествлялись также с Аполлоном, богом света, обладавшем способностью исцелять¹. Эти две функции не являются несовместимыми. Здесь уместно привести имя Гранноса (Граннуса), бога весеннего тепла в Британии и на континенте. Это имя имеет корень, от которого происходят слова, означающие «горение», «светлое» и т. п., а также ирландское слово «*grian*» («Солнце»). Этого бога вспоминают в наше время, когда поют вокруг костров в Оверне. Поджигается сноп пшеницы, который называется «*Granno mío*», и в это время как поют: «Гранно, мой друг; Гранно, мой отец; Гранно, моя мать». Еще одним богом весеннего тепла был Борво, Бормо, или Борманус, чье имя происходит от «*bovo*», откуда идет и уэльское «*berw*» («кипение»), очевидно связанное с пузырением ручьев. Изготовленные по обету скрижали, на которых было написано «Граннос» или «Борво», свидетельствуют, что жертвователи хотели исцеления для себя или других.

Имя Беленос встречается в обширной области (главным образом в Акилее), происходит от «*belo-s*» («яркий») и означает «сияющий». Это имя кельтского бога Солнца приравнивается в этом отношении к Аполлону. Его часто упоминают классические авторы, а много позже Авсоний говорит о его священнике в Галлии. Множество

¹ Таковыми местными богами были Анектиомарус, Белен, или Беленос, Бормо, Борво, или Борманус, Кобледулитаvus, Космис, Граннос (Граннус), Ливикус, Мапонус, Мого или Могоунос, Сианус, Тоутиорикс, Виндоннус, Виротутис.

местных названий и личных имен указывают на популярность его культа, а надписи показывают, что он был также богом здоровья и целительных источников. Растение *Belinuntia* было названо в его честь и почитается за целительные способности. Как показывает наше исследование кельтских праздников, функции света и плодородия бога Солнца естественно сочетаются с функциями исцеления.

Бог по имени Мапонус, связанный со словами, обозначающими «молодость», следы которого обнаруживаются в Англии и Галлии, приравнивается к Аполлону. В дакийской надписи он назван *Vonus Puer*. Другой бог, Могонс, или Могоунос, чье имя происходит от «*Magos*» («увеличиваться») и предполагает идею юной силы, также мог быть богом Солнца, хотя некоторые свидетельства указывают на то, что он был богом неба.

Кельтский Аполлон упоминается классическими авторами. Диодор говорит о его круглом храме на острове гиперборейцев, украшенном исполненными по обету жертвоприношениями. Цари города, где стоял храм, и его блюстители были названы «бореадами» («*Boeads*»), и каждый девятнадцатый год бог показывал танец на небе в день весеннего равноденствия. отождествление этого храма со Стоунхенджем, а бореадов с бардами полностью гипотетическое. Аполлоний утверждал: кельты считали, что воды Эридана происходят от слез Аполлона — вероятно, это нативный миф, приписывающий сотворение весны и рек слезам бога, приравниваемого к Аполлону. Кельтским богом Солнца, как уже было отмечено, был бог исцеляющих источников.

Известны около шестидесяти имен кельтских богов войны, которые обычно приравниваются к Марсу. Вероятно, они были местными племенными божествами, которые помогали верующим в них воевать. Некоторые из имен показывают, что эти боги воспринимались как могущественные воины. Например, Катурикс («царь сражения»); Белату-Кадрос («прекрасный заклинатель скота»); Альбиорикс («царь мира»). Имя Ригисамус, произошедшее от «*rix*» и «*samus*» («подобный кому-либо»), означает «подобный царю».

Тоутатис (Toutatis), Тотатис (Totatis) и Тутатис (Tutatis) найдены в надписях из Секау, Йорка и Старого Карлисла и могут отождествляться с Тевтатом Лукана, которого он упоминает вместе с Таранисом и Езусом, считая его одним из трех всекельтских богов. Если бы это было так, мы могли бы рассчитывать обнаружить намного больше посвященных им надписей. Комментаторы Лукана отождествляет Тевтата то с Марсом, то с Меркурием. Его имя связано со словом «*teuta*» («племя»); поэтому он являлся племенным богом войны, став воплощением воинственности племени.

Нетон, бог войны аккетанов, имеет имя, близкое к ирландскому «*nia*» («воин»); его можно приравнять к ирландскому богу войны Нету. Другой бог, Камулос, известен из британских и континентальных надписей и изображен на британских монетах вместе с воинственными символами. Возможно, он имеет некоторую связь с Кумалом, отцом Фионна, хотя неясно, был ли Кумал ирландским божеством.

Еще одним богом, приравниваемым к Марсу, является галльский Брасиака, бог солода. Согласно классическим авторам, кельты были пьющим народом, привозили много вин, но производили и собственные напитки; например, ирландские «*cuirm*» и «*braccat*», которые изготавливались из солода (*braich*).

Цезарь говорит, что кельтский Юпитер правил небом. Бог, который держит колесо, вероятно, являлся богом Солнца, а бог грома, названный Таранисом, по-видимому, приравнивался к Юпитеру. Бог Солнца с колесом не приравнивался к Аполлону, который был подобен кельтским богам исцеления. В некоторых случаях бог с колесом держит также молнию; на некоторых алтарях, посвященных Юпитеру, изображены и колесо, и молния. Многие народы символизировали Солнце кругом или колесом; а древнеримский бог Сумман (возможно, сначала бог Солнца, позже уподобленный Юпитеру) держал в качестве своего символа колесо. У кельтов была та же символика, они использовали символ колеса в качестве амулета, а на праздниках в разгаре лета сверкающие колеса, символизирующие Солнце, катили вниз по склону. Возможно, этот бог изображался с молни-

ей, потому что кельты, подобно другим народам, верили, что молния была искрой Солнца.

Три бога претендуют на имя (которое приводит Цезарь) Диспатера: бог с молотом; восседающий бог, названный Цернунном, и бог, названный Езусом или Сильваном. Возможно, исконный Диспатар в разных районах имел различные функции и потому это были местные формы одного бога.

Бог Таранис, которого упоминает Лукан, имеет также формы Таранооса и Таранукноса в надписях, причем иногда приравнивается к Юпитеру. Эти имена связаны с кельтскими словами, обозначающими «гром»; следовательно, Таранис — бог грома. Комментаторы Лукана отождествляют его то с Юпитером, то с Диспатером. Последнее отождествление поддерживается многими, кто считает бога с молотом одновременно Таранисом и Диспатером, хотя невозможно доказать, что бог с молотом — это Таранис. На одной надписи бог с молотом назван Суцеллом; следовательно, мы можем рассматривать Тараниса как отдельного бога грома, приравниваемого к Юпитеру (возможно, названного Тараном в уэльской истории о Кульвихе).

Первобытные люди, оружием и инструментом которых были только каменный топор или молот, должно быть, рассматривали этот символ силы как принадлежность божества. Топор был божественным символом для микенцев, обоготворяемым предметом для жителей Полинезии и халдеев. Культ топора или молота, вероятно, был широко распространен, и для кельтов, как и для многих других народов, он был божественным символом. Поэтому он, вероятно, означал силу и мощь. Кельты изготавливали молоты из свинца, использовали топор с головой как амулет, изображали их на алтарях и монетах; они также вкладывали молот в руку бога.

Бог с молотом — это грациозная бородатая фигура, одетая в галльское одеяние; кроме того, он держит в руке чашу. Его символы (особенно молот) являются также символами Плутона этрусков, с которыми кельты находились в контакте. Он является кельтским Диспатером — богом подземного мира, а также богом плодородия и прародителем кельт-

ского народа. Это бог благосклонный: его молот подобен инструменту, с помощью которого человек создал так много вещей, и это символ творческой производительной силы. Как прародитель кельтов, этот бог, конечно, изображался в кельтском одеянии. На одном барельефе он назван Суцеллом и изображен с супругой Нантосвельтой. Различные значения приписывали слову «Суцелл»; но, скорее всего, оно обозначает способность бога нанести удар молотом. Поэтому М. Д'Арбуа считает его богом упадка и смерти, подобным Балору¹. Хотя кельтский Диспатер был богом мертвых, который жил в подземном мире, он не был разрушительным богом. Бог подземного мира был богом, от которого произошло царство людей; он был также богом плодородия. К этому мы еще возвратимся.

На алтаре, обнаруженном в Париже, изображен бородатый бог с крученым металлическим ожерельем. Он назван Цернунном, что может означать «рогатый», так как «септа» означает «рога»; сходство с ним имеет целая группа безымянных богов с подобными атрибутами.

На бронзовой скульптуре из Отена надето крученое металлическое ожерелье с двумя бараноголовыми змеями. На памятнике в Вандовре изображен сидящий на корточках рогатый бог, прижавший мешок. Два гения стоят возле него на змее, причем один из них держит крученое металлическое ожерелье.

Еще одна сидящая на корточках рогатая фигура с крученым металлическим ожерельем встречается на алтаре в Реймсе. Она сжимает мешок, из которого сыплются зерна, и ими кормится бык. Выше изображена крыса, по обеим сто-

¹ Д'Арбуа объясняет Нантосвельту как «Ту, которая сияет на войне». Однако богиня не имеет ни одного из атрибутов богини войны. М. Д'Арбуа также рассматривал изображения на барельефе бога с молотом, женскую фигуру и ребенка как галльские эквиваленты Балора, Этне и Луга. Но Этне не совершает никаких воинственных деяний в ирландской истории, а Луг и Балор были смертельными врагами, поэтому трудно объяснить, почему они вдруг появляются рядом. Возможно, Нантосвельта, подобно другим кельтским богиням, была речной нимфой. «Нанто» на галльском языке означает «долина», а «nant» на старобретонском — «узкое место» или «ручей». Ее имя могло означать «светлая река».

ронам стоят Аполлон и Меркурий. На алтаре из Сента изображен сидящий на корточках безголовый бог с крученым металлическим ожерельем и мошной. Около него богиня с рогом изобилия, а также божество с рогом изобилия и яблоком. Похожая сидящая на корточках фигура, поддерживаемая мужским и женским божествами, изображена с другой стороны алтаря. На алтаре в Боне три фигуры — одна рогатая с рогом изобилия, две другие, трехголовые, держат корзину. Три фигуры — одна женщина и двое мужчин — обнаружены на алтаре в Деневи. Один бог — трехликий, у другого — рог изобилия, который он предлагает змее.

Известно также изображение трехликого бога, держащего змею с головой барана.

Поэтому Цернунн, вероятно, был трехголовым, рогатым, сидящим на корточках богом с крученым металлическим ожерельем и бараноголовой змеей. Но рогатый бог иногда оказывается членом триады, возможно представляющей мифы, в которых Цернунн был связан с другими богами. Трехголовый бог может быть идентифицирован с рогатым богом, хотя на алтаре в Боне они отличаются. Рога, крученое металлическое ожерелье, рогатая змея и даже тройная голова, возможно, были символами, имеющими отношение не только к одному богу, хотя обычно они связываются с Цернунном.

Сидящего на корточках бога некоторые исследователи теперь считают буддийским или греко-египетским. Но если этот бог Диспатер (бог-прародитель кельтов), то, как указывает М. Моват, естественно изображать его в типичном для галлов положении — сидящим на корточках, поскольку они не использовали сидений. Рога были символами силы; их носили также вожди на шлемах. Они также свидетельствуют, что этот бог являлся антропоморфной формой более раннего бога — в виде животного, подобно волчьей шкуре других богов. Следовательно, рогатых животных можно рассматривать как символы бога; это объясняет их присутствие на памятнике в Реймсе. Но изображение бараноголовой змеи рядом с трехголовыми и рогатыми богами загадочно; возможно, это было связано с культом мертвых;

об этом говорит сходство этих богов с Плутоном. Значение крученого металлического ожерелья также осталось неясным, но, вероятно, возможно, оно считалось символом силы воина, который он дарит богу.

Много попыток было предпринято, чтобы доказать некельтское происхождение трехголовых божеств или их изображений, но надежных свидетельств этого нет. У кельтов также был культ человеческих голов, они устанавливали их на своих домах, чтобы получить защиту от призраков. Тела или головы мертвых воинов защищали их землю или племя; миф говорит о том, что голова бога Брана спасла его страну от вторжения. В других мифах человеческие головы говорят после того, как были отсечены. Поэтому легко поверить в то, что изображение головы бога имело еще более мощное защитное влияние, особенно в том случае, если она был утроена и смотрела во всех направлениях.

Значение триады на этих памятниках не вполне ясно, но можно предположить, что она представляет мифы, в которых рогатый или трехголовый бог был центральной фигурой. Наверное, мы не очень ошибемся в отношении таких богов, как Цернунн, бог изобилия, если будем судить о нем по его символам и рогу изобилия, который держат его спутники — возможно, божества плодородия. В некоторых случаях встречаются фигуры, сидящие на корточках, и рогатые богини с рогом изобилия. Это может быть изображение супруги Цернунна. Мы можем пойти далее и «увидеть» в этом боге изобилия и плодородия единого бога Земли и подземного мира, поскольку Земля и «подземелье» были прочно связаны в представлениях живших тогда людей. В этом случае Цернунн может рассматриваться как другая форма кельтского Диспатера. Кстати говоря, не обнаружены изображения Цернунна там, где найдены многочисленные изображения бога с молотом Диспатера. Таким образом, эти два варианта могут быть различными местными формами одного и того же бога. Изображать прародителя людей Цернунна сидящим на корточках естественно для людей, которые сами садились на корточки. Относительно символов мы знаем, что Плутона путали с Плутом, богом богатства, потому что зерна и минералы происходят из зем-

ли и являются дарами бога Земли или подземелья. Кельтский миф может содержать ту же путаницу.

На алтаре в Париже и на некоторых стелах бог нападает на змею с дубинкой. Известно, что у богов, имеющих антропоморфные формы более ранних обожествленных животных, иногда сопровождают животные как символы или слуги; в некоторых случаях животные враждебны им. Но в случае с Цернунном змея осталась в качестве его символа.

Диспатер был богом роста и плодородия, и, кроме того, он был владыкой подземного мира мертвых, который не обязательно был мрачной обителью «темных» богов, как часто пишут исследователи кельтской религии; он был прародителем жизни. Возможно, подразумевалось, что (как и в других мифологиях) люди вышли на поверхность земли из подземной области, подобно деревьям, которые произрастают из глубины земли. В таком случае владыку подземного мира можно было считать прародителем людей.

Молот и чаша — это также символы бога, называемого Сильваном. М. Моват отождествлял его с Езусом, богом, покровительствующим вырубке леса топором. Однако топор и молот не обязательно тождественны; они, как уже было отмечено, символы Диспатера. Поверхностная связь между римским Сильваном и кельтским Диспатером, возможно, была обнаружена галло-римскими художниками в связи с тем, что они оба носят волчью шкуру (когда-то мог существовать кельтский бог мертвых в виде волка). Римский бог также был связан с волком. Это можно рассматривать как пример поверхностной ассимиляции римских и кельтских божеств, но в этом случае еще сохранялись символы исконного Диспатера — чаша и молот. Поскольку Диспатер был также богом плодородия, здесь была еще одна связь с Сильваном, богом леса и растительности. Культ этого бога был широко распространен в Испании, Южной Галлии, по берегам Рейна, в Цизальпинской Галлии, Центральной Европе и Британии. Но на одной надписи дается имя Сельванос. Если это видно, то это имя, возможно, было получено от слова «selva» («владения»), его обладатель был богом богатства, которое в примитивных обществах состояло из скота. В

кельтской мифологии считалось, что домашние животные пришли с божественной земли. Поэтому Сельванос мог легко совместиться с Сильваном, богом стад.

Таким образом, кельтский Диспатер в разных областях имел различные имена и формы, мог уподобляться различным чужеземным богам. Поскольку Земля и подземелье близко связаны, он мог стать богом Земли, заняв место более ранней богини — Земли-матери, которая превратилась в его супругу или мать. На памятнике из Зальцбаха Диспатера сопровождает богиня по имени Эракура, держащая в руках корзину с плодами, а на другом памятнике из Обер-Зеебаха спутник Диспатера держит рог изобилия. Эракура также упоминается вместе с Диспатером на некоторых надписях. Остается пока неясным, является ли она кельтской богиней, но ее присутствие вместе с кельтским богом является весомым доказательством этого. Она может представлять старую богиню Земли, чье место постепенно захватил исконный Диспатер.

Лукан упоминает о боге Езусе, который изображен на алтаре в Париже как лесник, рубящий дерево, ветви которого окружают быка с тремя журавлями — Тарвоса Тригараноса. Та же фигура без имени встречается на другом алтаре в Треве, и в этом случае голова быка видна в ветвях, на которых сидят птицы. С. Рейнак применяет к содержанию этих алтарей одну формулу: «Божественный Лесник рубит Дерево Быка с Тремя Журавлями». Вероятно, здесь изображен некоторый неизвестный нам миф, но М. Д'Арбуа видит в этом намек на события в саге о Кухулине. К этому мы еще вернемся. В этом случае лесник, дерево и бык могут быть связаны с богом растительности, и здесь показан эпизод жертвоприношения. Если Езус был богом растительности, некогда изображавшимся в виде дерева, то это объясняет, почему (как говорит комментатор Лукана) человеческие жертвы Езусу вешались на дереве. Езусу поклонялись в Париже и в Треве; монета с именем Езуса была найдена в Англии; а в Англии, Франции и Швейцарии встречаются такие личные имена, как Езугенос («сын Езуса»), Езунертос (тот, кто обладает силой Езуса). Таким образом, культ этого бога

был сравнительно широко распространен. Но нет свидетельств того, что он был кельтским Иеговой или совместно с Тевтатом и Таранисом членом всекельтской триады. Если бы такая триада существовала, то, несомненно, были бы найдены все три имени на одной надписи. Лукан не упоминает этих богов как триаду, богов всех кельтов или даже одного племени. Он только подчеркивает тот факт, что им поклонялись, принося человеческие жертвы; очевидно, они были более или менее известными местными богами.

Островные кельты считали, что некоторые из их богов жили на холмах или внутри холмов. Мы не знаем, разделяли ли такую веру галлы, хотя некоторым из их божеств поклонялись на холмах; известен Пюи-де-Дом. Имеется также свидетельство поклонения среди них горам. Одна надпись гласит: «Посвящается горам». Бог Пеннинских Альп Пенин приравнивался к Юпитеру, а бог Вогезских гор был назван Восегом и изображался гигантом.

Группам богов *Dii Casses* кельты поклонялись на правом берегу Рейна, о них известно только, что они были дорожными богами. Имя означало «красивый» или «приятный»; *Cassi* появляется в личных именах и племенных названиях, а также в древнем названии Британии — Касситериды. Оно, скорее всего, показывает, что новые земли были более красивы, чем те, которые кельты оставили. Когда в Англии было обнаружено олово, средиземноморские торговцы назвали его в честь названия места, где оно было обнаружено, например, медь была названа «*cupreus*» в честь Кипра.

Поклонялись также многим местным охраняющим божествам. Когда основывали новое поселение, оно попадало под покровительство племенного бога или обожествляемой реки, на берегу которой располагали деревню, и название переходило к этой деревне, а божество становилось ее покровителем. Так, боги Бибракт и Немауз были охраняющими божествами городов Бибракте и Немауза. Другие места были названы в честь Беленоса. Основание города отмечалось на ежегодном празднике с жертвами и возлияниями в честь божества-покровителя, с чем Элой

боролся в VIII веке. Традиция соединения имени божества с названием города или региона отвечала чувству патриотизма. Те, кто боролся за свои дома, боролись и за своих богов, которые также сражались на их стороне. Несколько надписей «Посвящается гению места» встречаются в Англии, а в ирландских текстах есть упоминания защищающих богов, но чаще их место занимали местные святые.

Кельтский культ богинь принял две формы почитания: отдельных богинь и групп богинь, причем последние гораздо более многочисленны, чем группы богов. Отдельным богиням поклонялись как супругам богов, и такой культ иногда простирался далеко. Еще более популярным был культ групп богинь. Из них Матери-богини, возможно, были древними богинями Земли-матери. Затем они легко могли стать божествами конкретных ремесел или даже войны. Многие отдельные богини известны только по имени, они имели чисто местный характер; некоторые местные богини с разными именами приравнивались к близким по функциям римским богиням.

Кельтская Минерва учила ремеслам и искусствам и поэтому является эквивалентом ирландской Бригит. Ее функции соотносятся с положением женщины как «первого цивилизатора»: организация систематического ведения сельского хозяйства, прядение, гончарное искусство и т. д. В течение этого периода поклонялись в основном богиням; кельты долго находились на этой стадии развития, и богини, покровительствующие культуре примитивного общества, сохраняли свое значение. Богиней, приравниваемой к Минерве в Южной Франции и Англии, была Белесама. Это имя происходит, возможно, от *qual* («гореть» или «сиять»). Поэтому она ассоциировалась с культом огня, подобно Бригит и богине Сул, приравниваемой к Минерве в Бате и в Гессе: в ее храмах горели вечные огни. Она была также богиней горячих источников.

Некоторые богини войны ассоциируются с Марсом: Неметона (в Британии и Германии), ирландская богиня Немон или Катхубодуа, тождественная ирландской богине войны Бадб Катха («боевая ворона», которая терзала тела убитых). Другой богине, Андрасте — «непобедимой»,

поклонялся народ Боудикки, принося человеческие жертвы, как и скордиски — Беллоне.

Богиня охоты отождествлялась с Артемидой в Галатии, где у нее была священнослужительница Гамма, а также на западе. На празднике галатской богини собак венчали цветами, верующие пировали, и ей приносили жертвы. Другие богини приравнивались к Диане, одна из ее статуй был разрушена в христианское время в Треве. Считалось, что эти богини мчались через лес с сопровождавшей их свитой. В более поздние времена уже одна Диана стала, подобно Холде, предводителем «разъяренного воинства», а также пирушек ведьм. В «Жизни цезаря Арлеса» говорится о «злом духе», которого крестьяне называли Дианой. Бронзовая статуэтка изображает богиню, едущую на диком кабане, ее символе.

Богини защищали также реки и источники, были связаны с богами исцеляющих источников. Дирона (или Сирона) связана с Граннусом, главным образом в Восточной Галлии и в окрестностях Рейна; иногда они изображаются с виноградом и пшеницей в руках. Эта богиня, возможно, некогда была связана с плодородием, возможно, с Землей-матерью; и если ее имя означает «долгоживущая», то это подходящий титул для богини Земли. Другая богиня, Станна, упоминаемая в надписи в Периге, являясь «постоянной или неизменной», также была богиней Земли. Граннус был также связан с местными богинями Весунной и Авентией, от которых произошли имена Весона и Аванше. Статуя Граннуса стояла также в храме богини Сены — Секваны. С Бормо ассоциировались Бормана в Южной Галлии и Дамона в Восточной Галлии. Деа Бриксия была супругой Луксовия, бога вод Луксейла. Имена других богинь вод обнаруживаются на мемориальных досках, которые помещались в этих водах или вблизи их. Римские нимфы, иногда связываемые с Бормо, также стали кельтскими богинями вод, которые сохранились как водные феи в более поздних народных поверьях. Некоторые речные богини дали свои имена многим рекам в кельтской области: многочисленные Авоны были названы по имени Абнобы, богини истоков Дуная; многие Дее и Дивы — по имени Дивоны. Клота была

богиней Клайда, Сабрина восседала на своем престоле под прозрачными волнами Северна, Икауна была богиней Йонне, Секвана — Сены, а Синнан — Шаннона.

В некоторых случаях лесами правили богини: лесом Арденна — богиня Деа Ардуинна, а Черным лесом (возможно, из-за его многоводья) — Деа Абноба. Некоторые богини известны только тем, что они ассоциировались с богом; например, Росмерта — с Меркурием в Восточной Галлии; другие остались обособленными, как Эпона — речная богиня, соединившаяся с животным божеством и известная благодаря надписям как богиня-лошадь. Но самое поразительное обнаруживается в группах богинь.

Из них Матери-богини, имя которых приняло латинскую форму *Deae Matres* и чей культ распространялся даже на тевтонцев, упоминаются во многих надписях на протяжении всей кельтской области, кроме Восточной и Северо-Западной Галлии. Они обычно изображаются втроем, держа в руках фрукты, цветы, рог изобилия или младенца. Будучи богинями плодородия, они, возможно, произошли из культа великой Матери-богини — персонифицированной Земли. Она сохранилась как богиня Бересинтия, которой поклонялись в Отоне, где ее изображение носили по полям, чтобы способствовать их плодородию. Поклонение Матери-богине лежало в основе многих религий, но постепенно ее культ заменился культом бога Земли, кельтского Диспатера, или Дагды, чьей супругой стала эта богиня. Поэтому она может быть богиней с рогом изобилия на памятниках с изображением рогатого бога, то есть Эракуррой, супругой Диспатера. Богиня на памятнике в Эпинале держит корзины с фруктами и рогом изобилия, ее сопровождает бараноголовая змея. Эти символы показывают, что эта богиня была родственна Матери-богине. Иногда она изображалась утроенной, ведь культы считали число три священным числом. Примитивное разделение года на три времени года — весну, лето и зиму — могло оказать влияние на утроение богини плодородия, с которой был связан ход изменения времен года. Группы из трех богинь обнаруживаются и в других мифологиях: гаторы в Египте, мойры, горгоны и грации в Греции, римские парки и норвежские

норны, при этом Матери-богини иногда приравнивались к мойрам и паркам.

В лице Матери-богини, богинь плодородия и изобилия мы имеем один из наиболее популярных аспектов кельтской религии. Это произошло в эпоху, когда женщины возделывали землю, а Земля считалась богиней, чей культ отправлялся священнослужительницами. Но с течением времени Матери-богине были дарованы новые функции. Возможно, речные и другие богини — это также Матери, чьи функции стали «специализированными». Матери-богини почитались как охранительницы отдельных людей, семейств, домов, городов, районов или всего племени, как свидетельствуют их эпитеты в надписях. Матери-богини *Domesticae* — это домашние богини; Матери-богини *Treveraе* являются матерями Трева; Матери-богини *Nemetiales* — это хранители рощ. Кроме того, что они были охранительницами полей, как Матери-богини *Campestrae*, они приносили процветание городам и людям. Они оберегали женщин, особенно в период родов, и в этом аспекте родственны Юноне, которой также поклонялись в Галлии и Британии. Таким образом, это имя стало общим для большинства богинь, но все они подобным образом были прямыми потомками первобытной Земли-матери.

Народное суеверие сохранило память об этих богинях в виде трех добрых дам и «Белых женщин», которых встречали путники в лесах, или в виде трех фей, а также мудрых женщин народных сказок, которые появляются во время рождения детей. Но иногда их считали ненавистными ведьмами. Матери-богини и другие богини, возможно, сохранились в виде добросердечных фей скал и речных потоков, в виде феи Абонды, которая приносила богатство дому, или Эстереллы из Прованса, которая делала женщину детородной, или Арил, которую наблюдают в лугах, или в виде таких существ, как, например, Мелусина, Вивиана и другие. Культ Матери-богини обнаруживается в галло-римской Британии, но неясно, был ли он местным. Уэльское имя фей И Мамау, «Матери», и фраза «благословение Матерей», используемая в благодарственных молитвах, могут быть воспоминанием о таких богинях. Присутствие подобных

богинь в Ирландии будет рассмотрено позже. Матери-богини с ребенком на руках иногда принимались за изображения Девы, и поскольку они были из древесины, почерневшей от времени, то они занимают почетное место в христианских святынях. Множество церквей Нотр-Дам были построены на тех местах, где, как считают, чудесным образом было обнаружено изображение Девы, то есть, вероятно, языческой Матери. Точно так же алтарь, посвященный Матери-богине в Везоне, теперь посвящен Деве как «доброй Матери».

В надписях, обнаруженных в Восточной и Цизальпинской Галлии и в регионах Рейна и Дуная, упоминаются *Matronae*, и это имя, возможно, указывает на богинь, подобных Матерям-богиням. Она родственна богиням многих рек, например Марне или Мейроне, и это указывает на связь Матерей с реками. Мать-река оплодотворяла большой район, и таким образом выражала характеристику всей группы богинь.

Родственными Матери-богине являются также *Suleviae*, охранительные богини, называемые на некоторых надписях Матерями-богинями; *Comedovae*, чье имя, возможно, означает опекунство или силу; *Dominae*, которую наблюдают в доме (видимо, Госпожа из средневекового фольклора); Девы (возможно, нарицательное имя Матери-богини, если иметь в виду, что в Галлии и Ирландии были девственные священнослужительницы); *Proxumae*, которой поклонялись в Южной Галлии, и *Quadriviae*, богине дорожных перекрестков в Шербуре.

Имена некоторых римских богов, обнаруживаемые на надписях, не приравнивались к местным (нативным) божествам. По-видимому, они были приняты галлами как новые боги или же полностью вытеснили подобных нативных богов. Другие, не упомянутые Цезарем, приравнивались к местным божествам: Юнона — к Кливане, Сатурн — к Арвалу, а местному Вулкану кельты посвящали жертвы войны. Кроме божеств пиренейских надписей, которые не могут быть кельтскими, всего известно более четырехсот местных божеств, которые приравнивались или не приравнивались к римским богам. При этом боль-

шинство местных богов известны то под одним, то под другим именем. Только в очень редких случаях богу поклонялись во всей кельтской области под одним именем, хотя некоторые боги в Галлии, Британии и Ирландии с разными именами имеют, несомненно, похожие функции.

Религиозные верования континентальных кельтов разнообразны. Обнаружены следы примитивных сельскохозяйственных обрядов, где был приоритет богинь перед богами, имелись культы божества неба, Солнца, грозы, лесов; культы обожествляли некоторых животных и поклонялись им.

Далее мы имеем свидетельства о более высокой стадии развития — о поклонении божествам культуры, целительства, охоты, войны и подземного мира. Мы видим божеств кельтской группы — богов отдельных людей, семьи, племени. Иногда высокое положение занимают боги войны — во время военных действий или у племенной аристократии, — но с развитием торговли боги ассоциируются с торговлей, и на передний план выходят мирные искусства. В то же время популярные культы сельскохозяйственных районов, должно быть, оставались, как и в старину. С принятием римской цивилизации образованные кельты отделили себя от примитивных аспектов своей религии, но это происходило бы и в том случае, если бы римляне никогда не вторглись бы в Галлию. В сельских районах все еще существовали более дикие культы, но ошибочно думать, что они существовали только из-за местного населения. Должно быть, кельты принесли такие культы с собой или же усвоили культы, подобные их собственным. Живучесть языческих культов видна в том, что, хотя христианство и видоизменило их, оно не могло искоренить их полностью, и в отдаленных уголках все еще могут встречаться пережитки древнего ритуала, ибо повсюду древние почвенные религии умирают с трудом.

Глава 4

ИРЛАНДСКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

В Ирландии известны три цикла мифов о божествах и героях. Один рассказывает о Туата Де Дананн, другие — о Кухулине и фианах. Они отличны по характеру и содержанию, но боги первого цикла часто помогают героям других групп, как боги Греции и Индии помогали эпическим героям. Мы видим, что некоторые персонажи этих циклов, возможно, были известны в Галлии; о них упоминают в Уэльсе, но в Нагорье, где до сих пор рассказывают истории о Кухулине и Фионне, мифы о Туата Де Дананн в настоящее время менее известны, чем в 1567 году, когда епископ Касвелл сетовал на любовь горцев к «безобразным, лживым, буйным мирским историям, связанным с Туата Де Дананн».

Новоахейская религия в Греции и ведические священные книги Индии рассматривали богов и героев коренных жителей как демонов или домовых. Христианство в Ирландии оценивало древних богов так же сурово. С другой стороны, именно главные христианские книжники превратили старую мифологию в историю и сделали древних богов и героев королями. Несомненно, уже существовали мифы, рассказывавшие о происхождении правителей и народа от божеств, точно так же как галлы говорили о своем происхождении от Диспатера, считали себя потомками богов инки в Перу, микадо в Японии и цари в Уганде. Это — повсеместная практика, и это упростило христианским летописцам задачу преобразовать миф в историю. В Ирландии, как и в других местах, миф, несомненно, рассказывал о чудовищных расах, населявших землю в более древние времена, о борьбе аборигенов и пришельцев, об их богах, хотя

коренные боги могут в некоторых случаях отождествляться с кельтскими богами. Поэтому множество мифических элементов можно найти в хрониках Древней Ирландии. Но сами летописцы были всего лишь продолжателями процесса, который, должно быть, начал действовать, как только стало ощущаться влияние христианства. Однако они страстно стремились доказать происхождение ирландцев и более древних народов от древних библейских персонажей — процесс, дорогой для сердца современных англо-израильтян, основанный на необузданном романтизировании летописцев.

Различные истории рассказывались о первом населении Ирландии.

Банба, с двумя другими дочерьми Каина, пришел сюда с пятьюдесятью женщинами и тремя мужчинами, только чтобы умереть от чумы.

Затем три рыбака открыли Ирландию, и «они смело приняли во владение остров Банбы Честных Женщин». Уйдя, чтобы привести своих жен, они погибли в потоке в Туат Инбе.

Более популярным было описание пришествия внучки Ноя Цессайр, с отцом, мужем и третьим мужчиной Ладру, «первым мертвым человеком Ерина», и пятидесятью девицами. Ее пришествие было результатом принятия совета лаимх-дхиа, или «ручного бога», но их судно потерпело крушение, и все, кроме ее мужа Финнтайна, который пережил столетия, погибли в потоке. Судно Цессайр было менее пригодно к использованию, чем судно ее прародителей! Они погибли в потоке Партолон («не мудрее, чем другие»), который увеличивался на земле до тех пор, пока не уничтожил их всех, за исключением Туана Мак Карайла, который, после многих трансформаций, спустя столетия рассказал историю Ирландии С. Финнену. Выживание двойников Финнтайна и Туана было изобретением летописцев, чтобы объяснить, как сохранилась история колонистов, которые все погибли. С другой стороны, Китин, отвергая единственную теорию оставшегося в живых как противоречащую Священному Писанию, предполагает, что «надземные демоны» открыли все это

летописцам, если действительно не обнаружили, что это выгравировано «железным пером и свинцом на скалах».

За двести лет до пришествия Партолона пришли фоморы, и они и их вождь Сихол Грисенхос боролись с Партолоном в Мэг Ите, где они потерпели поражение. Согласно летописцам, они были демонами и потомками несчастного Хама. Ненний считает Партолона и его людей первыми скоттами, которые пришли из Испании в Ирландию. Следующими прибывшими были люди из Немед, которые вернулись в Испанию, откуда они пришли (Ненний), или умерли, согласно некоему человеку (Туану). Они также были потомками неизменного Ноя, и во время их пребывания в Ирландии им весьма мешали фоморы, которые оправились от поражения и наконец одолели немедян после смерти их предводителя. С острова Тори фоморы управляли Ирландией и вынудили немедян платить им ежегодно накануне Самайна (1 ноября) две трети зерна, молока и детей, родившихся в течение года. Если фоморы — это боги тьмы или, скорее, коренные божества, то дань можно объяснить как смутную память о жертве, предлагаемой в начале зимы, когда влиятельны силы тьмы и упадка. На острове Тори у фоморов была башня из стекла. Однажды это заметили ирландцы, которым показалось, что на ее зубчатых стенах были люди. Через год они напали на башню и были разбиты на море. От оставшихся в живых, спасшихся с разбитого флота, произошли ирландцы. Согласно другой версии, их противниками были немедяне. Тридцать из них пережили свое поражение, некоторые из них переселились в Шотландию или Мэн (бритты), некоторые — в Грецию (чтобы возвратиться как фирболги), некоторые — на север, где они узнали магию и вернулись как Туата Де Даннан. Фирболги, «люди с мешками», негодуя на позорное обращение с ними со стороны греков, убежали в Ирландию. Они включали в себя собственно фирболгов, Фир Домнанн и Галиойн. Есть основание думать, что фирболги были докельтским населением Ирландии, и фоморы — их божествами, враждебными богам кельтов. Фирболги — это вассалы Айлиль и Медб, и вместе с тем Фир Домнанн

и Галиойн враждебны к Кухулину и его народу, так же как фоморы — к Туата Де Дананн. Борьба народов и их богов были тесно взаимосвязаны.

Туата Де Дананн пришли с неба — идея, согласующаяся с их характером как добрых богов, которые, согласно поздней легенде, пришли с севера. Туата Де Дананн достигли Ирландии в Бельтайн, покрытый волшебным туманом, и наконец, после одного или, по другим сведениям, двух сражений победили фирболгов и фоморов при Маг Туиред. Более старую историю об одном сражении можно рассматривать как мифологизированное описание борьбы сил природы. Первое сражение описывается в XV—XVI веках в манускриптах, и там же упоминается о втором сражении, наполненном древними реминисценциями и составленном из различных древних документов. Фирболги, побежденные в первом сражении, после больших потерь присоединились к фоморам. Тем временем Нуаду, король Туата Де Дананн, теряет свою руку, и, поскольку ни один правитель с физическим недостатком не мог сидеть на престоле, власть была передана Бресу, сыну фоморца Элатхи и его сестры Эри, женщины из Туата Де Дананн. Однажды Эри заметила серебряную лодку, плывшую через море. Из нее вышел великолепный герой, и без долгих раздумий пара, подобно любовникам у Теокрита, «возрадовались в супружестве». Герой Элатха предсказал рождение у Эри сына, настолько красивого, что он должен стать эталоном, по которому будут мерить все красивые вещи. Он дал ей свое кольцо, но она должна была отдать его только тому, на чей палец оно подойдет. Это был ее ребенок Брес, и по этому признаку его позже, в изгнании, узнал его отец, и он получил помощь против Туата Де Дананн. Подобно другим чудесным детям, Брес рос вдвое быстрее, чем любой другой ребенок, пока ему не исполнилось семь лет. Хотя Элатха и Эри были братом и сестрой, она была из Туата Де Дананн. Здесь некоторая несогласованность мифа; в других описаниях фоморы и Туата Де Дананн были союзниками. Последние только прибыли, но уже соединились в браках с фоморами. Этого противоречия избегали летописцы, но это ука-

зывает на то, что оба народа имели статус божественных, и, хотя они конфликтовали, они соединялись в браках.

Второе сражение произошло через двадцать семь лет после первого, в Самайн. Эта борьба, подобно первой, происходила на равнине Маг Туиред, хотя в более поздних описаниях одно сражение происходит на Маг Туиред в Майо, а другое — на Маг Туиред в Слиго. Противоречиво то, что торжествующие победу Туата Де Дананн в тот период, когда Брес был их вождем, должны были отдавать дань фоморам. Очевидно, в более старых описаниях эта дань, должно быть, была наложена до первого сражения и была его причиной. Но почему божественные Туата Де Дананн могли когда-то оказаться в подчинении? Вопрос остается открытым, но ответ, возможно, кроется в аналогичных мифах о подчинении или смерти божеств, подобных Иштар, Адонису, Персефоне и Осирису. Брес взыскивал дань молока от всех безрогих серовато-коричневых коров, коров Ирландии пропускали через огонь и мазали пеплом — миф, основанный, возможно, на ритуале огня во время Бельтайна. Жадный Брес был осмеян, и «с того часа ничего, кроме упадка, не было на нем», и, когда Нуаду, придя в себя, потребовал престол, он пошел собирать войско фоморов, и они пошли против Туата Де Дананн. В сражении Индекс ранил Огму, а Балор убил Нуаду, но сам был смертельно ранен Лугом. Вслед за этим фоморы убежали в свою собственную область.

Туата Де Дананн оставались хозяевами Ирландии до пришествия милезианцев, названных так по имени Миля, сына Биля. Итх, которого послали на разведку, убили, и тогда милезианцы силой вторглись в Ирландию. Несмотря на туман, поднятый друидами, они высадились на берег, и, когда их встретили три правителя, которые убили Итха, они потребовали немедленного сражения или сдачи земли. Правители согласились жить по решению милезианского поэта Амаргина, который предложил своим друзьям заново погрузиться и удалиться на расстояние девяти волн. Если бы они могли тогда произвести высадку десанта, Ирландия стала бы их владением. Боги под-

няли шторм, который уничтожил многие из их судов, но Амаргин читал стихи, возможно фрагменты какого-то древнего ритуала, и они одолели все опасности. После их поражения оставшиеся в живых Туата Де Дананн ушли на холмы, чтобы стать волшебным народом, а те милезианцы (гойделы или скотты) стали предками нынешних ирландцев.

В описаниях завоеваний Ирландии есть множество повторений, одни и те же события нередко приписываются различным персонажам¹. Возможно, уже были различные версии похожих событий, основанных на старых мифах и преданиях, и уже существовали ритуальные практики, которые смутно помнились и требовали объяснений. У летописцев, пишущих историю с какой-нибудь заданной целью и объединяющих информацию без учета логической последовательности, все сводилось к более или менее связному повествованию.

«Вы — боги, и вот вы должны умереть, и волны будут над вами наконец. Во тьме времени, в глубине лет, в изменениях вещей вы должны уснуть, как спят убитые люди, и мир должен забыть вас ради царей».

С точки зрения летописцев, фоморы — это морские демоны или пираты, их название происходит от слова «*tuig*» («море»). Профессор Рис, соединив это название с уэльским словом «*foawg*» («гигант»), галльским «*famhair*», получил это название от «*fo*» («под») и «*tuig*» и рассматривает их как подводных существ. Доктор Макбейн соединил их с жестокими персонифицированными существами западного моря, например, Муирэртах, своего рода морской ведьмой, Фионной баллад. Но эта связь фоморов с океаном может быть результатом поздней народной этимологии, которая неправильно произвела их название от «*tuig*». Кельтский опыт, связывающий лох-

¹ Профессор Рис историю о Партолоне считает исконной, кельтской версией того же события. Партолон, с начальным «п», не может быть гойделского происхождения.

ланнов или скандинавов с фоморами, помог бы представить их как морских пиратов более или менее демонического характера. Доктор Стокс соединяет второй слог «мог» с «mage» в слове «nightmare» («кошмар») от «того» и рассматривает их как подземных, а также подводных обитателей. Но более вероятное происхождение их дают Циммер и Д'Арбуа: от «fo» и «mōgiō» («мог», «великое»), что согласуется с традицией, считавшей их гигантами. Возможно, они были милосердными богами аборигенов, но кельтские завоеватели считали их злыми, возможно приравнивая к уже известным им темным силам. Их все еще помнили как богов и называли «защитниками сидхе»¹, подобно Туата Де Дананн. Поэтому Брес стремился спасти свою жизнь, пообещав, что коровы Ирландии будут всегда с молоком, а народ Ирландии будет собирать урожай во всех концах света, и, наконец, открыв благоприятные дни для вспахивания, сеяния и жатвы. Только аборигенный бог мог знать это, и эта история наводит на размышления об истинной природе фоморов. Приписываемый им враждебный характер виден из того, что они уничтожали зерно, молоко и плоды. Но в Ирландии, как и в других местах, эта разрушительная сила осуждалась, их просили не уничтожать «ни зерно, ни молоко в Ерине превыше меры их справедливой дани». Дань выплачивалась им также в Самайне, в то время, когда влиятельными становились силы упадка. Имея в виду, что подобная «дань» была выплачена Кромму Круайху, богу плодородия, и после завоевания Туата Де Дананн они также считались враждебными сельскому хозяйству, мы поймем, что фоморы, должно быть, были коренными, аборигенными богами плодородия, кого кельты-завоеватели рассматривали как враждебных по отношению к ним и к

¹ С и д х — это волшебный холм или обитель в нем. Следовательно, тот, кто живет в нем, — это Аэс или Фир Сидхе, «люди курганов», или сидхе, волшебный народ. Прimitивной формой, вероятно, было «седхос», происходившее от «сидх», то есть «обитель» или «место» (срав. греч. «os» — «храм»). Тернейсен предполагает соединение со словом, эквивалентным латинскому «sidus» — «совокупность», или «обитель богов».

кельтским богам. Подобным образом в народном поверье доброжелательный дух зерна имеет иногда зловещий и разрушительный аспект. Так, истории о «дани» были искаженными реминисценциями ритуала богов почвы, отличавшегося немного характером от подобных кельтских божеств. Поэтому представляется несомненным, что фоморы были коренными богами, — ведь они засвидетельствованы в Ирландии до пришествия древнего колониста Партолона. Они были богами докельтского народа — фирболгов, Фир Домнанн и Галиойн — всех, кто прибыл в Ирландию до Туата Де Дананн и кого рассматривали как рабов, о которых говорили с крайним презрением. Однако должна быть рассмотрена и другая возможность. Поскольку кельтские боги были местными по характеру и поскольку группы племен часто были враждебными к другим группам, фоморы, возможно, были местными богами группы, находившейся во вражде с другой группой, которая поклонялась Туата Де Дананн.

Борьба фоморов и Туата Де Дананн — пример дуализма всех природных религий. Демоны, гиганты или чудовища борются с богами в индийской, греческой и тевтонской мифологиях, а в Персии примитивный дуализм благотворных и вредоносных сил природы стал этическим дуализмом — вечным противостоянием добра и зла. Солнце побеждается облаком и грозой, но потом снова сияет в полную силу. Растительность умирает, но каждый год снова возрождается. Так и в мифе бессмертные боги получают раны и их убивают в борьбе. Но мы не должны слишком далеко проводить эту аналогию между наблюдаемой борьбой природных стихий и войнами богов. Одно предполагает другое, особенно там, где природные силы считались богами. Кельты узнали о божественных битвах до своего прибытия в Ирландию, и их собственные враждебные силы легко были уподоблены враждебным богам аборигенов.

Главные фоморы описываются как правители. Элатха был сыном Нета, описанного Кормаком как «бог сражений у язычников гаэлов», то есть он — один из Туата Де Дананн и имеет в качестве жен двух богинь-воительниц — Бадб и

Немайн. Таким образом, он похож на фомора Тетру, жена которого — Бадб, или «боевая ворона», охотящаяся на убитых. Имя «Элатха», связанное со словами, означающими «знание», предполагает, что он был исконным богом сельского хозяйства. Генеалогические корни фоморов и Туата Де Дананн, несомненно, общие. Временное положение Бреса как правителя Туата Деа может отражать некоторый миф о временной победе сил зла. Бедность и скудость характеризуют его правление, и после его поражения в жизни его народа наступает более благоприятный период. Супругой Бреса была Бригит, а их сын Руадан, которого послали шпионить за Туата Де Дананн, был убит. Плач Бригит по убитому сыну стал первым воплем траура, который когда-либо слышали в Ерине. Другой бог, Индекс, был сыном Деа Домну, фоморской богини бездны, то есть подземного мира и, возможно, также плодородия, которая, видимо, занимала такое же положение среди фоморов, как Дану среди Туата Де Дананн. Индекс был убит Огмой, который сам умер от ран, полученных от своего врага.

У Балора была супруга Кетеленн, чей яд убил Дагду. Один его глаз стал злым от контакта с ядовитыми парами той смеси, которую приготовили друиды его отца. Требовалось четверо, чтобы подняли его веко, и его завистливое око уничтожало всех, на кого падал его взгляд. Таким образом, Балор мог убить Луга при Маг Туиред, но бог сразу поразило его глаз брошенным камнем и убил его. Балор, подобно греческой Медузе, был, возможно, персонификацией завистливого ока, которого так сильно боялись кельты. Здоровые силы и магические амулеты отводили его влияние; поэтому Луг, благотворный бог, уничтожает вредоносность Балора.

Тетра, вместе с Балором и Элатхой, во время пришествия Туата Де Дананн правили Ерином. В рассказе о посещении Коннлой Элизиума есть фраза: «Ты — герой людей Тетры», поэтому М. Д'Арбуа предполагает, что Тетра был правителем Элизиума, который он считает страной мертвых. Однако Элизиум не был страной мертвых, и, когда М. Д'Арбуа приравнивает Тетру к Кроносу, который после своего поражения стал правителем

земли мертвых героев, эта аналогия, подобно другим аналогиям с греческой мифологией, вводит в заблуждение. Он также приравнивает Бреса как временного правителя Туата Де Дананн к Кроносу, царю небес в золотой век, убитому Зевсом, что аналогично Балору, убитому его внуком Лугом. Тетра, Брес и Балор являются, таким образом, отдельными фрагментами одного бога, эквивалентного Кроносу. Однако их личности совершенно отличны. Каждый народ сам разрабатывает свою мифологию, и, хотя параллели неизбежны, мы не должны позволить им перекрыть дошедшие до нас фактические свидетельства.

Профессор Рис делает Билья гойделским двойником галльского Диспатера, владыки мертвых, предком милезианцев, которые пришли из Испании, от кого галлы, как они заявляли, произошли. Но Биль, не будучи ни фомором, ни Туата Де Дананн, является воображаемым и мрачным существом. Далее, Биль приравнивается к бриттскому Бели, который считался супругом Дон, чья семья эквивалентна Туата Де Дананн. Бели был мифическим правителем, чье царствование было своего рода золотым веком, и если он был отцом детей Дон, что сомнительно, то Биль тогда должен быть прародителем Туата Де Дананн. Но, согласно летописцам, он предок их противников — милезианцев. Бели также приравнивают к Элатхе, а поскольку Дон, предполагаемая супруга Бели, была бабушкой Ллеу, приравниваемого к ирландскому Лугу, внуку Балора, Балор же эквивалентен Бели, чье имя рассматривается профессором Рисом как этимологически связанное с именем Балора, тогда получается, что Биль, Балор и Элатха — это гойделские эквиваленты «темного» Бели. Но они также и совершенно различные личности, на них никогда не указывают как на богов-прародителей кельтов, или богов мрачного подземного мира. В кельтской вере подземный мир был, вероятно, плодородной областью и местом света, и при этом его боги не были вредными и злыми, каким был Балор.

В целом считается, что фоморы пришли как силы природы в своем враждебном аспекте. Они персонифицировали упадок, зиму, тьму и смерть, перед которыми

трепетали люди, однако они не были полностью свергнуты, поскольку бессмертные боги роста и света, правители яркого потустороннего мира, были на их стороне и противостояли их врагам. Год за годом боги страдали от напастей, но возвращались как завоеватели, чтобы снова возобновить борьбу. Миф говорил о том, что это продолжалось непрерывно¹. Боги были бессмертными, и только казалось, что они умирали. Эта борьба отражалась в ритуалах, поскольку люди верили, что они могут помочь богам магией, обрядом или молитвой. Почему тогда враждовавшие фоморы и Туата Де Дананн пережились между собой? Это отражено в мифологии — вероятно, в божественной сфере происходило то же, что и у людей. Враждующие стороны уводили женщин другого народа, или у них были периоды дружелюбия и браков по согласию. Человек делает своих богов по своему образу и подобию.

Туата Де Дананн были чем-то большим, чем люди. На севере, где они узнали магию, они жили в четырех городах, причем из каждого они принесли магическое сокровище — камень Фал, который «ревел под каждым правителем», непобедимое копьё Луга, неодолимый меч Нуаду, неистощимый котел Дагды. Но они были чем-то большим, чем мастера или друиды. Они заново родились как смертные; они имеют свой собственный божественный мир, они вмешиваются и влияют на человеческие дела. Когда фиан Каойлте и женщина из Туата Де Дананн появляются перед святым Патриком, он спрашивает: «Почему она юная и красивая, в то время как ты старый и морщинистый?» И Каойлте ответил: «Она из Туата Де Дананн, которые не увядают и живут вечно. Я из сыновей Милы, которые не вечны и увядают».

Кельты, побежденные милезианцами, приняли новую веру, и это была победа христианства над язычеством и

¹ Независимо от того, какое значение имело сражение при Маг Туиред, это место было переполнено неолитическими мегалитами, дольменами и т. д., которые, вероятно, были могилами воинов, павших в великом сражении. Возможно, это была битва между фоморами и Туата Де Дананн.

его богами, которая отразилась в мифах как борьба народов. Новая вера победила старых богов. Туата Де Дананн стали Даойне-сидхе, сказочным народом, все еще иногда называемым своим старым именем, так же как отдельные сказочные короли или королевы носят имена древних богов. Продолжалась еще старая традиция, согласно которой фоморы считались враждебными, а Туата Де Дананн — добрыми и мягкими.

Этот мифологический цикл не является полным «сводом божеств»; его кажущаяся мифологическая законченность объясняется работой летописцев, стремящихся соблюдать хронологический порядок событий. Фрагменты одних мифов обнаружены в Диндсенхасе; другие существуют в виде романтических историй, и у нас нет никаких оснований считать, что сохранились все старые мифы. Но осталось достаточно свидетельств, чтобы показать истинную природу Туата Де Дананн, — их сверхъестественную сущность и силу, их божественную и неизменную пищу и напитки, их таинственную и прекрасную обитель. «Мифологический цикл» о них очень отличается от циклов о Кухулине и Фионне. В цикле о Туата Де Дананн чувствуется «белое сияние вечности». Героические циклы, волшебные и романтические, принадлежат гораздо больше земле и времени.

Глава 5

ТУАТА ДЕ ДАНАНН

Значение имени собственного «Туата Де Дананн» расшифровывалось прежде как «люди науки, которые были богами», то есть «Дананн» здесь соединяется со словом «дан» («знание»). Но истинное значение этого имени — «племена или народ богини Дану», что согласуется с родственными словами «Туата» или «Фир Деа» («племена или люди богини»). Это название было дано целой группе, хотя у Дану было только трое сыновей, Бриан, Иухар и Иухарба. Поэтому эта группа также называется *fir tri ndea*, («люди трех богов»). Эквивалентами Дану и ее народа в уэльской истории являются Дон и ее дети.

Мы уже видели, что, хотя они и описываются летописцами как правители и воины, видны также следы их божественного происхождения. В циклах о Кухулине и о Фионне они — сверхъестественные существа и иногда демоны, помогающие или наносящие вред людям. Но наиболее преобладающей является теория, которая связывает их с холмами или курганами, бывшими местами отдыха могущественных мертвых. С курганами (*сид*) были также связаны *фоморы* и *милезианские вожди*, герои саг, или те, кто был похоронен в них. Легенда говорит, как после поражения богов курганы были разделены среди них, методы разделения в различных версиях разные. В ранней версии Туата Де Дананн бессмертны. Но в поэме Фланн Манистрех (около 1056 года) они — смертные и умирают. Теперь последуем правильной хронологии, дающей даты их царствований и даты их смерти, как в поэме Гилла Коэмейна (XI век). Поэтому в других легендах сказано, что, когда умирал Дагда, Бодб Деарг разделил

сидхе, однако даже здесь Мананнан, как считают, даровал бессмертие богам Туата Де Дананн. Старые языческие мифы показали, что боги могли умирать, в то время как в ритуале их представители могли быть убитыми. Но божество Туата Де Дананн все еще воскрешается в памяти. Эохайд О'Флинн (X век), высказывая сомнение в том, являются ли они людьми или демонами, приходит к выводу: «Хотя я рассмотрел этих божеств по порядку, однако не поклоняюсь им». Даже в более поздние времена они все еще считались богами в изгнании, — точка зрения, которая появляется в романтических историях и сагах, существовавших бок о бок с заметками летописцев. Они также считались волшебными королями и королевами и еще — феями, отличавшимися от традиционных. Они были «феями или эльфами с телесными формами, наделенными бессмертием», и тем не менее также *dei terreni* или сидхе, которым народ поклонялся до пришествия святого Патрика. Даже святой и некоторые епископы были названы прекрасными языческими дочерьми короля Лозгайре, Фир Сидхе, «людьми сидхе», то есть богами. Сидхе были названы в честь имен Туата Де Дананн, которые правили в них, но некоторые курганы иногда соединялись с именем одного бога. Сидхе были изумительными подземными дворцами, полными странных вещей, и туда избранные смертные могли пойти на какое-то время или навсегда. В этом они точно соответствуют заморскому Элизиму, божественной стране.

Но почему Туата Де Дананн были связаны с курганами? Доктор Джойс и Окурри считают, что более старшие коренные боги, или народ сидхе, предшествовали Туата Деа в курганах. Возможно, это были фоморы, «защитники сидхе», в то время как в «Меска Улад» Туата Деа идут в подземные обитатели и уже там говорят с сидхе. Мы не знаем, какая волшебная вера существовала в языческие времена, но если сидхе и Туата Де Дананн некогда отличались, постепенно они ассимилировались. Так, Дагда назван «королем сидхе»; Аэд Абрат и его дочери Фанд и Либан, и Лабрайд, муж Либан, названы сидхе, а Мананнан — супругом Фанд. Остров Лабрайда лишь немногим отличается от обычного боже-

ственного Элизиума, в то время как Мидир, один из сидхе, связан с Туата Де Дананн. Где-то сказано, что сидхе — женские, и часто сверхъестественные сущности, которые желятся на смертных. Таким образом, они могут быть реми-нисценцией древних богинь Земли. Но они не были исключительно женщинами, поскольку были короли сидхе, а, как показывает имя Фир Сидхе («люди сидхе»), святой Патрик и его друзья были приняты за представителей народа сидхе.

Формированию этой легенды также способствовал старый культ богов на могильных курганах, которые теперь иногда являются местами расположения христианских церквей. Имена ирландского бога Кенн Круайха и его уэльского эквивалента Пенн Крука (это имя сохранилось в *Penncrucium*), означали «вождь, или глава кургана». Другие курганы или холмы также имели священный характер. Следовательно, боги стали феями или были связаны с мертвыми, похороненными в курганах, поскольку феи также были или считались умершими и были там похоронены. Частое посещение курганов старыми богами заметно в молитве святого Колумбы, который просит бога рассеять «это воинство (то есть старых богов) вокруг пирамид из камней, которые правят». В древних манускриптах также сообщается, как милезианцы предназначали подземную часть Ерина для Туата Деа, который теперь ушел в холмы; отсюда следует, что боги жили в холмах, которым поклоняются ирландцы. Но, как мы увидим, боги жили в местах, отличных от холмов¹.

Возможно, уже в языческие времена на могильные холмы указывали как на могилы богов, которые умерли в мифе или ритуале, подобно могилам Зевса на Крите и Осирису в Египте. Опять же феи в некоторых аспектах являются призраками мертвых и часто посещают могильные холмы; поэтому, когда боги стали феями, они стали

¹ В Скандинавии мертвых называли эльфами, и они жили, пируя на своих курганах или холмах. Они стали местом культа предков. Слово «эльф» означает также любого божественного духа, позже — фею. «Эльф» и сидхе могут, таким образом, подобно «эльфу-хове» и сидхе или курганам, иметь аналогичную историю.

делать то же самое. И как только их стали считать мертвыми королями, любые известные курганы стали называть местами их обитания, поскольку в народных поверьях закономерно связывать курганы или другие строения не с мертвыми или их строителями, а со сверхъестественными, мифическими или даже историческими персонажами. Если бы сидхе когда-либо означали «призраков», то так было бы проще назвать мертвых богов, и соединить их с местами мертвых¹.

Множество нитей сюжета переплетается с более поздним представлением о богах, но над ними все еще висела завеса тайны, и вера в то, что они были расой людей, никогда не была абсолютной.

Дану дала свое имя целой группе богов, и была названа их матерью, подобно египетской Неит или семитской Иштар. У летописцев она является дочерью Дагды и имеет трех сыновей. Возможно, она родственна богине Ану, которую Кормак описывает как «mater deorum hibernensium. Воистину она вскормила богов». От ее имени он получает «ана» («изобилие»), и два холма в Керри названы «Сосцы Ану». Таким образом, как богиня изобилия Дану, или Ану, была, возможно, древней Землей-матерью, и смутное воспоминание об Ану в «Leicestershire», возможно, подтверждает эту точку зрения. Пещера на Датских Холмах названа «Жилищем Черной Аннис», а она, как считают, была дикой женщиной, которая пожирала человеческие жертвы. Богини Земли обычно получают человеческие жертвы, и Ану не была исключением. В культе божеств Земля и подземный мир практически тождественны, и поскольку богини Земли, подобно Деметре и Персефоне, были связаны с подземным миром, мертвые были народом Деметры. Плоды земли с их кор-

¹ Туан Маккайрил называет Туата Деа «dée ocus andée» и дает перевод как «поэты и фермеры». Эта фраза, с тем же значением, используется в «Сбiг Анманн», но там она встречается в языческой формуле благословения — «Благословение тебе богов и небогов». Но автор продолжает: «Они были их богами, магами и их небогами, домохозяевами». Это может относиться к положению царей-священников и магов как богов. Рис сравнивает санскритские «deva» и «adeva».

ниями под поверхностью были дарами богинь Земли или подземного мира. Это, возможно, объясняет случай с Дану, поскольку в кельтской религии дары цивилизации пришли от подземного мира или от богов. Профессор Рис обнаруживает имя Ану в датском «Anoniredi» («колесница Ану») на надписи из Vaocluse, и эта идентификация, возможно, объясняется тем, что богини плодородия доставлялись на поля в каком-то транспортном средстве. Кормак также упоминает о Буанан как матери и кормилице героев, по-видимому, богине, которой поклоняются герои.

Дану также отождествляется с Бригит, богиней знания (дан), вероятно через народную этимологию. Ей поклонялись поэты, и у нее было две сестры с таким же именем, связанные с целительством и кузнечным делом. Они являются двойниками или местными формами Бригит, богини культуры и поэзии, так сильно любимой кельтами. Таким образом, она является эквивалентом галльской богини, приравниваемой Цезарем к Минерве, и была обнаружена на надписях как Минерва Белесама и Бригиндо. Она — Деа Бригантя на британских надписях. Одним из мест ее почитания была земля бригантов, тех, у кого она была богиней, давшей им свое имя (сравните с ирландским «бриг» («сила» или «ремесло»); уэльским «бри» («честь», «слава»), что предполагает ее высокие функции. Но ее популярность видна в продолжении ее индивидуальности в культе святой Бригиты, в чьей святыне в Килдаре священный огонь, на который мужчине нельзя было дохнуть или приблизиться к нему, поддерживался ежедневно девятнадцатью монахинями по очереди, а в двадцатый день самой Бригит. Подобные священные огни поддерживались на высоком уровне и в других монастырях, и они указывают на старый культ богини огня, жрицы которого были девственницами, подобно жрицам храма Весты. Как уже было замечено, богини Белесама и Сул, бывшие, вероятно, богинями огня, были похожи в этом на Бригит. Но Бригит, подобно Весте, была одновременно богиней огня и плодородия, как предполагает также ее связь с обрядом Введения во храм и некоторы-

ми ритуальными пережитками. На Гебридских островах на День святой невесты (накануне Введения во храм) женщины одевались в женские одежды с пучками овса, клали дубинку в корзину и называли это «ложем Бригит». Затем они призывали: «Бригит, приди, Бригит, добро пожаловать». Или же кровать делали из зерна и сена со свечами, горящими вокруг нее, и невесту приглашали прийти, когда ее кровать была готова. Если на пепле оставался след дубинки, это было предзнаменованием хорошего урожая и года процветания. Также считалось, что если скот поедал траву вблизи святыни святой Бригит, то на следующий день она была такой же обильной, как и всегда.

Бригит, как и другие богини с подобными функциями, считалась кельтами древней наставницей цивилизации, вдохновительницей способностей в искусстве, поэзии и механике, так же как богини огня и плодородия. Она далеко превосходила своих сыновей, богов познания. Она, должно быть, появилась в тот период, когда кельты поклонялись скорее богиням, чем богам, и когда знание — искусство врачевания, поэзии, ведения сельского хозяйства — было скорее женским делом, чем мужским. Она имела женское священство, а мужчины были, возможно, исключены из ее культа, как предполагает табуированная святыня в Килдаре. Возможно, ее огонь подпитывался от священной древесины дуба, так как многие святыни Бригит были построены под дубами, несомненно замещавшими языческие святыни богини. Как богиня, Бригит более известна, чем Дану, также богиня плодородия, несмотря даже на то, что Дану — мать богов.

Другими богинями, упоминаемыми в традиции, являются Клеена и Вера, известные волшебными знаниями. Возможно, первая родственна речной богине Клоте, Клутойде (нимфа источника) континентальных кельтов; вторая, под ее другим именем Дирра, возможно, была формой богини Галлии Дироны. Айна, одна из великих волшебных цариц Ирландии, занимает свое место в Нокайни в Лимерике, где обряды, связанные с ее культом, все еще выполняются ради плодородия накануне дня лет-

него солнцестояния. Если ими пренебрегали, то, согласно местной легенде, их совершали она и ее воинство. Таким образом, она является старой богиней плодородия, чьему культу поклоняются даже во время праздника, на котором вспоминают богов, известных уже в более позднее время. Она также связана с водами как водная нимфа, какое-то время описывавшаяся Графом из Десмонда как невеста-фея, но более старые легенды связывают ее с сидхе. Она была дочерью Эогабала, короля сидхе Нокайни. Он ежегодно уничтожался на траве в Самайн его народом, потому что так было принято. Айлиль, Оломом и Ферхус решили понаблюдать сидх накануне Самайна. Они увидели, как из него появляются Эогабал и Айне. Ферхус убил Эогабала, а Айлиль попытался оскорбить Айне, который откусил кусок его уха. Отсюда его имя «Безухий». В этой легенде мы видим, как более ранние боги плодородия рассматриваются как враждебные росту. Другая история рассказывает о любви Эйлена, сына Эогабала, к жене Мананнана и жены Айне — к Мананнану. Айне предложил ей предпочесть бога, если он отдаст свою жену ее брату, и таким образом был улажен «запутанный кусочек романа», как сказал святой Патрик.

Хотя ирландские боги — воины, и есть особые боги войны, однако более известны богини войны, обычно в виде группы из трех — Морриган, Немайн и Маха. Четвертая, Бадб, иногда занимает место одной из них, или становится тождественной Морриган, или же ее имя, подобно имени Морриган, может быть родовым. Бадб означает «ворона-скальд», в форме которой появлялись богини войны, возможно, потому, что этих птиц замечали возле убитых. Она также называлась Бадб Катха, «боевая Бадб», и таким образом является эквивалентом «-атхубодуа» (-athubodua), или, более вероятно, Катхубодуа, упомянутой в надписи из Хауте-Савойе, и это, как и личные имена, подобные Бодуогенос, показывает, что богиня Бодуа была известна галлам. Бадб, или боевая ворона, связана с фомором Тетрой, но сама Бадб является супругой бога войны Нета, одного из Туата Де Дананн, который может быть эквивалентом Нетона, упоминаемого в

испанских надписях и приравниваемого к Марсу. В другом месте супругой Нета является Немайн, и она может быть Неметоной из надписей, например, в Бате, супругой Марса. Кормак называет Нета и Нейман «злой парой», которой, как мы вполне можем верить, они и были. Махе посвящались головы убитых врагов («мачта Махи»), но она, согласно летописцам, была убита при Маг Туиред, хотя она вновь появляется в саге о Кухулине, где говорится о ее жестокости. Это имя может означать «великая королева», хотя доктор Стокс, соединяя «мор» с тем же слогом в слове «фомор», называет ее «царицей кошмара». Она наносит огромный вред фоморам при Маг Туиред и впоследствии возвещает победу холмам, рекам и воинствам фей, произнося также злобное пророчество, которое должно исполниться в конце времен. Она играет заметную роль в саге о Кухулине как враждебная герою, потому что он отвергает ее любовь, однако помогает воинствам Ульстера и Бурого Быка и в конце концов пытается предотвратить смерть героя.

Выдающееся положение этих богинь, должно быть, связано с тем фактом, что женщины шли на войну, — обычай, который, как считается, был отменен Адамнаном по просьбе его матери, и множество известных героинь героических циклов являются воительницами, подобно бриттской Боудикке, чье имя может быть связано с «боуди» («победа»). Таким классам женских воинов давались особые титулы — *bangaisgedaig*, *banfeinnidi* и т. д. Но возможно, что, хотя эти богини были поначалу связаны с плодородием, их функции изменялись вместе с возрастанием воинственности кельтов. Их количество напоминает о количестве тройных Матерей-богинь, и, возможно, на изменение их характера намекает римско-британская надпись в Бенвелле, посвященная Ламиису Трибусу, поскольку имя Морриган истолковывается как «женщина-чудовище». Она также отождествляется с Ану и является госпожой Дагды, бога Земли, и вместе с Бадб и другими изгоняет фоморов, когда они уничтожили сельскохозяйственную продукцию Ирландии. Возможно, ворона-скальд была одновременно символом и воплощением бо-

гинь войны, которые похожи на норвежских валькирий, иногда появлявшихся в виде ворон, и греческих керес, птицеподобных существ, которые пили кровь убитых. Интересно также обратить внимание на то, что Бадб, которая имеет характер злой пророчицы, часто отождествляется с «Мойщицей в Форде», чье присутствие указывает на смерть того, чье оружие или одеяние она, по-видимому, чистила.

Матери-богини, богини плодородия, не появляются по имени в Ирландии, но утроение таких богинь, как Морриган и Бригит, тройное имя жены Дагды или тот факт, что Ану, Дану и Буанан названы «матерями», хотя имя Буанан иногда переводится как «благая мать», предполагает думать, что такие группы богинь не были неизвестными. Более поздняя легенда говорит о белой женщине, которая помогает прясти, или о трех ведьмах, обладающих властью над природой, или, как в «Битве Вентри», о трех сверхъестественных женщинах, которые влюбились в Кункритира, помогли ему в борьбе и исцелили его раны. В этом и других документах упоминается «сидх Белых Женщин». Богини плодородия обычно являются богинями любви, и выдающееся положение, данное женщинам среди сидхе, тот факт, что они часто называются «Бефинд», «Белыми Женщинами», подобно феям, которые представляют Матерей-богинь в других местах, и то, что они свободно предлагают свою любовь смертным, может соединять их с этой группой богинь. Опять же, когда милезианцы пришли в Ирландию, три короля Туата Деа имели жен по имени Ериу, Банба и Фодла, которые попросили, чтобы Ирландия была названа в их честь. Это было разрешено, но только Ериу (Ерин) оставалась в общем употреблении. Эта история — этиологический миф, объясняющий названия Ирландии, но эти три жены могли быть группой, подобной Матерям-богиням, хранительницам земли, которая приняла от них свое имя.

Бриан, Иухар и Иухарба дали название целой группе, названной «*tri dex Donand*» («три бога (сына) Дану») или опять же «боги дан» (знания), возможно, вследствие народной этимологии, ассоциируются с именем их матери

Дану. Различные атрибуты персонифицируются как их потомки, Мудрость является сыном всех трех. Хотя некоторые из этих потомков, возможно, действительно были богами, особенно Эхне, или Мудрость, однако, что более вероятно, персонификация является результатом утонченности искусства бардов. С другой стороны, тот факт, что Эхне является сыном трех братьев, возможно, напоминает какую-то древнюю практику многожизния, примеры которой встречаются в сагах. М. Д'Арбуа предполагает, что Иухар и Иухарба — это простые двойники Бриана, который обычно занимает ведущее место, и он отождествляет их с тремя королями Туата Деа, правившими во время милезианского вторжения, — Мак Куиллом, Мак Кехтом и Мак Грейне, называемых, согласно Китину, так потому, что орешник (*coll*), плуг (*secht*) и солнце (*grían*) были для них «почитаемыми богами». Обе группы являются внуками Дагды, и М. Д'Арбуа считает эту вторую группу также утроениями одного бога, потому что их жены Фодла, Банба и Ериу — все имеют имена самой Ирландии — являются персонификациями этой земли, и поэтому могут быть «сведены к единству». Хотя это размышление изобретательно, нужно помнить, что мы не должны слишком сильно подчеркивать божественное происхождение ирландцев, хотя каждая группа из трех, возможно, была подобна местным богам, связанным в более поздние времена как братья. Туата Де Дананн названы в честь них «Людьми этих Трех Богов», а их верховенство подтверждается тем фактом, что Дагда, Луг и Огма советуются с ними перед сражением при Маг Туиред — естественное дело, если они были богами познания или судьбы. Братья, как считают, убили бога Сиана и сами были убиты Лугом, и на этом, по-видимому, основана история «Детей Туиренн», в которой они погибают, так как не выполнили требований Луга. Здесь они — сыновья Туиренн, но чаще упоминают их мать как Дану или Бригит.

Еще одним сыном Бригит был Огма, учитель поэзии и изобретатель письменности огхам (*ogham*), — это слово произошло от его имени. Более вероятно, что имя «Огма»

является производным от какого-то слова, означающего «речь» или «письменность», и что связь с «огхам» может быть простой народной этимологией. Огма проявляет себя как защитник богов, — возможно, эта роль отводится ему по традиции — пробуждать у воинов эмоции перед сражением красноречивыми речами. Подобным образом вавилонянин Мардук, «провидец богов», был также их защитником в борьбе. Огма сражался и умер при Маг Туиред; но в других описаниях он остается в живых, хватает меч Тетры, продолжает поиски арфы Дагды и сдается сидхе после победы милезианцев. Двойником Огмы в Галлии является Огмиос, Геракл и бог красноречия, что говорит о двойном характере Огмы. Эпитет Огмы «grianainech» («с улыбающимся выражением лица») напоминает «улыбающееся лицо» Огмиоса в описании Лукиана. Высокое положение Огмы является результатом восхищения бардским красноречием среди кельтов, чья многоречивость стала пословицей, и ему, несомненно, приписывалось ее происхождение, как и происхождение поэзии. Специалисты по генеалогии объясняют его связи с другими божествами по-разному, но эта путаница может вытекать из того факта, что у богов было больше одного имени, из которых летописцы делали отдельных личностей. Чаще всего Огма называется сыном Бригит. Ее функции были подобны его собственным, но, несмотря на увеличивающееся превосходство богов над богинями, он никогда в действительности не затмил ее.

Среди других богов культуры были те, кто был связан с изобразительным искусством и ремеслами. Развитие кельтского искусства в металлообработке требовало существования богов этого искусства. Таким был Гоибниу, названный в честь бога кузнецов (староирландское «goba» означает «кузнец»). Те, кто в битве при Маг Туиред сражались копьями, сделанными этим божественным мастером, не знали поражений. Кузнецы повсюду считались сверхъестественными существами. Это — традиция, сохранившаяся со времен первого введения металла в среде тех, кто привык к каменному оружию и подручным средствам. Святой Патрик молился против «заклинаний женщин, кузнецов и друи-

дов», и поэтому неудивительно, что даже среди христиан у Гоибниу была репутация мага. Заклинание при изготовлении масла, в котором апеллируют к его «науке», в манускрипте VIII века сохранилось в Южном Галле. Довольно любопытно, что Гоибниу также связан с кулинарным искусством и, подобно Гефесту, готовит пир богов, в то время как его пиво сохраняет их бессмертие. Эйфория, вызываемая крепкими напитками, заставляла рассматривать их как глоток бессмертия, подобно Соме, Хаоме или нектару. Гоибниу сохранился в традиции как Гобхан Саэр, которому приписывается строительство круглых башен.

Еще одним богом ремесел был медник Крейдне (ирл. «cerd» — «ремесленник»; у скоттов «caird» — «ремесленник»), который помогал в изготовлении серебряной руки для Нуаду и придавал оружию, использовавшемуся при Маг Туиред, магическую скорость. Согласно летописцам, его утопили, когда он вез золотую руду из Испании.

Лухтайн, бог плотников, поставлял рукоятки для копий и обладал удивительным искусством их метания.

Диан Кехт, чье имя, возможно, означает «быстрый в силе», был богом врачевания и с помощью Крейдне сделал серебряную руку для Нуаду. Его сын Миах при помощи магии восстановил настоящую руку. И из ревности отец убил своего сына — версия сюжета сказок о ревнивом учителе. Триста шестьдесят пять трав выросли из его могилы, и они были упорядочены согласно их свойствам его сестрой Айрмед, но Диан Кехт снова перепутал их «так, чтобы никто не знал их надлежащие целительные свойства». Во втором сражении при Маг Туиред Диан Кехт жил над исцеляющим источником с магическими травами. Это и сила заклинаний исцеляли смертельно раненных, которых помещали в источник. Отсюда произошло название — источник здоровья. Диан Кехт, связанный с исцеляющим источником, в общем, может быть, родственником Гранносу. Он также упомянут в манускрипте в Южном Галле, где превозносятся его силы исцеления.

Древним владыкой богов был Дагда, который в сражении при Маг Туиред, как считают, был превознесен по-

тому, что обещал сделать больше, чем все остальные боги, вместе взятые. Поэтому они сказали: «Ты — благая рука» (даг-даэ). В «Coig Anmann» Дагда переводится как «огонь бога» (даиг и деа). Настоящее происхождение этого имени — от слов «дагос» («добро») и «дейвос» («бог»), хотя доктор Стокс считает, что имя Дагда связано с «дагх», откуда произошло «дагхда» («хитрость»). Дагда также назван Керой, словом, которое, возможно, произошло от «кар» и связано с латинским «сегус» («творец»). Другие его имена — Руад-роффесса («владыка великого знания») и Эохайд Оллатхайр («великий отец»), «ибо он был великим отцом Туата Де Дананн». Он также назывался «прекрасным богом» и «главным богом язычников». После сражения он делит между богами бруги (brugs), или сидхе, но его сын Оэнгус хитростью выгнал своего отца из его сидха, которым он теперь сам правил. Возможно, это был след старого мифа о замене культа Дагды культом Оэнгуса, что было достаточно распространенным явлением во всех религиях. По другой версии, Дагда умер, Бодб Деарг делит сидхе, а Мананнан делает Туата Деа невидимыми и бессмертными. Он также помогает Оэнгусу вытеснить его воспитателя-отца Элкмара из его бруга, где Оэнгус теперь стал жить как бог. Подземные бруги — это страна богов, во всех отношениях похожая на заморский Элизиум, и одновременно места погребения богов. Профессор Рис рассматривает Дагду как бога воздуха; доктор Макбейн видит в нем бога неба. Более вероятно, что он является древним богом Земли и богом сельского хозяйства. Он имеет власть над зерном и молоком и соглашается помешать другим богам уничтожить их после их поражения от милезианцев; ранее благотворные боги теперь рассматриваются как вредоносные — результат триумфа новой веры. Дагда назван «богом земли» «из-за величия его силы». В мифических объектах, связанных с ним, предполагается символика изобилия и плодородия: его котел, который насыщал всех посетителей, его верная свинья, всегда одна (других свиней употребляют в пищу), сосуд с пивом и три дерева, которые всегда плодоносят. Они были в его сидхе, где никто никогда не вкусил смерти; поэтому его сидх

был местным Элизиумом, не мрачной страной смерти, а подземным миром в его примитивном аспекте как местом пребывания богов плодородия. В некоторых мифах он появляется с огромной дубинкой или веткой, и М. Д'Арбуа предполагает, что он эквивалент галльского бога с молоком. Это вполне вероятно, поскольку галльский бог, по видимому, был формой Диспатера, бога плодородия Земли или подземного мира.

Если Дагда был богом плодородия, он, возможно, был эквивалентом бога, чей образ был назван Кенн, или Кром Круайх («Голова или Кривой Курган», или «Кровавая Голова, или Полумесяц»). Вэлэнси, цитируя теперь уже потерянный текст, говорит, что Кром-эоха — это имя Дагды и что девиз на жертвенном месте в Таре гласил: «Пусть алтарь всегда сияет для Дагды». Эти слова могут подтверждать эту идентификацию. Культ Крома сохранился в некоторых стихах:

Он был их богом,
Сморщенный Кром со многими туманами...
Для него без славы
Они убивали свое несчастное потомство,
С плачем и риском
Проливали свою кровь вокруг Кром Круайха.
За молоко и зерно,
Которое они поспешно просили у него,
Они отдавали третью часть своего здорового потомства.
Великим был ужас и страх перед ним.
Перед ним благородные гэлы простирались¹.

В другом месте мы узнаем, что эти жертвоприношения ради даров зерна и молока от бога совершались в Самайн и что в одном случае неистовые поклоны верующих привели к тому, что три четверти из них умерли. Опять же «они бьют в свои ладони, они колотят свои тела... Они льют ливни слез». Это — реминисценции об оргиастических обрядах, в которых страдание и удовольствие слива-

¹ Д'Арбуа считает, что Кром был фомором, эквивалентом Тараниса. Но ему поклонялись гэлы. Крин («сморщенный»), возможно, относится к положению идола после чуда святого Патрика, который больше не выпрямлялся, а оставался согнутым, как старик.

ются воедино. Бог, должно быть, был богом плодородия; кровь жертв лили на изображение, плоть, как в аналогичных диких обрядах и народных пережитках, возможно, закапывали в полях, чтобы способствовать плодородию. Если это так, то плоть жертв была преисполненной силы божества, и, хотя их количество явно преувеличено, некоторые жертвы, возможно, занимали место ранее убитого представителя бога. Мифический Кром Дубх («Черный Кром»), чье празднование происходило в первое воскресенье августа, может быть другой формой Кром Круайха. В одной истории это имя передается слугой святого Патрика, которого феи спрашивают, когда они попадут в Рай. «Не попадете, пока не наступит судный день» — был ответ, и из-за этого они прекращают помогать людям в сельскохозяйственных делах. В варианте с Мананнаном Кром задает этот вопрос, и следует тот же ответ. Таким образом, эти истории имеют ту идею, что Кром и феи были древними божествами роста, которые прекратили помогать людям, когда те покинули их из-за христианской веры. Если жертва предлагалась на празднике в августе или, как предполагают тексты, в Самайн, после урожая, то это, должно быть, было ради урожая следующего года, и плоть жертв, возможно, смешивали с зерном.

Поэтому Дагда, по-видимому, был богом роста и плодородия. Его женой или госпожой была речная богиня Боанд (Бойн), а приписываемыми ему детьми были Оэнгус, Бодб, Деарг, Дану, Бригит и, возможно, Огма. Считается, согласно хроником, что он умер от яда Кетеленн, намного позже сражения при Маг Туиред, в котором он столкнулся с ней. Ирландская мифология замечательно свободна от непристойных и гротескных мифов, но некоторые из них группируются вокруг Дагды. Мы слышим о пище в духе Гаргантюа, предлагаемой ему ради забавы фоморами, которой он съедал так много, что «ему нелегко было двигаться, и непристойным было его одеяние», а также о его поведении с фоморской красавицей. Другая любовь его была с Морриган, и место, где это произошло, до сих пор известно как «Ложе Пары». В другой истории Дагда действует как повар у Конайре Великого.

Прекрасный и очаровательный Оэнгус иногда именуется как Мак Инд Ок, «Сын Юных», то есть Дагды и Боанд, или как Ин Мак Ок, «Юный Сын». Это имя, подобно мифу о лишении его отцом наследства, возможно, указывает на то, что его культ заменил культ Дагды. Если это так, то он, видимо, был сопряжен затем с более древним богом, как это часто бывало в аналогичных случаях, например, в Вавилоне. Таким образом, Оэнгус был, по-видимому, высшим богом какого-то племени, который принял верховенство, затмив высшего бога другого племени, если не предположить, что Дагда был докельтским богом с функциями, подобными функциям Оэнгуса, и что кельты приняли его культ, но отдали культу Оэнгуса более высокое место. В одной мифе верховенство Оэнгуса вполне заметно. После первого сражения при Маг Туиред Дагда вынужден был стать рабом Бреса, и его очень раздражал один клеветник, который вымогал часть его рациона. Последовав совету Оэнгуса, он не только убил клеветника, но одержал победу над фоморами. На недостаточных основаниях, главным образом потому, что он был покровителем Диармайда, возлюбленного женщин, и потому, что его поцелуи превратились в птиц, которые нашептывали любовные мысли юношам и девушкам, Оэнгус получил название «Эрос гэлов». Вероятнее всего, что он был высшим богом роста, который случайно пострадал от затмения в момент смерти в природе, подобно Таммузу и Адонису, и, возможно, это объясняет его отсутствие в сражении при Маг Туиред. Красивая история его видения девы, в которую он сильно влюбился, содержит слишком много сказочного, чтобы иметь какое-либо мифологическое или религиозное значение. Его мать Боанд стремилась ее найти, но тщетно. Наконец, оказалось, что она является дочерью полубожественного владыки сидхе, но только благодаря помощи смертных она смогла ускользнуть от него. Она была девой-лебедем, и только в обозначенный срок Оэнгус должен был получить ее. В конечном счете она стала его женой. Эта история интересна тем, что в ней показывается, как боги иногда нуждались в помощи смертных.

Такой же сказочной была история Оэнгуса и Етайн. Етайн и Фуамнах были женами Мидира, но Фуамнах ревновала к Етайн и превратила ее в насекомое. В этой форме Оэнгус нашел ее и поместил в стеклянный грианан или беседку, наполненную цветами, аромат которых поддерживал ее. Он носил грианан с собой всюду, куда бы ни пошел, но Фуамнах подняла магический ветер, который унес Етайн далеко на крышу Этайра, знатного человека из Ульстера. Она провалилась в дымовую трубу и упала в золотую чашу с вином, и жена Этайра проглотила того, от кого она получила новую жизнь. Профессор Рис превращает все это в миф о Солнце и рассвете. Оэнгус — Солнце, Етайн — рассвет, грианан — ширь неба. Но рассвет не усиливается с возрастанием влияния Солнца, как Етайн — с возрастанием влияния Оэнгуса. При появлении Солнца рассвет начинает «ослабевать в свете Солнца, которое она любит, ослабевать и умирать».

Вся эта история построена на сказочных сюжетах «Верной Невесты» и «Двух Братьев», но приспособлена к мифическим персонажам, а грианан — это кельтский эквивалент различных предметов в историях типа «Золушки», в которой героиня скрывается, превращаясь в предмет, сохраняемый в комнате героя. Таким образом, эта история не открывает ничего из божественных функций Етайн, но иллюстрирует метод «мифологической» школы обнаруживать героев Солнца и дев рассвета в любом событии, как мифическом, так и немифическом.

Оэнгус встречается в цикле о Фионне как воспитатель и покровитель Диармайда. Вместе с Мидиром, Бадб и Морриган он изгоняет фоморов, когда те уничтожают зерно, плоды и молоко Туата Де Дананн. Возможно, это указывает на его функции как бога плодородия.

Хотя Мидир встречается главным образом как король сидхе и правитель бруга Бри Лейта, он также связан с Туата Деа. Узнав, что Етайн была повторно рождена и теперь замужем за королем Эохайдом, он вернул себе ее, но снова утратил ее, когда Эохайд напал на его бруг. В конечном счете ему отомстили в ряде трагических событий, которые привели к смерти потомка Эохайда Конайра. Хотя его сидх

расположен в Ирландии, у него так много сходства с Элизиумом, что Мидира следует рассматривать как одного из его владык. Поэтому он встречается как правитель острова Фалга, то есть острова Мэн, который рассматривается как Элизиум. После этого его дочь Блатнат, его волшебные коровы и котел были захвачены Кухулином и Куроем, а его три журавля от Бри Лейта, — возможно, искаженные версии мифов, в которых рассказывается, как различные животные и дары произошли из страны богов. Мидир, возможно, является ирландским эквивалентом местного галльского бога Медроса, изображенного на барельефах с коровой или быком.

Победа Туата Деа в первом сражении при Маг Туиред произошла в июне, однако после их победы последовала смерть многих из них во втором сражении в ноябре, что, возможно, указывает на старые мифы, драматизировавшие явления природы и связанные с ритуалом летних и зимних праздников. Силы света и роста влиятельны летом; зимой они, по-видимому, умирают. Христианские комментаторы использовали эти мифы, но рассматривали богов как воинов, которые были убиты, а не как тех, кто умирает и снова возрождается. Во время второго сражения Нуаду теряет жизнь; во-первых, хотя его силы побеждали, его рука была отсечена фомором Сренгом, ибо, даже побеждая, боги должны страдать. Диан Кехт сделал для него серебряную руку, и поэтому Нуаду получил имя Аргетлам («среброрукий»). Профессор Рис считает его кельтским Зевсом, частично потому, что он — король Туата Де Дананн, частично потому, что он, подобно Зевсу или Тиру, который потерял сухожилия или руку из-за хитрости злых богов, также был покалечен. Подобным образом в «Ригведе» Ашвины заменяют железной ногой ногу Виспалы, отсеченную в сражении, и Солнце названо «златоруким», потому что Савитри отсек свою руку, и священники заменили ее рукой из золота. Миф о руке Нуаду мог возникнуть из примитивного стремления восстановить отрезанные конечности, а также исходя из того факта, что ни один ирландский король не должен был иметь никакого телесного недостатка, или потому,

что у изображения Нуаду, возможно, не хватало руки или она была из серебра. Изображения часто калечили или приделывали им искусственные конечности, и затем возникли мифы, объясняющие этот обычай. Нуаду, по-видимому, был богом жизни и роста, но он не был богом Солнца. Его уэльский эквивалент — Ллуд Ллоуэрейнт, или «среброрукий», который избавил свой народ от различных напастей. Его дочь Крейдилад, должно быть, была замужем за Гвитуром, но была похищена Гвином. Артур решает, чтобы они должны бороться за нее ежегодно с 1 мая до судного дня, когда победитель получил бы ее руку. Профессор Рис считает Крейдилад Персефоновой, которая выходила замуж поочередно то за божество света, то за божество тьмы. Но эта история довольно неплохо может объяснить ритуальные деяния в народных пережитках в виде поединков между летом и зимой, в которых фигурирует Королева Мая, и подразумевается, что она должна помочь в борьбе богов роста с богами упадка. Крейдилад — это дочь вероятного бога роста, и при этом вовсе не невозможно, что история сражения при Маг Туиред основана на мифических объяснениях таких ритуальных боев.

Бритты поклонялись Нуаду, как Ноденсу в римско-британские времена. Остатки его храма существуют вблизи устья реки Северн, и этого бога, возможно, приравнивали к Марсу, хотя некоторые символы, по-видимому, связывают его с водами, как своего рода Нептуна. Ирландский мифический поэт Нуаду Нехт — это, возможно, Нехтан, который владел магическим источником, откуда вышел Бойне, и возможно, был богом воды. Если такой водный бог был связан с Нуаду, он и Ноденс могли быть эквивалентны кельтскому Нептуну. Но отношения и функции этих различных персонажей неясны, и неясно, приравнивался ли Ноденс к Нептуну и был ли Нуаду богом воды. Его имя, может быть, родственно словам, означающим «рост», «владение», «урожай», и это подтверждает точку зрения, принятую здесь насчет его функций. Уэльский Нудд Хаэл, или «Щедрый», который владел стадом в 21 тысячу молочных коров, возможно, был воспомина-

нием об этом боге, и, как бог роста, Нуаду имел человеческие воплощения, названные его именем.

Лер, чье имя означает «море», который был богом моря, является отцом Мананнана, а также одним из персонажей красивой истории под названием «Дети Лиры», из которой мы узнаем фактически все, что известно о нем. Он сожалел, что не стал правителем Туата Деа, но позже смирился, когда дочь Бодб Деарга была дана ему в жены. После ее смерти он женился на ее сестре, которая превратила своих пасынков в лебедей. Лер — это эквивалент бриттского Ллира, позже увековеченного Шекспиром как король Лир.

Величие Мананнана Мак Лира, «сына моря», доказывается тем, что он встречается во многих героических историях, и его все еще помнят в преданиях и народных сказках. Он — это бог моря, который стал более известным, чем более старший бог моря, и, хотя он не был высшим богом, должно быть, у него был далеко распространенный культ. Благодаря Бодб Деаргу он был избран королем Туата Де Дананн. Он сделал богов невидимыми и бессмертными, дал им магическую пищу и помог Оэнгусу вытеснить Элкмара из его сидха. Более поздние предания говорят о четырех Мананнанах, которые, возможно, были местными формами бога, как следует из того факта, что истинное имя одного из них, как считают, было Орбсен, сын Аллота. Другой сын Лера описывается как известный торговец, который проживал на острове Мэн, был лучшим кормчим, предсказывал погоду и был способен превращаться во что пожелает. В «Коир Анманн» добавляется, что бритты и люди Ерина считали его богом моря. Это видно из многих источников, например из истории «Путешествие Брана», где он внезапно исчез из виду, когда ехал на колеснице по волнам из Земли Обетованной; или из истории о «Болезни Кухулина», где его жена Фанд видит его, «всадника, пересекающего море», скачущего через волны. В «Агалламх на Сенорах» он встречается как всадник, борющийся с волнами. «Из-за пространства девяти волн он погрузился в море, но выплыл на гребне десятой, не замочив груди».

В одном древнем рассказе он отождествляется с огромной морской волной, которая уничтожила Туаг, в то время как волны иногда называются «сынами коней Лира» (название тихого течения в Ирландии) или, опять же, «локнами жены Мананнана». Его статус как бога моря, возможно, поддерживался убеждением в том, что он был правителем заморского Элизиума, а позже — потустороннего мира как волшебной области, пограничной с землей. Его все еще помнят на острове Мэн, который, возможно, обязан ему своим именем и который, подобно многим другим островам, рассматривался гойделами как остров Элизиум под своим названием остров Фалга. Он также является Манавидданом уэльской истории.

Мананнан встречается в циклах о Кухулине и Фионне обычно как правитель потустороннего мира. Его жена Фанд была возлюбленной Кухулина, Диармайд был его учеником в волшебной стране, а Кормак был там его гостем. Даже в христианские времена имя Мананнана встречается в легендах. Король Фиахна боролся со скоттами и подвергся большой опасности, когда к его жене явился незнакомец и заявил, что он спасет жизнь ее мужа, если она согласится отказаться от себя ради него. Она неохотно согласилась, и ребенком этой любви стал царь VIII века Монган, о ком летописец говорит: «Все знают, что его настоящим отцом был Мананнан». Монган также считался перевоплощением Фионна. Мананнана все еще помнят в народной традиции, и на острове Мэн, где можно увидеть его могилу, часть его ритуала сохранялась до последнего времени, где на двух холмах ради него накануне дня летнего солнцестояния клали связки тростника. Баринтус, который направил Артура к счастливым островам, и святой Барри, который пересек море на лошади, возможно, были легендарными формами местного морского божества, родственного Мананнану, или им самим. Его конь имел имя Энбарр («водная пена или волосы»), а Мананнан был «всадником гривастого моря». Возможно, слово «Баринтус» связано с «барр финд» («белоглавый»), и, таким образом, это было прозвище бога, который ехал на Энбарре, вспенивавшем волны, или был сам на волне,

в то время как его мифическая поездка через море превратилась в легенду о святом Барри, если такой человек вообще когда-либо существовал.

Мананнану приписывались различные магические предметы. У него были: оружие, которое делало его носителя неуязвимым; меч, ужасавший всех, кто созерцал его; лошадь и каноэ; свинья, которая снова оживала, когда ее убивали; магический плащ; чаша, которая трескалась, когда говорили ложь; скатерть, которая, если ею помахать, порождала пищу. Многие из этих предметов обнаруживаются в многочисленных сказках, и в них нет ничего специфически кельтского. Поэтому нам не нужно вместе с мифологами видеть в его оружии туманные облака или в его мече молнию или лучи солнца. Но их магическая природа, а также тот факт, что Мананнану приписывалось так много колдовства, указывают на мифологизацию этого имени, теперь навсегда утраченную.

Происхождение Луга трактуется по-разному, но описание, которое делает его сыном Киан и Этне, дочери Балора, — наиболее подтвержденное. Народная традиция все еще помнит о взаимоотношениях Луга и Балора. У Балора, грабителя, жившего на острове Тори, была дочь, чей сын должен был убить ее отца, то есть Балора. Поэтому он заточил ее в недоступном месте, но, мстя за похищение Балором коровы, Мак Инели добрался до нее. Таким образом, в итоге Этне родила трех сыновей, которых Балор бросил в море. Одного из них, Луга, Мак Инели спас, а его брат Гавида воспитал. Теперь Балор убил Мак Инели, но и сам был убит Лугом, который проткнул его единственный глаз раскаленным железом. В другой версии Киан занимает место Мак Инели, и ему помогает Мананнан, согласно древним легендам. История рождения Луга испытала влияние сказочных сюжетов, например о девочке, спрятанной отцом, потому что было предсказано, что у нее будет сын, который убьет его.

Луг связан с Мананнаном, с чьей земли он пришел, чтобы помочь Туата Деа против фоморов. Его вид был подобен Солнцу, и благодаря героизму этого блестящего воина фоморы были полностью разбиты. Эта версия, об-

наруженная в «Детях Туиренн», отличается от описания в истории Маг Туиред. Здесь Луг достигает врат Тары и предлагает ему услуги ремесленника. От всех его предложений отказываются, пока он не объявляет себя «человеком всех искусств», или самилданахом (*samildánach*), «владеющим многими искусствами». Нуаду оставляет ему престол на тринадцать дней, и Луг производит обозрение различных ремесленников (то есть богов), и, хотя они пытаются помешать такому удивительному человеку, рискующему собой в борьбе, он уходит, возглавляет воинов и поет свою боевую песню. Завистливого Балора он убивает, бросив в него камнем, и его смерть в тот же день оборачивается поражением фоморов. В этом описании Луг-самилданах является главным патроном божественных покровителей ремесел; другими словами, он главенствует над всей группой богов. Он был также изобретателем упряжи, игры в мяч и искусства верховой езды. Но, как показывает М. Д'Арбуа, самилданах — это эквивалент «изобретателя всех искусств», применяемого Цезарем к галло-римскому Меркурию, который, таким образом, эквивалентен Лугу. Это подтверждается и в других случаях. Имя Луга встречается в ирландском «Лоутх» (Луг-магх), в британском «Лугу-валлум», вблизи Стены Адриана, в Галлии в названиях Лугудунум (Лион), Лугудиакус и Лугселва («преданный Лугусу»), и это доказывает, что там поклонялись Лугу. Галльский праздник Лугуса в августе — месяце праздника Луга в Ирландии — был, возможно, вытеснен праздником в честь Августа. Однако не было обнаружено ни одного посвящения Лугусу, хотя изображения и надписи, посвященные Меркурию, изобилуют в Лугудунум Конвенарум. Как было три Бригит, так, возможно, было и несколько форм Лугуса, и два посвящения Луговесу были обнаружены в Испании и Швейцарии, одно из них написано сапожниками из Уксамы. Таким образом, возможно, имя «Луговес» был множественной формой имени «Лугус», а «Луговос», «герой», — значение, придаваемое форме «Луг» О'Давореном. Сапожное дело не было искусством, которому учил Луг, но профессор Рис напоминает, что уэльский Ллеу, кого он приравни-

вает к Лугу, маскируется под сапожника. Луг, помимо того что он был могущественным героем, был великим кельтским богом культуры, превосходившим всех остальных божеств культуры.

Хронисты приписывали смерти Луга определенную дату, но вместе с тем мнение о его божественности преобладало, и он встречается в описаниях как отец и утешитель Кухулина, который был, возможно, перевоплощением бога. Его высокое положение доказывается тем, что в его честь в Лугудунуме было учреждено галльское собрание, подобно празднику Лугназад в Ирландии. Ремесленники несли на продажу свои изделия на этом празднике бога ремесел, в то время как, возможно, это был также праздник урожая. Был ли это чисто солярный праздник — неясно, хотя профессор Рис и другие настаивают на том, что Луг — это бог Солнца. Имя уэльского Ллеу, «свет», приравнивается к имени «Луг», и то же значение приписывается последнему. Это отождествление спорно и сомнительно, Лугус, возможно, означает «герой». Солнцеподобные черты приписывались Лугу перед битвой Маг Туиред, и это говорит о том, что он был богом Солнца, а солярные боги в других местах, например у полинезийских Мауи, — это также боги культуры. Но следует помнить, что Луг не связан с истинными солярными праздниками Бельтайном и днем летнего солнцестояния.

Хотя наше познание Туата Де Дананн основано на мифических историях и других описаниях, знание о богах континентальных кельтов, кроме некоторых замечаний у классических авторов, происходит из надписей. Но насколько можно судить, хотя названия богов этих двух групп редко совпадают, их функции, должно быть, были во многом подобными, а их происхождение, несомненно, одно. Туата Де Дананн были природными божествами роста, света, сельского хозяйства; их символы и атрибуты предполагали мысль о плодородии (например, котел). Они были божествами культуры, ремесел и войны. Должно быть, в Ирландии было множество и других богов, кроме описанных здесь, хотя некоторым из них, возмож-

но, поклонялись на всей территории Ирландии. Вообще говоря, было множество местных богов в Галлии с подобными функциями, но разными именами, и это, возможно, было верным и для Ирландии. По-видимому, разные имена, данные Дагде, Мананнану и другим, были просто именами подобных местных богов, которые стали известными более других и привлекли к себе имена остальных. Так можно было бы объяснить идентичность Дану и Бригит или то, что было три Бригит. Мы читаем также в текстах о боге Коннахте или Ульстере, и очевидно, это были региональные божества или боги друидов. Происхождение некоторых из этих божеств можно найти в примитивном культе Земли, персонифицированной как плодородное существо, и в культе растительности и духов зерна, и неопределенных духов природы во всех ее аспектах. Некоторые из них все еще оставались почитаемыми даже в то время, когда развился культ более значительных богов. Хотя в Ирландии не было недостатка в почитании животных и божеств, которые имели антропоморфные формы более ранних животных, в материальных свидетельствах их меньше, чем на континенте. Божества культуры, ремесел, войны и явлений природы, должно быть, постепенно обрели определенную индивидуальность, приписанную им в ирландской религии. Но несомненно, что они уже обладали этим до того, как гойделы достигли Ирландии. Строго говоря, подземная область, предназначенная позже Туата Де Дананн, принадлежит только тем из них, кто был связан с плодородием. Но с течением времени большинство представителей этой группы подземных обитателей было уже связано с ростом и увеличением плодородия.

Ирландская мифология свидетельствует, что культ богинь возник в глубокой древности. Поскольку сельское хозяйство и многие из искусств были сначала в руках женщин, богини плодородия и культуры предшествовали мужским богам и все еще удерживали свое место и тогда, когда уже развился культ мужских богов. В Ирландии известны даже богини войны. Кельтских богов и героев часто называли в честь их матерей, а не отцов. Роль

женщин была первостепенной в период ирландской колонизации, и не случайно, что во многих легендах они занимают наиболее важное место. Богини дают свое имя божественным группам, даже там, где боги известны, их поступки свободны, их личности значительны. Верховенство божественных женщин ирландской традиции еще более заметно в том, что они сами добиваются и завоевывают героев; в то же время их способность любить, их вечная молодость и красота наводят на мысль, что эти древние богини олицетворяют вечно живое плодородие.

Это верховенство богинь объясняется профессором Рисом как некельтское, как заимствованное кельтами у аборигенов. Но, тем не менее, оно глубоко запечатлелось в ткани кельтской традиции, и у нас нет никакого основания предполагать, что кельты не прошли через ту же стадию, что и аборигены, и что для них такое положение вещей было естественным. Их врожденный консерватизм был причиной того, что они сохраняли это состояние дольше, чем все остальные народы.

Глава 6

БОГИ БРИТТОВ

Наше знание о богах бриттов, что касается Уэльса, получено, кроме надписей, из «Мабиногиона», который, хотя и обнаружен в манускрипте XIV века, был составлен намного раньше и содержит элементы далекого прошлого. Помимо этого отзвук древней мифологии сохраняют «Триады», вероятно от XII века, «Талиесин» и другие поэмы, хотя неясные и искусственные, многие «путаные бардовские бредни» (говоря словами одного из самих бардов). Некоторые из богов могут скрываться за персонажами «*Historia Britonum*» Джеффри Монмаута и артуровского цикла, хотя здесь нужна большая осторожность. Божества стали героями и героинями, царями и принцессами, и, хотя некоторые из эпизодов основаны на древних мифах, они трактуются в романтическом духе. Другие эпизоды — это просто сказочные сюжеты. Подобно обломкам какого-нибудь богатого галеона, развалины старой мифологии использовались для того, чтобы создать новую ткань, и старые божества имеют еще меньше богopodobных черт в персонажах ирландских текстов.

Некоторые из персонажей имеют имена, подобные ирландским божествам, а в ряде случаев есть некоторое сходство событий с событиями ирландских историй¹. Являются ли в таком случае боги, смутно показанные в уэльской литературе, такими же гойделскими, как и бриттскими? Ана-

¹ Эти события обнаруживаются главным образом в истории Бранвен — история с котлом, который является частым аксессуаром ирландских историй; возрождение воинов, также встречающееся в истории о Маг Туиред, хотя котел здесь не используется; раскаленный дом в «*Mesca Ulad*»; описание Брана, аналогичное описанию Мак Кехта.

лизируя события в «Мабиногионе», профессор Энвил доказал, что они имеют полностью местный характер и связаны главным образом с районами Дифед, Гвент, Англси и Гвинед, из которых Придери, Бранвен и Гвидион имеют героический характер. Это те районы, где преобладал выраженный гойделский элемент, независимо от того, были ли эти гойделы первоначальными жителями Британии, управляемой бриттами, или были племенами, которые пришли туда из Ирландии, или же это было и то и другое. В любом случае они были побеждены бриттами и начиная с V столетия стали говорить на языке бриттов. Из-за этого гойделского элемента персонажи «Мабиногиона» стали вполне гойделскими. Но исследование показывает, что имена лишь немногих персонажей аналогичны именам ирландских божеств, и, хотя здесь есть фундаментальные подобия, ирландские параллели могли возникнуть в процессе поверхностных заимствований, из-за обмена сказочными и мифическими сюжетами, который происходил повсюду. Многие события не имеют никаких ирландских параллелей, и большинство персонажей полностью отличаются именами от ирландских божеств. Поэтому любая теория, которая объяснила бы эти подобия, должна также объяснить различия и должна показать, почему, если «Мабиногион» во многом обязан ирландским гойделам, так мало или вовсе нет заимствований в уэльской литературе из популярных саг о Кухулине и Оссиане, и почему в то время, когда бриттские элементы были преобладающими, должны приниматься такие меры предосторожности, чтобы сохранить гойделские мифы. Если эти истории исходили от аборигенных уэльских гойделов, то объяснить это можно было бы тем, что они, колено ирландских гойделов, имели некоторую общность с ними в божественных именах и мифах, в то время как другие их боги, более местные по характеру, отличаются именами. Или если они бриттские, то подобия могли бы быть объяснимы древней общностью мифов и культов среди общих предков бриттов и гойделов. Но поскольку дата составления «Мабиногиона» сравнительно поздняя, то в то время, когда бритты наводнили гойделские районы, более вероятно, что эти истории содержат в себе смесь гойдел-

ских (ирландских или уэльских) и бриттских божеств, хотя некоторые из них, возможно, остались от общекельтского наследия. Кельтские божества имели главным образом местный, племенной характер. Следовательно, одни были местными гойделскими божествами, другие, классифицируемые вместе с ними, были местными бриттскими божествами. Это объяснило бы отсутствие божеств и героев других локальных бриттских групп, например Артура в «Мабиногионе». Но с возрастанием их значения они привлекли к своей легенде персонажей «Мабиногиона» и другие истории. Они связаны с Артуром в «Кулвих» (Kulhwych), а группа Дон (Dôn) смешивается с группой Талиесин в поэмах «Талиесин». Поэтому уэльскую литературу, насколько она связана со старой религией, можно рассматривать как включающую в себя и местных гойделских, и бриттских божеств, из которых чисто бриттскими являются Артур, Гвинн, Талиесин и т. д.¹ Они считаются королями и королевами, или феями, или же обладают магическими силами. Они смертны и умирают, и указывается место их захоронения, или же с ними связаны существующие могильные холмы. Все это аналогично истории Туата Де Дананн и показывает, как один и тот же процесс деградации действовал как в Уэльсе, так и в Ирландии.

В «Мабиногионе» рассказывается о Бранвен и Манавиддане (история группы Ллира). Они связаны с группой Пвилла и, очевидно, противостоят группе Дона. Бранвен была замужем за Матолвихом, королем Ирландии, но он плохо обращался с нею из-за того, что его оскорбил вредный Эфниссен, несмотря на то что Бран искупил это оскорбление многими дарами, включая волшебный котел восстановления. Теперь он пошел с войском на Ирландию, где Эфниссен бросает ребенка Бранвен, которому отдано царство, в огонь. После этого происходит битва; мертвые ирландские воины возрождаются в котле, но Эфниссен ценой своей жизни уничтожает его. Бран убит, и по его приказу его голову отсекают и относят сначала к Харлеху, а затем к

¹ Профессор Рис считает, что семья Ллира, возможно, была докельтской.

Гвалесу, где в течение восемьдесят лет она развлекает ее носителей. В конце этого периода времени голова должна быть отправлена в Лондон и похоронена. Бранвен, отбившая с ее носителями, умирает с разбитым сердцем в Англии, а тем временем Касваллан, сын Бели, захватывает королевство. Двое из носителей головы — это Манавиддан и Придери, о судьбе которых мы узнаем в начале «Мабиногиона». Придери отдает свою мать Рианнон в жены Манавиддану вместе с какой-то землей, которая посредством магического искусства была сделана бесплодной. После изучения различных ремесел они следуют за кабаном в странный замок, где Рианнон и Придери исчезают вместе с сооружением. Манавиддан, вместе с женой Придери Кисфой, становятся сапожниками, но вынуждены отказаться от этого ремесла из-за зависти ремесленников. Наконец мы узнаем, как Манавиддан одолел чародея Ллвита, который из-за оскорбления, нанесенного отцом Придери его другу Гвалу, сделал так, что Рианнон и Придери исчезли. Теперь их вернули, и Ллвит больше не мстит.

История Бранвен подобна истории, у которой есть варианты в тевтонских и скандинавских сагах, но она ближе к последним. Возможно, подобная история с соответствующими божествами или героями существовала и среди кельтов и тевтонцев, но более вероятно, что она была заимствована у скандинавов, которые завладели обеими сторонами Ирландского моря в IX—X веках и затем натурализовались, оставив этому месту кельтских персонажей. Но в рамках этой истории включено множество местных элементов, и поэтому мы можем тщательно исследовать историю кельтских мифов, использованных ее редактором, который, вероятно, не лишил кельтских персонажей их божественных атрибутов. В двух мабиноги этими персонажами являются Ллир, его сыновья Бран и Манавиддан, его дочь Бранвен, их единокровные братья Ниссен и Эфниссен, сыновья жены Ллира Пенардим, дочь Бели от предыдущего брака с Эвросвидом.

Ллир — это эквивалент ирландского Лера, морского божества, но двое остальных Ллиров, возможно, дублируют сами себя, ставши известными в уэльской истории, —

Ллир Марини и Ллир, отец Корделии, — от летописцев. Его постоянно путают с Ллуд Ллавереинт, например, оба описываются как один из трех известных заключенных Британии, и оба названы отцами Корделии, или Крейдиллад. Возможно, эти двое некогда были тождественны, так как в ирландских текстах Мананнана иногда называют сыном Аллойда (Ллуда), а также сыном Лера. Но возможно, эта путаница случайная, и неясно, Ноденс или Ллуд был морским божеством. Темница Ллира была темницей Эвросвида, жену которого он, возможно, похитил и поэтому был посажен в тюрьму. В «Черной книге Каэрмартен» Бран назван сыном И Веридда, или «Океана», согласно интерпретации этого имени М. Лотом, что указывало бы на статус Ллира как морского божества. Но это оспаривается профессором Рисом, который считает Иверит женой Ллира, поскольку это имя, согласно его точке зрения, является формой уэльского слова, означающего Ирландию. У Джеффри и летописцев Ллир становится королем Британии, чья история и история его дочерей были увековечены Шекспиром. Джеффри также упоминает о похоронах Ллира в хранилище, построенном в честь Януса. На этом профессор Рис строит теорию, согласно которой Ллир был формой кельтского Диса (Dis) с двумя лицами и правителем мира тьмы, но нет никаких свидетельств того, что кельтский Диспатер был владыкой мрачного подземного мира, и это больше соответствует Ллиру как морскому божеству.

В этих историях Манавиддан не богоподобен в том смысле, в каком богоподобен величественный Мананнан ирландской истории, хотя в других местах мы узнаем, что «глубоким был его совет». Хотя он и не маг, он сбивает с толку одного из великих магов уэльской истории, и он был также мастером ремесел, который наставляет Придери в искусстве сапожного дела и в шорном ремесле. В этом он родственен Мананнани, учителю Диармайда. События его жизни отражены в «Триадах», а его союз с Риннон, возможно, указывает на старый миф, в котором они были детьми от первой божественной пары, родителей Придери. Это придало бы значение избавлению При-

дери и Рианнон от враждебного мага. Рианнон похожа на ирландских богинь Элизиума, а Манавиддан, подобно Мананнану, является владыкой Элизиума в поэме «Талиесин». Он является ремесленником и занимается сельским хозяйством, что, возможно, является реминисценцией старой веры в то, что плодородие и культура происходят из земли этого бога. Манавиддан, подобно другим божествам, был вовлечен в артуровский цикл и является одним из тех, кто поймал знаменитого кабана, Тврх Трвит.

Бран, или Бендигейт Бран («Бран Блаженный»), — это, вероятно, старый языческий титул, который обозначает того, кто позже фигурировал в христианской ангиологии и является настолько огромным, что никакой дом или судно не может вместить его. Поэтому он переходит море вброд, и по мере того как он приближается к Ирландии, о нем думают, что это — гора. Возможно, был древний метод выражения его божественности — в виде гигантского искусственного человека, подобного некоторым из Туата Деа и оссиановских героев. Но Бран встречается также как Урдавл Бен, или «Благородная Голова», который заставляет время течь как во сне и, когда его похоронили, защищает землю от вторжения. И как гигант, сидящий на корточках на скале, и как голова Бран приравнивается профессором Рисом к Цернунну, сидящему на корточках богу, который также изображается в виде головы, а также — к уэльскому Уриену, ипостасью которого был ворон (предполагаемое значение имени Брана). Кроме того, его приравнивают к Утхру Бену, «Удивительной Голове», превосходному барду, арфисту и игроку на дудочке из поэмы «Талиесин». Уриен, Бран и Утхр — это три формы бога, которому поклоняются барды, а «темное» божество, которое переходит вброд море по пути к Ирландии, пересекается с Гадесом, подобно Яме, который сначала пересек быстрые воды по пути к стране смерти. Бран — это не «темный» бог в смысле, подразумеваемом здесь. Цернунн является богом счастливого подземного мира, и нет ничего мрачного или злого в нем или в Бране и родственных им существах. «Темные» божества профессора Риса иногда, согласно его точке зрения, являются «светлыми» богами, но они не могут быть теми и дру-

гими одновременно. Кельтские владыки мертвых не имели «темного» характера, и, как боги плодородия, они были, если можно так выразиться, в союзе с богом Солнца, убийцей Брана, согласно изобретательной теории профессора Риса. И хотя каким-нибудь безумцам Ирландия и могла показаться Гадесом, его введение в мабиноги указывает просто на историко-мифологическую связь между Уэльсом и Ирландией. Так, если Бран — это Цернунн, то это потому, что он — владыка подземного мира плодородия, двойник которого — далекий Элизиум, которому Бран, скорее всего, принадлежал. Так, в присутствии его головы время проходит как сон, в пире и радости. Это — истинно элизианское восприятие, и табуированная дверь в этой истории также наводит на размышления о табу Элизиума, которые в случае нарушения отнимают у людей счастье. Что касается способности головы защищать землю, то это говорит о действительных верованиях относительно реликвий мертвых, и отражает силу воздействия на верующих божественных изображений или скульптур голов. Бог Бран стал королем и законодателем в «Мабиногионе» и «Триадах», хотя Джеффри Монмаут описывает, как Белинус и Бреннус в уэльской версии о Бели и Бране спорят за корону Британии, мирятся и, наконец, завоевывают Галлию и Рим. Мифического Брана путают с Бреннусом, вождем галлов, против Рима в 390 году до н. э., а Белинус, возможно, был богом Беленосом, так же как Бели — отцом Ллуда и Касваллана. Но Бран фигурирует также как христианский миссионер. Он описан как заложник в Риме за его сына Карадавка, возвратившийся оттуда в Кимры как проповедник христианства, — легенда, возникшая из-за недоразумения по поводу его эпитета «блаженный» и путающая его сына с историческим Карактакусом. Поэтому о семье Брана говорят как об одном из трех святых семейств Придейн, и он является предком многих святых.

Бранвен, «Белое Лоно», дочь морского божества, возможно, была богиней моря, «Венерой Северного моря», если вместе с мистером Нуттом мы не станем соединять ее образ с котлом, описанным в легенде о ней. Она является символом оргиастического культа, и ее чтили как

богиню плодородия. Но эта связь неясна в истории, хотя в несколько более раннем мифе котел, возможно, и был ее атрибутом. Как Брангвайне, она вновь появляется в романе, дав микстуру любви Тристраму, что, возможно, является реминисценцией о ее первых функциях как богини любви или, ранее, плодородия. В «Мабиногионе» ее похоронили в Англси в Инис-Бронвене, где пирамида из костей, обнаруженная в 1813 году, поддерживалась как могила и останки Бранвен.

У Дон, являющейся богиней плодородия, эквивалентом Дану и, возможно, подобной ей, были дети: Гвидион, Гилветви, Амэтон, Гованнон и Арианрод, вместе с сыновьями Диланом и Ллеу. Поэтому частично они соответствуют Туата Деа, хотя единственными представителями группы, которую называют подобной ирландским богам, является Гованнон (Гоибниу) и, возможно, еще Ллеу (Луг). Гвидион, как бог культуры, соответствует Огме. В «Триадах» Бели назван отцом Арианрод, и предполагается, что эта Арианрод тождественна дочери Дон, а профессор Рис рассматривает Бели как мужа Дон. Но эта идентификация далека от достоверной, и теория, построенная на том, что Бели идентичен ирландскому Билу и что они оба являются владыками темного подземного мира, уже считается сомнительной. Согласно более поздним религиозным представлениям, Дон была связана со звездами, созвездие Кассиопеи названо ее двором. В поэме «Талиесин» она описана как «мудрая».

Эта группа божеств встречается главным образом в мабиноги — в рассказе о Мэте, о незаконной любви Гилветви к «опоре» Мэта Гозвин. Чтобы помочь ему в любви, Гвидион при помощи магической уловки достал для Мэта со двора Придери какую-то свинью, посланную ему Аравном, королем Аннвна. В последующем сражении, когда эта уловка была обнаружена, Гвидион убивает Придери при помощи колдовства. Мэт теперь обнаруживает, что Гилветви совратил Гозвин, и он превращает его и Гвидиона последовательно в оленя, свинью и волков. Восстановив человеческий вид, Гвидион предлагает, чтобы Арианрод стала опорой Мэта, но Мэт магическим испытанием обнаруживает, что

она — не дева. У нее уже двое сыновей, Дилан, воспитываемый Мэтом, и другой, кого воспитывал Гвидион и для кого он впоследствии хитростью выпытывает имя у Арианрод, которая поклялась никогда не называть его. Это имя было Ллеу Лау Гиффес («Лев Твердая Рука»). Посредством магии Мэт и Гвидион создают жену для Ллеу из цветов. Она названа Блодэуведд, и позже, по подстрекательству любовника Гронва, она обнаруживает, как можно убить Ллеу. Гронв нападает на него и ранит его, и тот улетает в виде орла. Гвидион ищет Ллеу, находит его и снова превращает его в человека. Затем он превращает Блодэуведд в сову и убивает Гронва. В основе этой мабиноги лежат некоторые независимые истории, но мы заинтересованы здесь только в том, чтобы по возможности пролить свет на божественных персонажей, которые там фигурируют.

Мэт, или Мэт Хен («Древний»), возможно, является древним божеством Гвинедом, владыкой Гвинеда. Он — король, знаменитый своим магическим искусством, которому он учит Гвидиона, и в «Триаде» он назван одним из великих магов Британии, способным к превращениям. Более важными являются его черты праведности перед лицом страданий, и чувство справедливости без каких-либо поползновений к отмщению обидчику. Трудно сказать, происходят ли эти черты от его характера как бога или от кельтского идеала короля, хотя первое вовсе не является чем-то невероятным. Возможно, его высшие магические силы делают его эквивалентом ирландского бога друидов, но это сомнительно, поскольку все боги были более или менее наделены этими чертами.

В этой истории в изобилии представлено магическое искусство Гвидиона. При дворе Придери он превращает гриб в лошадей и собак; посредством магии он создает целый флот перед замком Арианрод; с помощью Мэта он создает Блодэуведд из цветов; он придает Ллеу его естественный вид, когда находит его, истощенного орла, на дереве, он превращает неверующую Блодэуведд в сову. Некоторые из этих и других поступков упомянуты в поэмах «Талиесин», хотя Талиесин описывает себя как заколдованного Гвидионом. В «Триадах» он — один из трех великих астро-

логов Придейна, и это подчеркивание его способности к предсказанию важно, если учесть, что его имя, возможно, получено от корня «вет», придающего словам значение «говорящий» или «поэтический», хотя родственными словами являются ирландское «файтх» (faith) («пророк» или «поэт»), немецкое «вутх» (wuth) («ярость»), и имя Один. Это имя предполагает экстаз вдохновения, порождаемый пророческой и поэтической речью. В «Мабиногионе» он был могущественным бардом, и в одной поэме он под именем Гвейра был посажен в тюрьму в потустороннем мире и там стал бардом. Таким образом, получая вдохновение от богов Земли, он был идеалом веры (faith) — предсказателем, пророком и поэтом и, следовательно, богом тех, кто учит этим искусствам. Страбон говорит, что кельтское «ватес» (faith) — это также философ, и этот персонаж приводится в поэме «Сеон» (возможно, Гвидион), в которой людьми искусства были поэты и маги. Но это также бог культуры, который принес людям свинью с земли богов. Ибо, хотя Придери описан как смертный, который сам получил свинью из Аннвна (Элизиума), несомненно, что сам он был владыкой Аннвна, и, возможно, из-за воровства Гвидиона в Аннвне он, как и Гвейр, был посажен там в тюрьму «через посланника Пвилла и Придери». Здесь, непосредственно на земле богов, ради людей был совершен набег, и он оказался безуспешным, но в мабиноги рассказывается о другой версии набега. Возможно, Гвидион также принес свинью из Аннвна, поскольку он назван одним из трех пастухов Британии, хотя сам он, может быть, некогда был божественным животным, затем антропоморфным божеством, связанным с животными. Так, в «Мабиноги», когда Гвидион убегает со свиньей, он каждую ночь отдыхает в месте, одним из слогов в названии которого является «Мох» (Moch) («свинья»). Это этиологический миф, объясняющий, почему так были названы места, которые некогда были местами культа бога-свиньи, а впоследствии почитались как места Гвидиона.

Кроме того, у Гвидиона в мабиноги хитрый, мошеннический характер, и хотя «в его жизни был тайный смысл», однако у него «порочная муза». Также подразумевается, что он был любовником своей сестры Арианрод и отцом Дила-

на и Ллеу, что является мифическими отражениями того времени, когда такие союзы, возможно, были допустимы только в королевских домах. Подобные примеры встречаются в ирландских историях, и Артур был также любовником своей сестры. В более поздней религии Гвидион был связан со звездами; и Млечный Путь был назван Каэр Гвидион. По Млечному Пути его преследовала неверующая Блодэуведд. Профессор Рис приравнивает его к Одину и считает, что оба они являют черты более древнего кельто-тевтонского героя, хотя это недостаточно очевидно.

Амаэтон благой описан в «Кулхвихе» как единственный домохозяин, который мог возделывать или обрабатывать землю. Амаэтон — от кимрского «амаэт» («работник» или «пахарь»). Он был богом, связанным с сельским хозяйством или тем, кто делал пустынные места плодородными, или, возможно, антропоморфным божеством зерна. Но в других местах то, что он взял самца косули и щенка, а в «Триаде» — чибиса у Аравна, царя Аннвна, привело к сражению Годеу, в котором он сразился с Аравном, которому, в свою очередь, помогал Гвидион, победивший одного из воинов Аравна, Брана, открыв его имя. Амаэтон, который приводил полезных животных с земли богов, играл ту же роль, что и Гвидион, доставший свинью. Собака и олень часто выступают как духи зерна и, возможно, вместе с чибисом были раньше боготворимыми животными, связанными с Амаэтоном как его символы.

Божественные функции Ллеу Ллау Гифеса очень неявно проявляются в мабиноги. Неверность Блодэуведд является просто версией сказочного сюжета неверной жены, которая открывает тайну жизни своего мужа и таким образом отдает его на милость своего любовника. Но поскольку Ллеу не был убит, но превратился в орла, это может подразумевать, что некогда он был божеством-птицей, орлом, позже ставшим его символом. Должно быть, в каком-то мифе рассказывается о его смерти, или он впоследствии рассматривается как смертный, который умер, поскольку в поэме упоминается о его могиле и добавляется: «Он был человеком, который никогда не чинил ни над кем правосудие». Доктор Скин предполагает, что здесь подразумевается ис-

тина, а не правосудие, и считает это ссылкой на изменение облика. Профессор Рис, на основаниях, которые М. Лот не считает убедительными, утверждает, что Ллеу (Lleu) — это не Ллев (Llew), «лев». Ллеу он интерпретирует как «свет». Это значение он придает также Лугу, приравнивая Луга к Ллеу, и считает обоих богами Солнца. Он также приравнивает Ллау Гиффеса («Твердая рука» или «Сильная рука») к эпитету Луга *Lam fada*, («Долгорукый»), предполагая, что «гиффес», возможно, означает «длинный», хотя, именно из-за силы, а не длины руки Ллеу и заслужил свой титул. Кроме того, быстрый рост Ллеу не мог служить основанием для отождествления его с Солнцем, поскольку это качество — рост — было привилегией многих героев, которые никак не были связаны с Солнцем. Несчастливое супружество Ллеу также рассматривается как миф о Солнце. Блодэуведд — это богиня рассвета, разделяющая свою любовь между богом Солнца и правителем Тьмы. Ллеу, подобно Солнцу, был побежден своим врагом, но восстановлен героем Гвидионом, который убивает «темного» соперника. Превращение Блодэуведд в сову означает, что Рассвет стал Сумраком. Как мы уже видели, все это — сказочные сюжеты без мифического значения. Такое истолкование подобно истолкованию истории жены Куроя Блатнат, любовник которой Кухулин убил Куроя. Здесь предполагаемый бог Солнца — неверный злодей, который убивает «темное» божество, мужа богини рассвета.

Если Ллеу — это бог Солнца, эквивалент Луга, то любопытно, почему он никогда не отождествляется с августовским праздником в Уэльсе, который соответствует Лугназаду в Ирландии. Некоторое подтверждение теории, которая делает его богом Солнца, может быть в «Триаде», где он является одним из трех руддвоавков, которые порождают бесплодие года всюду, где ступает их нога, хотя в этом Артур превосходит их, поскольку он порождает бесплодие на целых семь лет! Указывает ли на это опаляющий растительность зной летнего солнца? Однако в целом доказательство в пользу Ллеу как бога Солнца неубедительно. Самое сильное основание для отождествления его с Лугом состоит в том, что у обоих есть дяди, кото-

рые были кузнецами и имеют похожие имена — Гованнон и Гавида (Гоибниу). Подобно Амаэтона, Гованнон, ремесленник или кузнец (gōf, «кузнец»), упоминается в «Кулвихе» как тот, чья помощь должна быть получена в конце борозды, чтобы очистить железо плуга. Здесь его соединяют с плугом, но миф, к которому относятся эти слова, потерян. В поэме «Талиесин» его связывают с Мэтом: «Я был с ремесленниками, со старым Мэтом и Гованноном» — и упоминают о его Каэре или замке.

У Арианрод («Серебряное колесо») двойной характер. Она притворяется девой и отказывается от всякого знания о своем сыне Ллеу, тем не менее она — госпожа Гвидиона. В «Триадах» она появляется как одна из трех блаженных (или белых) леди Британии. Возможно, эти два аспекта ее характера могут указывать на расхождение между религией и мифологией, поскольку о девственной богине в мифе рассказываются компрометирующие вещи. Более вероятно, она была древней богиней Земли, одновременно и девой, и плодотворной матерью, подобной Артемиде, девственной богине, однако не целомудренной и не справедливой, или подобно вавилонской богине, к которой обращаются одновременно как и «матери, жене и девице». Арианрод, «красавица, славная после рассвета летом», упоминаемая в поэме «Талиесин», позже ассоциировалась с созвездием Северная Корона. Возможно, ее настоящее имя было забыто, а имя Арианрод происходит от связанного с нею топонима «Каэр Арианрод». Интерпретация, которая делает ее богиней рассвета, матерью света Ллеу и Тьмы Дилана, далека от очевидной. Дилан, после своего крещения, бросился в море, природа которого стала его природой. Ни одна волна никогда не обрушивалась под ним; он плыл как рыба и поэтому был назван Дилан Эйл Тон, или «сын волны». Гованнон, его дядя, убил его, — событие, интерпретируемое как поражение тьмы, которая «поспешила скрыться в море». Однако Дилан не имеет никаких «темных» черт, и даже внешне он блондин. Волны оплакивают его смерть, бросаются на берег, будто стремясь отомстить за это. Его могила — там, «где волна издает угрюмые звуки», но народная вера отождествляет его с волнами и их шумом, а когда

они обрушиваются на Конвэй, — слышится его предсмертный стон. Он является не только Эйл Тоном, «сыном волны», но и Эйл Мором, «сыном моря». Таким образом, он является местным морским божеством, и, подобно Мананнану, отождествляется с волнами, и тем не менее обособляется от них, поскольку они оплакивают его смерть. В мабиноги приводятся осколки мифов, объясняющих, как антропоморфное морское божество было связано с богиней Арианрод и было убито богом Гованноном.

Другой группой в «Мабиногионе» является группа Пвилла, правителя Дивед, его жены Рианнон и их сына Придери. Пвилл соглашается по просьбе Аравна, короля Аннвна (Элизиума), править его королевством в течение года. В конце этого времени он убивает соперника Аравна Хавгана. Аравн посылает ему дары, и Пвилл теперь известен как Пен или Голова Аннвна — титул, показывающий, что некогда он был богом, принадлежащим земле богов, позже отождествляемым с христианским Гадесом. Теперь Пвилл соглашается с Рианнон¹, которая загадочным образом появляется на магическом пригорке и которую он забирает себе, чтобы избавить ее от неприятного поклонника Гвавла. Силой магии он отправляет его в заточение, и Рианнон выходит замуж за Пвилла. Таким образом, эта история с Рианнон похожа на сюжет «Волшебной Невесты», но это приводит к тому, что друг Гвавла Ллвит стал мстить Придери и Рианнон. У Рианнон был сын, который был отнят у нее, как только родился. Ее обвинили в его убийстве, и она была лишена сана, но Тейрнон возвращает ребенка, отняв его у грабителя, и называет его Гври (Gwri). По мере того как он растет, Тейрнон замечает его похожесть на Пвилла и отводит его ко двору. Честь Рианнон восстановлена, и поэтому она объявляет, что ее страдания (pnyderi) прошли. Теперь мальчик был назван Придери. Здесь мы снова имеем сказочные события, которые видны также в саге о Фионне².

¹ Р и а н н о н — дочь Хефейдд Хен, или «Древнего», возможно, древнего божества.

² В мабиноги и в историях о Фионне таинственная рука выхватывает новорожденных детей.

Хотя здесь мало того, что является мифологическим, очевидно, что Пвилл был богом, а Рианнон — богиней; древнее значение ее имени — через искаженное «Ригантона», — «великая королева». В другом месте мы слышим о ее магических птицах, песня которых заколдовывают собратьев Брана на семь лет, а ее брак с Манавидданом — старый миф, в котором Манавиддан, скорее, Придери, хотя, возможно, в каком-нибудь другом мифе Придери, возможно, был ребенком Ригантоны и Тейрнона (Тигерноноса, «короля»). Мы можем теоретически принять старую сагу о Рианнон, фрагменты которой можно найти в мабиноги, и, по-видимому, было больше одной богини с именем Ригантона, позже соединенных в одном персонаже. Но в истории она является просто царицей старого романа.

У Придери, как уже было замечено, Гвидионом были украдены его свиньи. Они были даром Аравна, но в «Триадах» они, по-видимому, были приведены Пвиллом из Аннвна, в то время как Придери вел себя как свинопас. И Пвилл, и Придери связаны, таким образом, с теми мифами, в которых рассказывается о приведении домашних животных из земли богов. Но поскольку это, несомненно, боги, связанные с землей богов, то, возможно, это — следствие какого-то недоразумения. Поэма говорит о магическом котле Пен Аннвна, то есть Пвилла, и это указывает на миф, объясняющий его связь с Аннвном иначе, чем описано в мабиноги. Поэма также говорит о том, как Гвейр был заключен в тюрьму в Кэр-Сиди (Аннвн) «через посланника Пвилла и Придери». Таким образом, они являются владыками Аннвна, чьих свиней пытается украсть Гвейр (Гвидион). В другом месте Кэр-Сиди связан с Манавидданом и Придери — возможно, это ссылка на их связь как отца и сына. Таким образом, Придери и Пвилл принадлежат сияющему Элизиму и, может быть, некогда были богами плодородия, связанными с областью «подземелья», которая ни в коем случае не была миром тьмы. Какое бы значение мы ни придавали факту смерти Придери от рук Гвидиона, это связано с более поздними упоминаниями о его могиле.

Четвертая группа — это группа Бели и его сыновей, упомянутых в мабиноги, где один из них, Касваллан, узурпи-

рует престол и таким образом делает Манавиддана, подобно Мак Грегору, безземельным. Во «Сне Максена», сыновьями Бели являются Ллуд, Касваллан, Нинниав и Ллефелис. Джеффри упоминает Бели как Хели и говорит о более раннем короле Белинусе, враждовавшем со своим братом Бренниусом. Но возможно, Бели, или Хели, и Белинус — это одно и то же лицо, и оба представляют более раннего бога Беленоса. Касваллан становится Кассивеллаунусом, противником Цезаря, но в мабиноги он враждебен народу Ллира, и это, возможно, связано — судя по описанию Джеффри — с враждебностью Белинуса и Бренниуса (Брана, сына Ллира), подобно вражде народа Дон с Придери, что говорит о борьбе конкурирующих племен, или гойделов и бриттов. Как уже было замечено, свидетельства в пользу того, что Бели, или эквивалент Биль, был супругом Дон, скудны. И если он — Беленос, эквивалент Аполлона, то он ни в каком смысле не является «темным» богом. В поэме «Галиесин» и в «Триадах» он считался победоносным защитником, хранителем своего «медового острова» и стабильности своего царства.

Личность Касваллана теряется в личности исторического Кассивеллаунуса, но в «Триадах», где вместе с Карадавком и Гвейридом он носит титул «военный король», мы можем усмотреть проблеск его божественного характера, характера бога войны, невидимо ведущего армии на борьбу, воплощенного в великих вождях, которые носили его имя. Нинниав встречается на страницах Джеффри как Ненниус, который умирает от ран, причиненных Цезарем, к великому горю Кассивеллаунуса.

Теория, согласно которой Ллуд Ллауэрейнт, или Лоденс Ламаргентис, представляет Ноденса (Нуаду) Ламаргентиса, была оспорена, хотя, если уэльский Ллуд и Нудд были тождественны, то странно, почему они должны были стать разными персонажами. Гвин, сын Нудда, был возлюбленным Крейдиллад, дочери Ллуда, причем в несколько более раннем мифе их любовь не была любовью брата и сестры. Ллуда также путают или отождествляют с Ллиром, так же как ирландского Лера — с Аллойдом. Возможно, он был сыном Бели, который в истории о Ллуде и Ллефелис по

совету Ллефелис избавляет свою страну от трех напастей. Сначала это были корониане, которые слышали каждый шепот и которых он уничтожил, бросив их в воду, где кишели какие-то насекомые, данные ему Ллефелис. Второй напастью был пронзительный крик в канун мая, возможно, крик, который делает землю и воду бесплодными, крик дракона, который нападает на дракона земли. Ллуд хватает их и бросает в тюрьму в Динас Эмрейс, где они впоследствии становятся причиной волнений для Фортигерна при строительстве его замка. Третьей напастью было то, что злой маг наслал на людей неурожай и голод, длившийся целый год, но этот маг тоже был схвачен Ллудом. Хотя корониане проявляют себя в «Триадах» как враждебное племя, возможно, они были злыми волшебниками, поскольку их название, видимо, получено от «кор» («карлик»). Таким образом, они могут быть аналогичны фоморам, подобно дракону и магу, которые порождают неурожай и голод, что может быть основано на более древнем мифе или ритуале, отражающем веру в силы, враждебные плодородию, хотя неясно, почему эти силы должны быть наиболее активными в начале мая. Ссылки в истории на подобные деяния Ллуда могут отражать его функцию как бога роста, но он называется также могущественным воином и, как считается, восстанавливает стены Каэр Ллуда (Лондона), а его имя все еще сохраняется в названии Лудгэйт-Хилл, где он был похоронен. Эта легенда, несомненно, указывает на какой-то древний культ Ллуда в этом месте.

Нудд, который уже обсуждался под именем Ноденс, менее знаменит, чем его сын Гвин, чью борьбу с Гвтуром мы истолковали как мифическое объяснение ритуальных боев ради увеличения плодородия. Он также проявлял себя как охотник и как великий воин, «надежда армий», и поэтому он, возможно, стал богом плодородия, который потом стал богом войны и охоты. Но легенда связала его с Аннвном, и он, подобно Туата Деа, рассматривался как царь волшебной страны. В легенде о святом Коллене этот святой разговаривал с двумя людьми, которые, как он подслушал, говорили о Гвине и волшебниках, что они — демоны. «Ты получишь порицание от Гвина», — сказал

один из них, и вскоре после этого Коллен был вызван, чтобы встретиться с царем Аннвна на скалистой вершине Гластонбери. Он поднялся на холм с флягой святой воды и увидел на ее вершине прекрасный замок, с толпами прекрасного и юного народа, в то время как воздух был наполнен музыкой. Его отвели к Гвину, который вежливо предложил ему пищу, но святой воскликнул: «Я не буду есть листьев с дерева»; и, когда его попросили полюбоваться одеждами людей, он сказал, что красный цвет означает горение, а голубой — холод. Затем он окропил их святой водой, и все исчезло, остался лишь пустой склон холма. Хотя двор Гвина на Гластонбери — это местный кельтский Элизиум, который фактически и был там расположен, эта история отмечает враждебность Церкви к культу Гвина, возможно осуществлявшемуся на вершинах холмов, и далее это заметно в том веровании, что Гвин охотится за душами грешников и связан с Аннвном, то есть, в конечном смысле, с адом. Но срединная точка зрения обнаруживается в «Кулвихе», где о нем говорится, что он ограничивает демонов ада, чтобы те не уничтожали людей этого мира. В «Триадах» он, подобно другим богам, является великим магом и астрологом.

Другая группа, неизвестная в «Мабиногионе», кроме того, что Талиесин — это один из носителей головы Брана, обнаруживается в книге «Талиесин» и в последней истории «Талиесин». Они, подобно циклу Артура, часто упоминают о персонажах «Мабиногиона»; отсюда мы заключаем, что местные группы богов, первоначально отличные, позже смешались, и упоминания о них в поэмах отражают это смешивание. В «Ханес Талиесин» или в истории «Талиесин» выражается многое из того, что содержится в сказках, так называемой формуле Märchen¹, это основано на старых мифах о Кэрридвен и Талиесине, ко-

¹ В немецком языке слово «Märchen» означает «сказки». Корень «Mag-» означает «новость», «известие», а «-chen» — уменьшительный суффикс. Таким образом, Märchen — это «маленький, интересный рассказ». Это слово встречается с XIII в. и постепенно закрепилось в значении «сказка». Здесь часто переводится как «сказка», «сказочный». (Примеч. пер.)

торые их компилятор использовал, следуя старой традиции, уже стереотипной, в одной из сказочных поэм о Битве Превращений. Но мифические фрагменты смешаны также с традициями мотивов творчества поэта VI века Талиесина. Старшая сага, возможно, была разработана в районе к югу от устья Дифи. В озере Тегид обитали Тегид Фозл, Кэрридвен и их дети — прекрасная дева Крейрви, Морвран и уродливый Авагдду. Чтобы дать Авагдду знания, его мать готовит котел вдохновения, который производит три капли вдохновения. Эти капли попадают на палец Гвиона, которого она поставила, чтобы он взбалтывал жидкость. Он засунул палец в рот и таким образом обрел вдохновение. Он сбежал, и его преследовала Кэрридвен. Остальная часть истории была написана в духе Битвы Превращений. Наконец, Кэрридвен в облике курицы глотает Гвиона, который был в облике пшеничного зерна, и носит его как ребенка, которого она бросает в море. Элфин, который спас его, называет его Талиесином и воспитывает его как барда.

Водный мир Тегид — это подводный Элизиум с традиционным котлом вдохновения, восстановления и плодородия, подобно котлу, связанному с водным миром в «Мабиногионе». «Разве мой престол не защищен от котла Кэрридвен?» — гласит строка в поэме «Талиесин», в то время как другая говорит о престоле, который был, вероятно, в Элизиуме подобен престолу самого Талиесина в Кэр-Сиди. Дальнейшие ссылки на связь Кэрридвен с поэзией показывают, что она, возможно, была обожествляема бардами, а ее котел был источником их вдохновения. Ее гнев на Гвиона, возможно, указывает на кельтский миф о воровстве элементов культуры из земли богов. Но котел прежде всего был связан с культом плодородия, и поэтому Кэрридвен, должно быть, некогда была богиней плодородия, которой позже, подобно Бригит, поклонялись барды. Возможно также, она была богиней зерна, поскольку она называется богиней пшеницы, и традиция связывает с нею свинью — распространенное воплощение духа зерна. Если бы эта традиция была истинной, то это был бы случай, подобный случаю с Деметрой и свиньей,

животным воплощением духа зерна, связанного позже с антропоморфной богиней зерна.

Возможно, Талиесин был древним богом поэтического вдохновения, которого спутали с поэтом VI века с таким же именем, потому что этот хвастливый поэт отождествлял себя или отождествлялся другими бардами с богами. Он говорит о «прекрасном престоле, о власти вдохновенной, быстрой и настойчивой песни» в Кэр-Сиди, или Элизиуме, и, говоря от имени бога или отождествляясь с ним, описывает свое присутствие с Ллеу, Браном, Гвидионом и другими, а также о своем творчестве до того, как он стал бессмертным¹. Он жил одновременно с Артуром, когда котел был захвачен из Аннвна, и основывал свои стихи на мифических превращениях и возрождении богов, рассказывал высокопарным языком о своих собственных многочисленных формах и перерождениях. Его утверждения похожи на утверждения шамана, который вошел в загробный мир и мог превращаться по желанию во что угодно. Перерождение Талиесина связано с обретением им вдохновения. Эти события появляются отдельно в истории о Фионне, который обрел свое вдохновение по случайности, а также, как считают, повторно родившись в облике Монгана. Это — мифы, распространенные в кельтском народе и применяемые в различных сочетаниях к выдающимся богам или героям. В поэме «Талиесин» показывается, что, возможно, было два бога или две мифические ипостаси единого Бога, позже объединившихся воедино. Он является сыном богини и живет на божественной земле, но он является также героем культуры. Возможно, эти мифы отражают вторжение культа бога в культ богини. Его верующие рассматривали его как ее сына, тогда как ее верующие отразили свою враждебность к новому богу в мифе о ее вражде к нему. Наконец, легенда о спасении поэта Талиесина от волн стала мифом о божественном брошенном ребенке, которого спас Элфин и который оказался бардом, когда нормальные младенцы еще просто лепетали.

¹ Его «престол» дарует бессмертие и защиту от болезней.

Случайные и неясные упоминания о других членах этой группы проливают мало света на их функции, за исключением того, что Морвран, «морской ворон», описан в «Кулвихе» настолько уродливым и ужасным, что никто не посмел бы сразиться с ним в битве при Камлане. Возможно, это был бог войны, подобный богиням воронам-скальдам в Ирландии. О нем также говорят в «Триадах» как о «преграде резне» или «опоре сражения».

Если поразмыслить над всем этим, можно попытаться доказать, что персонажи из артуровского цикла являются древними богами бриттов, а эпизоды из фрагментов романов отражают события древней мифологии. Хотя некоторые из этих лиц, уже представленные в подлинных уэльских историях и поэмах или в «Истории» Джеффри, напоминают древних богов, романтическое представление о них в цикле настолько живописно, что ничего достоверного невозможно получить из них для понимания древней мифологии и древней религии. События, которые являются обычным руслем реальной жизни, как и романа, интерпретируются мифологически и никогда не бывает полностью очевидным, почему убийство одного героя другим должно означать завоевание «темного» божества солнечным героем, или почему захват героини одним рыцарем, когда она является возлюбленной другого рыцаря, должен обозначать то, что оно является богиней рассвета, разделяющей свое расположение то с богом Солнца, то с «темным» божеством. Или, если даже допустить истинность этого метода, какой свет проливает это на кельтскую религию?

Мы можем исходить из местной саге об Артуре, соединяющей древнего бриттского бога с историческим Артуром VI века. По-видимому, от этого произошел великий романтический цикл. В IX веке Ненний Артур был историческим военачальником, возможно графом Британии, но в упоминании о его охоте на Поркус Тройт (Porcus Troit) (Тврх Трвит) на какое-то мгновение появляются черты мифического Артура. Артур у Джеффри отличается от более позднего Артура из романа, и, возможно, частично он был рационализирован в саге, которая была либо недавнего происхождения, либо локального и неясного, поскольку об

Артуре нет упоминания в «Мабиногионе» — факт, который показывает, что «в легендах о Гвинедде и Дифеде он не играл никакой роли», а также то, что Артур, бог или мифический герой, был также чисто локальным персонажем. У Джефффри Артур — это плод любви Игерны с Утером, кому Мерлин дал облик ее мужа. Артур побеждает многих воинов, а также гигантов, и его двор — это прибежище всех доблестных людей. Но наконец он был ранен соблазнителем его жены и был отнесен на остров Аваллон, где исцеляется от ран, и больше о нем ничего никогда не слышно. Некоторые из этих событий происходят также в историях о Фионне и Монгане, а истории таинственного рождения чудесного ребенка и его исчезновения в волшебной стране являются местными формами этой истории, распространенной у всех кельтов. Этот сюжет был приспособлен к истории местного бога или героя Артура, и это положило начало местной саге, к которой впоследствии были добавлены события из жизни исторического Артура. Эта сложная сага, должно быть, приобрела более широкую известность намного раньше романтического цикла и позже заняла его место, как следует из чисто уэльских историй из «Кулвиха» и «Сна Ронабви». Персонажи (боги) «Мабиногиона» фигурируют в свите Артура, хотя он далек от того, чтобы быть Артуром из романов. Единичные ссылки на Артура встречаются также в уэльской литературе, и более ранней саге принадлежит Артур, который портит Элизиум своего котла в поэме «Талиесин». В «Триадах» наблюдается смешивание характерных черт исторического, из саг и более позднего романа об Артуре, но, возможно, в результате возрастающей популярности саги об Артуре он выглядел во многих «Триадах» как более выдающийся человек, чем те трое, кого они описывают. Артуровские топонимы в британском ареале являются скорее результатом популярности саги, чем известности позднего романтического цикла. Аналогичный случай наблюдается в оссиановских топонимах в гойделской области в результате распространения саги о Фионне.

Артур из романа — цвет рыцарства и великий воин, и смешивание исторического военачальника Артура с ми-

фическим Артуром предполагает, что эта личность была идеальным героем некоторых бриттских групп, как Фионн и Кухулин — некоторых гойделских групп. Возможно, он был объектом культа, какими были эти герои, или же это был герой, который все более и более идеализировался и наконец стал богом. Если более ранняя форма его имени была «Артор» (Artor) («пахарь») и имела эквивалент «Артайус» (Artaius), то есть галльский бог, приравняемый к Меркурию, — то он, возможно, был богом сельского хозяйства, который стал богом войны. Но он также рассматривается как герой культуры, добывший в земле богов котел и свинью, — последнее событие преобразовалось в историю о неудачном воровстве у Марха, сына Мейрхион, хотя, подобно другим героям культуры, он был бардом. К его истории была легко приспособлена история о чудесном ребенке, который в конце концов исчез в Элизиуме (позже расположенном в Гластонбери), и вновь появится однажды, подобно Фионне, как Спаситель своего народа. Местный Артур наконец достиг известности, далеко превосходящей известность любого бриттского бога или героя.

Мерлин, или Мирддин (Myrddin), появляется в романах как великий маг, которого в конце концов одолела Владычица Озера, и у Джеффри является сыном таинственного невидимого персонажа, который посещает женщину, и, наконец, приняв человеческую форму, рождает Мерлина. Как сын, который никогда не имел отца, он был выбран в качестве жертвы при закладывании фундамента для башни Вортигерн ее магами, но он показывает их неправоту и доказывает, почему башня никогда не может быть построена, а именно — из-за драконов в расположенном ниже пруду. Затем следуют его пророчества относительно драконов и будущего страны, и история перемещения им из Ирландии Танца Гиганта, или Стоунхенджа, к его нынешнему месту, — этимологический миф, объясняющий происхождение огромного круга камней. Его описание того, как гиганты использовали воду, которой они омывали камни, для исцеления от болезни или ран, возможно, указывает на

существовавший ритуал исцеления, связанный с этими мегалитами. Наконец, мы слышим, как он совершил магическое превращение страдающего от любви Утера и его доверенного персонажа Улфина, а также самого себя¹. Здесь он фигурирует как некто больший, чем идеальный маг, — возможно, как древний бог, подобный ирландскому «богу друидов». Профессор Рис считает его кельтским Зевсом или Солнцем, потому что последние легенды сообщают о его исчезновении в стеклянном доме в море. Стеклянный дом — это пространство света, путешествующее вместе с Солнцем (Мерлином), в то время как Владычица Озера, которая ежедневно приходит, к радости Мерлина, в его заколдованную темницу, — это богиня рассвета. Стоунхендж был, вероятно, храмом этого кельтского Зевса, «чье позднее легендарное «я» мы имеем в Мерлине». Однако мифологическое истолкование таких поздних романтических эпизодов и этиологического мифа более чем сомнительно. Солнце никогда не было пленником рассвета. Мерлин и его стеклянный дом исчезают навсегда, но Солнце вновь появляется каждое утро. Даже самая поэтическая мифология должна соответствовать до некоторой степени фактическим явлениям, но этого нельзя сказать о приемах подобного мифологического истолкования. Если Мерлин вообще принадлежит языческому периоду, то он был, вероятно, идеальным магом или богом магов, известных, возможно, в саге об Артуре, как и в более поздних романах, и ему приписывалось таинственное происхождение и одинаково таинственный конец, описанный многими различными способами.

Хвастливый Кей из романов встречается уже в «Кулвике», в то время как у Джеффри он — сенешаль. Более благородные черты Артура появляются в позднеуэльской поэзии; он — могущественный воин, борющийся даже против сотни человек, хотя его способности как выпи-

¹ В поэме Джеффри «Кинжал» Мирддин назван «человеком, который говорит из могилы», — представление, известное кельтам, которые думали о мертвом как живущем в могиле.

вохи тоже велики. Здесь также оплакивается его смерть. Поэтому, возможно, он был богом войны: ярость в сражениях поэтически описана в любопытном отрывке из «Кулвиха»: «Его дыхание сохранялось под водой девять дней и девять ночей. В течение такого же периода времени он мог оставаться неподвижным. Никакой врач не мог исцелить рану от его меча. Когда он был в хорошем расположении духа, он мог сделать себя таким же высоким, как самое высокое дерево в лесу. А когда шел самый сильный дождь, независимо от того, что он нес, он оставался сухим выше и ниже рук на расстоянии вытянутой руки, столь великим был его собственный жар. Когда было очень холодно, он был как пылающее топливо для своих спутников»¹. Это почти напоминает облик Кухулина в ярости сражения. В одной любопытной поэме Гвенифар (Гиневр) превозносит его мастерство, так же как вышеупомянутый воин превозносит мастерство Артура, а в «Кулвихе» и в других местах между этими двумя происходит вражда. Возможно, это указывает на Кея, бывшего богом племен, враждебных племенам, у которых Артур был героем.

Мабон, один из героев Артура в «Кулвихе» и во «Сне Ронабви», имя которого — от «маб» («мап») — означает «юноша», возможно, был эквивалентен богу Мапонусу, приравняемому к Аполлону в Британии и Галлии как бог целительных источников. Его мать звали Модрон, — это местная форма Матроны, речной богини и, вероятно, одной из Матерей-богинь, как подразумевает ее имя. В «Триадах» Мабон — один из трех выдающихся заключенных Придейна. Чтобы получить его помощь в охоте на волшебного кабана, нужно было найти его темницу, и это было сделано сказочными животными, при этом слова, которые они говорят, свидетельствуют об огромной продолжительности его заключения, что, возможно, намекает на его бессмертие. Но считается также, что он умер и был похоронен в Нантле, который, подобно Гло-

¹ Исходя из этого описания, Элтон предполагает, что Кей был богом огня.

честеру, был местом его заключения, — видимо, местом широкого распространения его культа¹.

Если рассматривать в целом различных богов и героев бриттов, то они похожи на ирландских божеств, которые позже рассматривались как смертные, маги и феи. Они связаны с Элизиумом, они — владыки плодородия и роста, моря, искусства, культуры и войны. Выдающееся положение некоторых богинь, возможно, связано, как в Галлии и Ирландии, с их превосходством и независимостью. Подобно божествам Галлии и Ирландии, божества Уэльса были главным образом местными по характеру, и только в некоторых случаях их культ имел более широкую популярность.

Некоторые бриттские боги, которые упоминаются в надписях, могут отождествляться с некоторыми из только что рассмотренных: Ноденс — с Нуддом или Ллудом, Беленос — с Белиносом, или Бели, Мапонус — с Мабоном, Таранос (только в континентальных надписях) — с Тараном, упоминаемым в «Кулвихе». Другие упомянуты в классических сочинениях: Андраста, богиня победы, кому молилась боудикка; Сул, богиня горячих источников, приравниваемая к Минерве в Бате. В надписях также упоминаются Эпона, богиня лошадей; Бригантia, возможно, форма Бригит; Белесама (Мерсей у Птолемея), богиня в галльских надписях. Другие сочинения упоминают о группах богинь, о Матерях-богинях. Некоторые боги приравниваются к Марсу: Камулос, известный также и на континенте, и, возможно, это та же личность, что и Кумал, отец Фионна; Белатукадрос, «достойный в резне»; Коцидий, Коротиак, Барекс и Тотатис (возможно, это Тевтат Лукана). Другие приравниваются к Аполлону как богу исцеления: Анектиомар, Граннус в Муссельбурге и во

¹ Ху Гадарн упоминается в «Триадах» как вождь кимров с востока и их учитель в земледелии. Он разделил их на кланы, изобрел музыку и песню. Он достал из озера чудовище аванка (аванс), которого разорвали и этим вызвали потоп. Возможно, Ху — это древний бог культуры у некоторых племен, но в «Триадах» он упоминается как живший недавно.

Гургиунт (Gurgiunt), сын Беленуса, у Джеффри, возможно, был легендарным французским Гаргантюа, возможно, древним богом.

БОГИ БРИТОВ

многих континентальных надписях), Арвал, Могонс и т. д. Большинство из них и многие другие, обнаруженные на отдельных надписях, были, вероятно, местными по характеру, хотя некоторые, встречаясь также и на континенте, достигли более широкой известности. Но некоторые из надписей, относящиеся к последним, могут быть обязаны своим существованием галльским воинам, расквартированным некогда в Британии.

Сравнительная таблица божеств с подобными именами в Ирландии, Британии и Галлии

Курсивом обозначены имена, найденные в надписях

ИРЛАНДИЯ	БРИТАНИЯ	ГАЛЛИЯ
Ану	<i>Анекстиомарус</i> Анна (?)	<i>Анекстиомарус</i> Анониреди, «колесница Ану»
Бадб	Бели, Белинус Белесама	<i>Бодуа</i> <i>Беленос</i> <i>Белесама</i>
Бригит	<i>Бригантия</i>	<i>Бригинду</i>
Брон	Бран	Бреннус (?)
Буанан		<i>Буану</i>
Кумал	<i>Камулос</i>	<i>Камулос</i>
Дану	Дон <i>Эпона</i>	<i>Эпона</i>
<i>Гоибниу</i>	Гованнон <i>Граннус</i>	<i>Граннус</i>
Лер	Ллир	
Луг	Ллев, или Ллеу (?) Мабон, <i>Мапонус</i>	Лугус, <i>Луговес</i> <i>Мапонус</i>
Мананнан	Манавиддан <i>Матрес (Богини-матери)</i>	<i>Матрес (Богини-матери)</i>
Мидир	Модрон	<i>Медрос (?)</i> <i>Матрона (?)</i>
Немон		<i>Неметона</i>
Нет		<i>Нетон</i>
Нуаду	<i>Нодонс</i> , Нудд Хаэл, Ллудд (?)	
Огма	<i>Сильван</i> Таран <i>Тотатис, Тутатис</i>	Огмиус <i>Сильван</i> <i>Таранис</i> Тевтат

Глава 7

ЦИКЛ О КУХУЛИНЕ

События цикла о Кухулине датируются, как предполагается, началом христианской эры — смерть короля Конхобара совпадает по времени с распятием Христа. Но хотя некоторые персонажи, упоминаемые в летописи, фигурируют в историях, в целом эти истории имеют дело с людьми, которые никогда не существовали. Они принадлежат миру романов и мифов и воплощают в себе идеалы кельтского язычества, измененного христианским влиянием, а также влиянием классических историй и романтических саг других регионов, главным образом Скандинавии. Свою нынешнюю форму эти истории в том виде, как они существуют в «Книге Бурой Коровы» и «Книге Лейнстер», должно быть, получили в VII или VIII веке, но они воплощают в себе материалы далекой старины. В древнее время сага могла иметь более или менее определенную форму, но к ней постоянно добавлялись новые истории, и некоторые из более длинных историй были составлены из событий, которые когда-то не имели никакой связи друг с другом.

Кухулин — это центральная фигура цикла, а его главный эпизод — это эпизод «Тайн Бо Куальнге», или «Похищение быка из Куальнге». Другими персонажами были Конхобар и Дехтире, Айлиль и Медб, Фергус, Конал Кернах, Курой, Дейдре и сыновья Уснаха. Некоторые из них имеют божественное происхождение, другие, возможно, являются эвфемизированными богами (первоначально — людьми, которых потомство обоготворило); Конхобар назван «диа талмайде» («*dia talmaide*»), то есть «земным богом», а Дехтире — богиней. Цикл начинается

с рождения Конхобара, сына Катбада и Нессы, дочери одного из Туата Де Дананн, хотя в более старшей версии истории он был сыном Нессы от бога Луга. В период царствования Конхобара над Ульстером родился Кухулин. Он был сыном Дехтире либо от Суалтайма, либо от ее брата Конхобара, либо от бога Луга, чьим перевоплощением он также, возможно, был. Подобно другим героям саги, он обладает огромной силой и мастерством в нежном возрасте и, отправившись ко двору Конхобара, пересиливает «корпус мальчиков» царя, а затем становится их руководителем. Его следующее приключение — убийство сторожевого пса кузнеца Куланна и усмирение гнева его хозяина тем, что Кухулин предложил себя в качестве его сторожа. Катбад возвестил тогда, что его имя отныне будет «Ку Хулин» («собака Куланна»). В возрасте семи лет Кухулин получил копьё, меч, щит и колесницу Конхобара, и с их помощью он одолел трех могущественных защитников, возвращавшихся в состоянии «ярости сражения» в Эманию. Чтобы смягчить его ярость, женщины выходили обнаженными, чтобы встретить его. Он скромно закрывал глаза, поскольку одним из его гейса¹ было не смотреть на грудь женщины. Так, он не заметил, как погрузился последовательно в три бочки с холодной водой, пока не восстановился его естественный вид, хотя вскипающая вода и шипела от его жара.

Когда Кухулин вырос, его сила, навыки, мудрость и красота были непревзойденными. Все женщины влюблялись в него, и, чтобы предупредить ряд *bonnes fortunes*, люди Ульстера стали искать для него жену. Но сердце героя лежало к Эмер, дочери Форгалла, кого он добивался, уговаривая на странном языке, которого никто, кроме нее, не мог понять. Наконец она согласилась стать его женой, если он убьет множество воинов. Форгалл был против и с целью погубить Кухулина предложил, чтобы тот пошел к Доналлу в Альбе, чтобы повысить уровень своего искусства, и к Скатах, если он превзойдет всех остальных воинов. Кухулин согласился при условии, что

¹ Гейс (мн. ч. гейса) — заклятие. (Примеч. пер.)

Форгалл даст ему все, что бы он ни попросил у него по возвращении. Придя в Альбу, он отказал полюбившей его дочери Доналла Дорнолле, которая поклялась отомстить ему. Отсюда он поехал к Скатах, преодолев все опасности на пути, перепрыгнув залив, окружавший ее остров, после того как несколько раз безуспешно пытался пересечь узкий раскачивающийся мост. От Скатах он узнал высшее искусство боя и одолел ее соперницу амазонку Айфе. От Айфе у него родился сын, и он наставлял ее, чтобы она назвала его Конлой, дала ему кольцо отца и послала на поиски Кухулина, запретив открывать имя отца. В последующем Кухулин, не зная, что Конла был его сыном, убил его в одиночном бою, слишком поздно опознав его по кольцу, которое тот носил. Это — известный сюжетный ход саги о Сохраб и Рустуме, истории о Тезее и Ипполите. По возвращении от Скатах Кухулин уничтожает рать Форгалла вместе со многочисленными его сожителями, в том числе и самого Форгалла, и уводит Эмер. О тех десяти годах, в течение которых он был великим защитником Ульстера, написано много историй, в которых он фигурирует как заметная фигура. Одна из этих историй — «Бессилие ултонианцев». Ее создала Маха¹, которая в период беременности была вынуждена бежать гонку с лошадьми Конхобара. Она опередила их, но родила сразу двойню и в муках прокляла народ Ульстера, сказав, что во время притеснений они будут одолеваемы немощью в деторождении. Это проклятие не коснулось Кухулина, поскольку он был не из Ульстера, а сын Луга. Были сделаны различные попытки объяснить это «бессилие». Возможно, этот миф является объяснением кельтского использования слова «*souvade*»², хотя не известен ни один пример одновременного племенного кувада, если мы не имеем здесь отмеченный Вестермар-

¹ М а х а — это внучка Лера, но в другом месте она названа дочерью Мидира.

² К у в а д а (от *фр.* *souvade* — высиживание яиц) — обрядовая имитация отцом акта деторождения во время родов жены или сразу после них с целью утвердить или продемонстрировать свои права на ребенка. (*Примеч. пер.*)

ком случай «сезона соединения людей в первобытные времена» с последующим одновременным периодом родов для женщин и для мужчин. Другие, с меньшей вероятностью, объясняют это как период табу, с прекращением работы и войны во время похорон или праздников. В любом случае проклятие Махи — это миф, объясняющий происхождение некоторой традиции, продолжительность существования которой была весьма преувеличена рассказчиком. К этому периоду относится также история посещения Кухулином Элизиума и другие, о которых будет рассказано позже. Еще одна история описывает его нападение на Морриган, потому что она не дала коров и не сообщила свое истинное имя, — это случай известного табу имени. Морриган приняла форму птицы и тогда была узнана Кухулином, который осмеял ее, в то время как она пообещала выступить против него во время борьбы «Тайн» в облике угря, волка и коровы, которых он поклялся уничтожить. Подобно многим другим историям саги, эта история является вводной к главному эпизоду «Тайн». К нему мы теперь и обратимся.

Медб была женой Конхобара, но, будучи покинутой им, вышла замуж последовательно за двух вождей по имени Айлиль. У второго из них был бык Финдбеннах («Белорогий»), которому она решила подыскать равного ему. Получив отказ в выдаче ей Коричневого Быка Куальнге, она созвала все свои войска, чтобы вторгнуться в Ульстер. Этот момент был зловещим для Ульстера, поскольку все его люди страдали от своего «бессилия». Поэтому Кухулин отправился, чтобы встретить это воинство, и вынудил Медб согласиться с тем, чтобы в одиночном бою ее воины сражались с ним по одному. Среди них был его старый друг Фердия, и ничто так не тронуло его, как нежелание друга биться с ним, и не было столь патетическим, как его горе, когда Фердия пал. Это нежелание было прежде всего из-за кровного родства между ними. Наконец, ульстерцы воспрянули силой и победили Медб, но не раньше, чем она уже захватила быка и отослала его в свою собственную страну. Там против этого быка бился бык Финдбеннах, и убил его, и помчался назад в Ульстер

с его искалеченным телом на своих рогах. Но обезумевшему Финдбеннаху скала показалась другим быком, сознание его помутилось, и он упал замертво.

Морриган явилась Кухулину в облике красивой женщины и предложила свою любовь, но была отвергнута. Поэтому она затаила гнев и сказала, что выступит против него как угорь, волк и красная телка, — случай, который является, вероятно, вариантом уже описанного. В каждом из этих обликов она была побеждена и ранена героем, и, зная, что никто, кого он повреждал, не мог исцелиться без его помощи, она явилась к нему в виде старухи, доившей корову. В каждом глотке молока, которое он получал от нее, он благословлял ее «благословением богов и небогов», и таким образом ее раны зажили. За это в более позднее время она попыталась спасти его от смерти, но безуспешно. В ходе повествования «Тайн» один из «волшебных родственников» Кухулина, а именно Луг, который объявил себя его отцом и явился помогать ему, в то время как другие Туата Деа бросали «целительные травы» в потоки, в которых омывались его раны.

В ходе развития сюжета «Тайн» Кухулин убил мага Калатина и его дочерей. Но жена Калатина родила еще трех сыновей и трех дочерей, и из-за них герой был наконец убит. Все было сделано так, чтобы удержать его в стороне от воинства, которое теперь двигалось против Ульстера, но наконец одна из дочерей Калатина приняла облик Ниама и предложила ему идти дальше. Когда он вступил в борьбу, дочери Калатина убедили его съесть мясо собаки, что было для него смертельным делом, поскольку это было одно из его заклятий — никогда не есть плоти собаки. Таким образом случилось так, что в борьбе он был убит Лугайдом, а его душа явилась к ста пятидесяти царикам, которые любили его, напевая мистическую песню о пришествии Христа и наступлении Судного дня, — интересный пример фантома, совпадающего со смертью. Эта и другие христианские следы показывают, что христианские редакторы саги нежно относились к древнему языческому герою. Это тем более заметно в истории, в которой он является королем Лоэгайре и свято-

му Патрику, прося первого поверить в Бога, а святого Патрика перенеси его со своими верующими на землю живых. Подобная христианизация встречается в истории о смерти Конхобара, последовавшей после того, как он услышал от своего друида, что землетрясение — это результат позорного распятия на кресте Христа.

В этой саге Кухулин появляется как идеальный кельтский воин, но, подобно другим идеальным воинам, он — «возвеличенный, не естественный», многие из его дел являются просто преувеличениями, распространенными среди примитивных народов. Даже его «перекошенность» или ярость во время сражения — это всего лишь величание дикого безумия всех воинов-варваров. К личности этого идеального воина, некоторые черты которого, возможно, были получены из традиционных историй о фактических героях, присоединялись сказочные мотивы и эпизоды из саги. О каждом идеальном герое — кельтском, греческом, вавилонском или полинезийском — рассказываются одни и те же, вполне определенные вещи. Это феноменальная сила во младенчестве; победа над вражескими силами; посещение потустороннего мира; любовь с богиней; божественное происхождение. Они принадлежат общему источнику народных сказок и накапливаются вокруг каждого великого имени. Поэтому, кроме отдельных черт облика или географической локализации, они не дают ключа к разгадке мифического характера героя. Такие подвиги приписываются и Кухулину, поскольку он, несомненно, был идеальным героем «неделимых арийцев», но хотя могут быть найдены параллели между ним и греческим Гераклом, они могут быть так же легко обнаружены между ним и героями неарийских регионов, например Полинезии. Подобные параллели проливают не слишком много света на личность Кухулина. Так, в то время как греческий герой спасает Гесиону от дракона, Кухулин спасает Деворгиллу от трех фоморов — существ, кому платили настоящими человеческими жертвоприношениями. Таким образом, сказочные сюжеты, получившие всемирное распространение, были образованы кельтской религиозной верой и ритуальной практикой.

Согласно «мифологической школе», Кухулина следует считать солярным героем. «Он достигает своего полного развития в необычайно раннем возрасте», как и Солнце, так же как и многие герои других саг и сказок, которые не являются солярными. Три цвета волос Кухулина — темный цвет вблизи кожи, рыжий в середине, золотой у кончиков — как бы символизируют лучи Солнца, или три части, на которые кельты делили день. Но в другом месте его локоны желтые, как в действительности у принца Чарли и в песне, — там он не солярный герой. Опять же семь зрачков его глаз, возможно, «намекали на дни недели». Все женщины, которые любили его, слепли, — ссылка на трудность пристального глядения на Солнце. Как это прозаично! Эта слепота была комплиментом, который платили Кухулину женщины, которые делались слепыми, когда разговаривали с ним, так же как любовницы Коналла Кернаха окосевали, когда он разговаривал с ними. Слепота Кухулина явилась результатом его привычки втягивать один глаз в голову и выпучивать другой, — известная солярная черта! Его «перекошенность», во время которой, помимо этой «слепоты», кровь прилиwała к голове и образовывался магический туман, а его гнев вызывал сноп искр над ним, — указывает на рассвет или закат, хотя с заходящим Солнцем скорее можно сравнить героя, спокойно тонущего, чтобы отдохнуть, чем безумного гиганта, собирающегося зарезать друга или противника. «Перекошенность», как уже было сказано, является преувеличенным описанием безумной ярости воина, так же как страх, который приносил смерть тому, кто смотрел на его размахивание своим оружием, был порожден практиками воинов Маори. Луг, который, возможно, был богом Солнца, не имеет никакой такой «перекошенности». Охлаждение героя в трех бочках воды, которые выкипают, и его появление из них розово-красным символизируют Солнце, погружающееся в воды и снова появляющееся на рассвете. Разве это не напоминает освежающую ванну, которую принимают разгоряченные воины, вода которой нагревается от жара их тел? Одним из заклятий героя было не смотреть

на лошадей Мананнана — волны, что при интерпретации означает, что Солнце находится вблизи смерти, когда приближается к морю. Однако Луг, бог Солнца, ездил на коне Энбарре (персонификация волн), в то время как сам Кухулин часто пересекал море, а также жил, не зная горя, с женой морского божества Фанд. Опять же магические лошади, которых он понукал, черного и серого цвета, являются здесь «символами дня и ночи», хотя не очевидно, почему серая лошадь должна символизировать день, который не всегда серый даже на западных островах. В отличие от солярного героя, Кухулин наиболее активен зимой и отдыхает в краткий промежуток времени от резни в полдень — время наибольшей солнечной активности и летом и зимой.

Другая теория говорит о том, что всякое посещение героем странной земли означает сошествие в Гадес, что символизируется Солнцем, тонущим на западе. Остров Скатах, возможно, был Гадесом, но более вероятно, что это — Элизиум, с некоторыми чертами, позаимствованными из христианской идеи ада. Но земля Эмер, которую также посетил Кухулин, не символизирует ни Гадес, ни Элизиум. Эмер называет себя «инген риг рихис гарта», что профессор Рис перевел как «дочь углелицега царя», то есть она — дочь тьмы. Следовательно, она — дева рассвета и становится женой Солнца-героя. В истории нет ничего подтверждающего эту теорию, и неясно, почему рассвет и Солнце должны быть божественной парой. Слова Эмер, вероятно, подразумевают, что она — «дочь царя» и «пламя гостеприимства» (рихис гарта)? Кухулин во время ее посещения ехал с запада на восток, вопреки очевидному курсу Солнца. Экстравагантность солярной теории заметна также в гипотезе, согласно которой у Кухулина были другие жены, и, как бог Солнца, он занимался любовью с девами рассвета, по одной на каждый день, подобно царю в романе Лоуиса с его 366 женами, включая високосный год.

Но вряд ли стоит приводить дальнейшие примеры, якобы подтверждающие «солнечную теорию». Достаточно увидеть в Кухулине идеального воина, чьи подвиги являются

претенциозными преувеличениями традиционных представлений о воинских деяниях или заимствованы из сюжетов народных сказок, не только кельтских. Возможно, он был богом войны, поскольку он был связан с Бадб, а также с Морриган. Но у него есть также некоторые черты героя культуры. Он претендует на превосходство в мудрости, политике, искусстве бардов, ритуалах друидизма, приносят различные вещи из мира богов. В любом случае кельты оказывали почести героям, живым или мертвым, и Кухулин, бог или идеальный герой, возможно, был объектом культа. Согласно мнению М. Д'Арбуа, Кухулин и Коналл Кернах — эквиваленты Кастора и Поллукса, Диоскуров, которым, по словам Диодора, поклонялись кельты, жившие у океана. Кухулин, подобно Поллуксу, был сыном бога и, по некоторым сведениям, был воспитан матерью Коналла, точно так же как Леда была матерью и Кастора, и Поллукса. Но, с другой стороны, Кухулин, в отличие от Поллукса, был смертным. М. Д'Арбуа отождествляет затем две пары героев с некоторыми фигурами на алтаре в Клуни. Это — Кастор и Поллукс; Цернунн и Смертулос. Он приравнивает Кастора к Цернунну, а Поллукса — к Смертулосу. Смертулос — это Кухулин, и это объясняется на основе события в «Тайн», в котором герой, упрекаемый за свою молодость, принимает вид медведя перед нападением Морриган в облике угря. Это выражается словом «смертайн» («присоединять») и таким образом соединяется с именем «Смертулос» и дает ему начало. На алтаре на Смертулоса нападает угорь или змея. Поэтому Поллукс — это Цернунн-Кухулин. Опять же имя Цернунн означает «рогатый» — от «церну» («рог»), — слово, обнаруженное в эпитете к Коналлу Кернаху. Но оно было дано ему не потому, что он рогатый, а из-за угловатой формы его головы, поскольку эта угловатость (*serp*) была результатом удара. Этот эпитет может означать «победоносный». В целом эта теория скорее изобретательна, чем убедительна, и у нас нет никаких доказательств того, что фигуры Кастора и Поллукса на алтаре были копиями кельтской пары. Цернунн был богом подземного мира, а Коналл не имеет к подземному миру никакого отношения.

М. Д'Арбуа также анализирует факт, который приводит в галльской саге, — на каменном столбе Кервадел Меркурий изображен с ребенком. Меркурий, по его мнению, является Лугом, а ребенок — Кухулином. На другом алтаре изображен лесник Езус, рубящий дерево, и бык, на котором взгромоздились три птицы — Тарвос Тригаранос. Два эти объекта, как указывает С. Рейнак, объединены на другом алтаре в Треве, на котором лесник рубит дерево, где взгромоздились три птицы, в то время как голова быка видна в ветвях. Они символизируют, согласно М. Д'Арбуа, события «Тайн» — рубку деревьев Кухулином и устройство завалов на пути врагов, и предупреждения быка со стороны Морриган в облике птицы, который она приняла вместе с сестрами Бадб и Махой. Почему тогда Кухулин назван Езусом? Слово «Езус» происходит от корня, который дает слова, означающие «быстрое движение», «гнев», «сила», — все эти качества присущи герою. Эти алтари были обнаружены на территории Белгского Тревери, а некоторые белгские племена могли перейти в Британию и Ирландию, принеся с собой во II веке до н. э. легенду о Езусе-Кухулине, — например, о Сетантии, обитавшем в Мерсей и носившем имя, подобное имени героя в детстве — Сетанта (Сетантиос), так же как Менапий и Бригантес, в Ирландии, по сведениям Птолемея. Другими словами, божественный Езус, с прозвищем Смертулос, был назван в Ирландии Сетантой, в честь Сетантия, а позже — Кухулином. Королевское имя Доннотаурус похоже на Донд тарб, «Бурый Бык» из саги, что предполагает его присутствие в Галлии, и, возможно, является эквивалентом имени Деуйо-таруос («Божественный Бык»), обнаруженного в Галатии. Таким образом, главные элементы саги, возможно, были известны континентальным кельтам до того, как она ограничивалась Ирландией, и были принесены туда галло-бриттскими племенами, что могло бы объяснить большую популярность аборигенной, возможно, докельтской саги о Фионне среди этого народа, а также более тонкие литературные достоинства саги о Кухулине. Но отождествлять Езуса с Кухулином нет серьезных оснований; названные имена

Езуса и Смертуллоса не обнаружены в Ирландии, а у галльского Езуса, которому поклонялись с человеческими жертвоприношениями, мало общего с героем там, где его ратные подвиги не напоминают ритуальные действия. Однако возможно, что эпизод в «Тайн» произошел из мифа, объясняющего ритуальные деяния. Эпизоды этого мифа, возможно, были содержанием барельефов, принесенных в Ирландию, и там он был переработан в сагу.

Народные версии саги, при сходстве с литературными версиями, являются менее сложными и более первобытными, возможно, они представляют примитивную форму саги. Наибольшее различие обнаруживается в версиях «Тайн» и смерти Кухулина, которые, выделенные в саге, являются частями одной народной сказки, где смерть происходит во время борьбы с быком. Бык — это его собственность, и Медб посылает Гарбха Мак Стайрна забрать быка. Кухулин притворился ребенком, лег спать и обманул Гарбха, который шел с целью достать быка. Кухулин приходит раньше него и прикидывается пастухом. Каждый из них хватается за один рог, и быка разрывают надвое. Представляет ли это примитивную форму «Тайн», и, кроме того, были ли бык и Кухулин некогда одним и тем же — бык, воплощение бога или духа растительности, позже ставший антропоморфным, и герой-бог, чьей собственностью или символом был бык? У кельтов известны примеры такого процесса. В Индии Индра был быком и божественным юношей, в Греции был бык — Дионис, и у кельтов имя божественного быка носили короли. В саге Морриган дружелюбна по отношению к быку, но сражается ради Медб; но она то дружелюбна, то враждебна к Кухулину, однако, наконец, пытается предотвратить его гибель. Если бы он некогда был быком, ее дружелюбие совершенно не было бы забыто, когда он стал человеком, существом, отдельным от быка. Когда она первый раз встретила Кухулина, у нее была корова, у которой от Бурого Быка должен был родиться теленок, и она сказала герою: «Пока теленку, который находится в теле этой коровы, не исполнится год, ты будешь жить; и именно это приведет к Тайн». Это предполагает, что герой дол-

жен был умереть в сражении, но это показывает, что теленок Бурого Быка связан с его жизнью. Бык был перевоплощением божественной свиньи-пастуха, и если, как в случае с Кухулином, «его возрождение могло касаться только его самого», то теленка можно рассматривать просто как копию быка, а поскольку он был связан с жизнью героя, то бык и герой, вполне возможно, были одним и тем же. Жизнь или душа были в теленке, и, как во всех таких случаях, хозяин души и хозяин того, в чем она скрыта, практически тождественны. «Перекошенность» Кухулина в таком случае может изображать ярость быка во время борьбы, и народные сказки можно рассматривать как популярные формы старого мифа, объясняющего ритуал, в котором бык, воплощение дерева или духа растительности, был убит, а священное дерево срубили и как-то использовали, как в обычном кельтском сельскохозяйственном ритуале. Этот миф был отражен в барельефах, а в ритуале быка убивают, разрывают и съедают верующие в него. Почему же тогда Кухулин должен разрывать быка? На более поздних стадиях развития таких обрядов животное убивали не столько как божественное воплощение, сколько как жертву богу, некогда воплощенному в нем. И когда бог был таким образом отделен от своей животной формы, часто возникали мифы, рассказывающие, как сам он убивал животное. В случае с Кухулином и быком бог, представленный быком, стал отдельным от него, стал антропоморфным и в этой форме был связан с героем Кухулином или фактически стал им. Жертвоприношения быка были распространены среди тех кельтов, у кого бык был божественным животным. Возможно, дальнейший отзвук этого мифа и ритуала можно обнаружить в народном поверье, в котором святой Мартин был зарезан и съеден в форме быка, то есть бог был воплощен в животном, связанном со святым. Таким образом в литературных версиях «Тайн», отделенных от гипотетических примитивных версий, бык сохраняется как центральная фигура, но введен и конкурирующий бык, смерть которого описывается по-другому, хотя оба быка были перевоплощениями божественных свиней-пастухов.

Идея борьбы за быка заимствована из фактической традиции, и таким образом старая форма этой истории была еще более искажена.

Сага о Кухулине более последовательна, чем сага о Фионне, потому что в ней одно центральное событие. «Канон» саги заканчивается ранней датой, в то время как сага о Фионне фактически никогда не была закончена, главным образом потому, что это была скорее сага о народе, чем о Кухулине. В некоторых отношениях они, возможно, были соперниками, поскольку, если бы сага о Кухулине была ввезена завоевателями из Британии или Галлии, то она не получила бы одобрения народа. Или если бы это была сага Ульстера в противоположность саге Лейнстера, то опять же последовала бы конкуренция. Сага о Фионне живет больше в сердцах народа, хотя иногда она заимствует кое-что из других саг. Это заимствование, однако, меньше, чем утверждают некоторые критики, например Циммер. Многие из подобий являются результатом того факта, что всюду, где есть герой, обычная совокупность событий становится его историей. Поэтому есть много сходств во всех сагах, где бы они ни обнаруживались.

Глава 8

САГА О ФИОННЕ

Самыми известными персонажами в саге о Фионне после смерти отца Фионна Кумала являются Фионн, его сын Ойсин, его внук Оскар, его племянник Диармайд с его «балл-сейрк», или «пятном красоты», которому никакая женщина не может противиться; Фергус, знаменитый своей мудростью и красноречием; Каойлте Мак Ронан, быстрый; Конан, комический персонаж саги; Голл Мак Морна, убийца Кумала, но позже преданный друг Фионна, а также множество менее важных персонажей.

Персонажи саги о Фионне, подобно героям других саг и эпосов, главным образом охотятся, сражаются и занимаются любовью. Они воплощают в себе многое из кельтского характера — живость, доблесть, доброту, нежность, а также хвастовство и огненный темперамент. Датированная с языческих времен, сага проливает мало света на языческие верования, но открывает многое относительно нравов того периода. Здесь, как и всегда у древних кельтов, женщина является чем-то большим, чем просто рабыней, и занимает сравнительно высокое место. Различные части саги, подобно частям финской «Калевалы», всегда существовали отдельно, а не как единый эпос, хотя всегда имели определенное отношение друг к другу. Лоннрот (в Финляндии) смог, добавив некоторые собственные соединяющие ссылки, придать «Калевале» единство, а Макферсон мог бы сделать это с сагой о Фионне, вместо того чтобы трансформировать и подать целое в духе сентиментального повествования XVIII века, — какое благо сделал бы он для кельтской литературы! Различные части саги принадлежат различным столетиям и происхо-

дят от различных авторов. Все, однако, наполнено духом традиции Фионна.

Невозможно датировать начало саги, поскольку добавления делались вплоть до XVIII века; поэма Майкла Комина об Ойсине в Тир на н-Ог была составной частью ее, как и любые из более ранних частей. Ее содержание частично существуют в письменной форме, но в гораздо большей степени — в устной. Многие написано в прозе, и есть значительная поэтическая литература типа баллад, а также сказок, ставших вполне кельтскими, где Фионн и остальные герои были главными действующими лицами. Сага воплощает кельтские идеалы и надежды; это была литература кельтского народа, на которую было потрачено все богатство кельтского воображения; мир мечты и фантазий, в который они всегда могли войти и радоваться этому. Однако, несмотря на раздельность частей саги, она сохраняет некоторое единство, и это обеспечивается построением саги, повествованием о происхождении героев и о великих событиях, в которых они участвовали, рассказам о гибели и последних появлениях и о прекращении существования группы Фионна.

Историческая точка зрения на фианов выработана летописцами Китингом, О'Курри, доктором Джойсом и доктором Дугласом Хайдом. Согласно этой точке зрения, они были своего рода военной милицией, поддерживаемой ирландскими правителями, которая занималась охраной престола и защитой страны. Круглый год фианы они были расквартированы среди народа и жили, занимаясь охотой. Насколько люди приветствовали это расквартирование, не говорится. Их метод приготовления дичи, добытой на охоте, был известен всем примитивным народам. В земле рыли ямки; в них помещали раскаленные камни, а на камни клали оленину, обернутую в осоку. Затем яму закрывали сверху, и в назначенное время мясо становилось готовым. Тем временем, прежде чем садиться за еду, герои участвовали в сложном ритуале одевания. Их ложа были составлены из нескольких уровней хвороста, мха и тростника. Фианы делились на катхи (catha) по три тысячи человек, у каждой тысячи — по командующему, и свой офицерский

состав — у каждой сотни, каждых пятидесяти и каждых девяти человек — структура, мало чем отличающаяся от структуры войска древних перуанцев. Каждый кандидат на посвящение в войско должен был подвергнуться самым суровым испытаниям, которые могут поспорить в серьезности с испытаниями у американских индейцев, и вполне вероятно, все это — подлинные, хотя и преувеличенные реминисценции о фактических испытаниях на выносливость и ловкость. После признания кандидат был должен соблюдать некоторые табу, например выбирать жену не за ее приданое, подобно остальным кельтам, а исключительно за ее добрый нрав, не насиловать женщин, не убегать, когда нападают менее девяти воинов, и т. п.

Все это может отражать подлинные традиции воинов, с преувеличениями в деталях и количествах. У некоторых выдающихся героев, возможно, были имена, полученные от имен героев какой-нибудь существующей саги или соответствующие им. Но по мере того как проходило время, они стали столь же неисторическими, как и их идеальные прототипы; вокруг их имен выкристаллизовались ходячие мифы и истории; их имена давали персонажам существующих народных сказок. Это могло бы объяснять расхождение между «историческими» и романтическими аспектами ныне существующей саги. Однако мы не можем не видеть, что то, что объявляется историческим, полно преувеличений, и, несмотря на защиту доктора Хайда и других патриотов, в саге мало исторических фактов. Даже если они присутствуют, это наименее важная часть саги. Что важно, так это то — девять десятых от всего, — что «не является истинным потому, что не может быть истинным». Оно принадлежит области сверхъестественного и нереального. Но персонажи, девять десятых поступков которых принадлежат этой области, должны сами иметь тот же характер и по этой причине быть тем более интересными, особенно когда мы вспомним, что кельты твердо верили в них и их подвиги. Миф о Фионне, как и все мифы, разрастался по мере того, как проходило время, и историческое ядро, если оно когда-либо было, утонуло и потерялось. Во всей саге фианы нечто большее, чем простые смертные, даже в тех самых ча-

стях, которые объявляются как исторические. Они гиганты; их история «изобилует сверхъестественным»; они становятся идеальными образами кельтской легенды, отбрасывающей их гигантские тени на тусклый и туманный фон прошлого. Поэтому не следует довольствоваться тем, чтобы принять, что персонажи, именуемые как Фионн, Ойсин, Диармайд или Конан, когда-либо существовали, а то, что мы знаем о них, теперь является чистым мифом.

Имея в виду то, что они заветные герои народного воображения в Ирландии и Шотландском нагорье, мы должны теперь задаться вопросом: а были ли они кельтами по происхождению? Мы уже видели, что кельты были в Ирландии народом-завоевателем, принесшим с собой свою собственную религию и мифологию, свои собственные саги и истории, отраженные теперь в мифологическом цикле и цикле о Кухулине, которые нашли себе пристанище в Ирландии. Кухулин был героем саги, которая процветала скорее среди аристократического и просвещенного класса, а не среди народа, и существует несколько народных историй о нем. Но сага о Фионне всегда была популярна именно среди народа, и на каждого крестьянина, который мог рассказать историю Кухулина, приходится тысяча тех, кто мог рассказать о Фионне. Завоеватели часто принимают верования, традиции и нравы коренного народа после того, как прекращаются военные действия, и если у докельтского населения был популярный герой и сага о нем, то возможно, это было принято кельтами или их более низшими классами. Но в процессе этого герои, должно быть, полностью кельтизировались, подобно самим аборигенам; им были даны кельтские имена, или они, возможно, были связаны с кельтскими персонажами, подобно Кумалу, и содержание саги со временем было приспособлено к представлениям и легендарной истории кельтов. Таким образом, мы могли бы объяснить тот факт, что сага о Фионне в значительной степени оставалась без примеси мифологического цикла и цикла о Кухулине, хотя его герои были приведены в соответствующие отношения со старыми богами. Таким образом, мы могли бы также объяснить большую популярность саги о Фионне по сравнению с сагой о Кухулине среди кре-

стьянства, в чьих венах, должно быть, текло много коренной крови как в Ирландии, так и Нагорье. Другими словами, это была сага некельтского народа, жившего как в Ирландии, так и в Шотландии. Если кельты из Западной Европы заняли запад Шотландии в очень раннее время, они, возможно, были так малочисленны, что их собственная сага или саги умерли. Или если кельтское завоевание Западного нагорья началось поначалу из Ирландии, ирландцы, возможно, были неспособны навязать там свою сагу о Кухулине или если бы они уже сами приняли сагу о Фионне и опять обнаружили ее в Нагорье, то они еще больше прибавили бы к тому, что уже привилось там. Это лишило бы основания теорию, что сага о Фионне была занесена в Шотландию из Ирландии, и это объяснило бы ее популярность в Нагорье, а также тот факт, что многое в истории Фионна применимо к Нагорью так же, как и к ирландским окрестностям, в то время как многие топонимы в обеих странах имеют фианское происхождение. Наконец, эта теория объяснила бы существование столь многочисленных сказок, касающихся Фионна и его людей, и столь малочисленных о Кухулине.

Следует отметить, что, хотя, с точки зрения летописцев, сага принадлежит определенному историческому периоду, при рассмотрении ее самой по себе выясняется, что она зародилась в эпоху мифов, и, хотя фианы рассматриваются как защитники Ирландии, их враги обычно сверхъестественные существа, а сами они действуют в магических обстоятельствах. Они также связаны с историческими Туата Де Дананн; они борются с ними или за них; они влюбляются или женятся на их женщинах; а некоторые из богов даже становятся членами круга фианов. Диармайд был любимцем богов Оэнгуса и Мананна, и, когда он оказывался в ужасных обстоятельствах, они помогали ему. Таким образом, мы находимся в чудесной стране мифа, а не на твердой платформе истории. Есть некоторое подобие между сагами о Кухулине и Фионне, но это подобие не больше чем существующее между всеми другими сагами повсюду. Обе саги содержат сходные события, но это — типовые эпизоды, имеющие

в качестве универсального основания древние религиозные воззрения, приспособленные к персонажам отдельных саг. Следовательно, мы не должны предполагать вместе с профессором Виндишем, что мифические события саги о Фионне получены из цикла о Кухулине.

Персонажи, против которых борются Фионн и его люди, показывают мифическую природу саги. Как защитники Лейнстера, они сражаются с людьми Ульстера и Коннахта, но воюют также против заморских захватчиков — лохланнов. Хотя под именем «Лохланн» может подразумеваться любая земля за морем, подобно уэльскому Флихлину, вероятно означаящему «легендарную землю под озерами или волнами моря» или просто обитель враждебных сверхъестественных существ. Лохланны были бы, таким образом, двойниками фоморов, а борьба фианов с ними отражала бы старые мифы. Но с учетом скандинавских вторжений настоящими лохланнами стали бы скандинавы, против которых Фионн и его люди боролись, как Карл Великий против магометанцев, что, очевидно, невозможно. Профессор Циммер, однако, предполагает, что сага о Фионне приняла свою форму в период норвежской оккупации начиная с IX века. Фионн наполовину норвежец, наполовину ирландец, и он является эквивалентом Кайтила Финда, который командовал ирландцами-отступниками в IX веке, в то время как Ойсин и Оскар — это норвежские Асвин и Асгейрр. Но трудно понять, почему тот, кто был наполовину норвежец, должен был стать избранным героем кельтов в ту самую эпоху, когда норвежцы были их жестокими врагами, и почему Фионн, если он норвежского происхождения, борется против лохланнов, то есть норвежцев. Можно также задать вопросом, почему заимствование затронуло только эту сагу, а не мифы о богах. Никакой другой исследователь кельтов не оказал поддержки этой блестящей, но дерзкой теории. С другой стороны, если сага имеет норвежское сродство и если по происхождению она докельтская, то это сродство можно разыскивать в более ранней связи Ирландии со Скандинавией еще в бронзовом веке. В Ирландии была тогда процветающая цивилизация, и она экспортировала красивые золотые украшения в Скандинавию, где они

обнаруживаются до сих пор в залежах, принадлежащих бронзовому веку. Эта процветающая цивилизация была погублена вторжением кельтских варваров. Но если скандинавы заимствовали золотые и художественные украшения из Ирландии и если сага о Фионне или ее часть уже существовали, то почему они не могли позаимствовать некоторые из событий, или почему, с другой стороны, некоторые эпизоды не должны обнаруживать их путь с севера в Ирландию? Однако мы должны также учитывать, что сходные события, возможно, происходили в обеих странах полностью независимо.

Разнообразное содержание саги можно напомнить только самым кратким образом. История рождения Фионна принадлежит известному сюжету «Изгнание и возвращение», приложимому к очень многим героям саги и народных сказок, но весьма разработанному в его случае благодаря летописцам. Итак, его отец Кумал, дядя Конна (122—157) захотел жениться на Муирне, дочери вождя друида Конна Тадга. Тадг отказал, зная, что из-за этого брака он потеряет свое наследственное место. Кумал захватил Муирне и женился на ней, и правитель по просьбе Тадга послал против Кумала войско. Кумал был убит; Муирне сбежала к его сестре и родила Демни, впоследствии известного как Фионн. Возможно, в соответствии с древним матриархальным обычаем подчеркивается происхождение Фионна от его матери, в то время как он родственен древним богам, поскольку Тадг был сыном Нуаду. Это сразу указывает на мифический аспект саги. Кумал, возможно, тождествен богу Камулосу. Вскоре Фионн, теперь грабитель и преступник, появился во дворе Конна и в ту же ночь убил одного из Туата Деа, который ежегодно приходил и разрушал дворец. За это он получил свое законное наследство — власть над фианами, которыми ранее руководил Кумал. Другое событие из юности Фионна показывает, как он обрел свой «палец познания». Считалось, что съедение некоего «лосося познания» давало вдохновение, идею, что, возможно, происходило от древних тотемических верований. Бард Финесес, поймав одного из желанных лососей, заставляет своего ученика Фионна приготовить его, запре-

тив ему пробовать его. Но когда Фионн переворачивал рыбу, он обжег большой палец и засунул его в рот, получив таким образом дар вдохновения. После этого ему достаточно было только пососать свой большой палец, чтобы получить тайную информацию. В другой истории повествуется, что вдохновение уже находится в его большом пальце, как сила Самсона в его волосах, но этот дар вдохновения был также в зубе Фионна, под которым после ритуальной подготовки он должен был поместить свой большой палец и пожевать его.

У Фионна было много жен и любовниц, одна из них, Саар, стала матерью Ойсина. Саар была превращена неким друидом в лань и сбежала из дома Фионна. Намного позже он нашел в лесу ребенка-зверя и узнал в нем своего сына. Он воспитывал его до тех пор, пока не исчезла его звериная натура, и назвал его Ойсин («молодой олень»). Вокруг этой легенды о рождении возникло множество историй — несомненный признак ее популярности. Известность Ойсина как поэта далеко превзошла известность Фионна, и Ойсин стал идеальным бардом кельтов.

Гораздо более трагической является история страсти Диармайда и Грайinne, с кем был обручен Фионн. Грайinne наложила на Диармайда запрет, и он не мог сбежать с нею, чтобы не нарушить его, но они сбежали, и в течение многих дней их преследовал Фионн, который наконец настиг их, но фианы вынудили Фионна простить влюбленного героя. Тем временем Фионн ждал случая отомстить. Зная, что одним из наложенных на Диармайда магических запретов был запрет никогда не охотиться на дикого кабана, он пригласил его на охоту на кабана Гулбана. Диармайд убил его, и тогда Фионн предложил ему измерить его длину своей ногой. Щетина проткнула тому пятку, и он упал в мучениях, умоляя Фионна принести ему воду в руках, поскольку, если бы тот сделал это, то исцелил бы его. Фионн принес воды, но позволил ей вытечь из рук. Храбрая душа Диармайда скончалась, и на характер Фионна навсегда легло страшное пятно.

Другие истории рассказывают о том, как несколько фианов были тайно похищены и увезены в Землю за Морями,

как позже они были спасены, как Диармайд отправился в Землю под Волнами и как Фионн и его люди были окружены в Волшебном Дворце. Более важными были те истории, которые рассказывают о конце фианов. Это, согласно летописцам, стало результатом их поборов и чрезмерных запросов. Жена Фионна, мудрая женщина, говорила ему, чтобы он никогда не пил из рога, но однажды, мучимый жаждой, он пришел к источнику, забыл про это табу и таким образом приблизил конец. Он столкнулся с сыновьями Уиргеренна, которых он убил, и в битве с ними он пал. Вскоре после этого было несколько битв, кульминацией которых стало сражение при Габхре, в котором все, кроме нескольких фианов, погибли. Среди оставшихся в живых были Ойсин и Каойлте, которые дожили до пришествия святого Патрика. Каойлте остался на земле, а Ойсин, чья мать была из народа сидхе, отправился на какое-то время в волшебную страну, а по возвращении присоединился к святому Патрику. Но другая версия дается в поэме Майкла Комина (XVIII век), несомненно основанной на популярных историях. Ойсин встретил королеву Тир на н-Ог и отправился с нею в волшебную страну, где время проходило как сон, пока однажды он не наступил на камень, которого не должен был касаться. Он увидел свою родную землю, и его сердце наполнилось тоской по родине. Королева пыталась отговаривать его, но тщетно. Тогда она дала ему лошадь, предупредив его, что он не должен ставить ногу на ирландскую землю. Он прибыл в Ирландию и обнаружил, что все изменилось. Какие-то маленькие люди тщетно пытались поднять большой камень и попросили незнакомца помочь им. Он спрыгнул с лошади и резко сбросил камень с места. Но когда он обернулся, то увидел, что лошадь умчалась, а он превратился в дряхлого старика. Вскоре после этого он встретил святого Патрика и рассказал ему эту историю.

Большинство историй, сохранившихся в манускриптах XII—XV веков, в сущности, дошли до нас из отдаленной древности, подобно звездам, пульсирующим ясным светом из скрытых глубин космоса. Многие из них существуют как популярные истории, часто дикие и сверхъестественные по форме, в то время как некоторые народные сказки не име-

ют никаких литературных параллелей. Часть народных сказок с включением фианов как героев имеет множество европейских параллелей. Но вполне вероятно, что, как и в случае с циклом о Кухулине, народные версии могут лучше отражать первоначальные формы саги, чем округленные и отполированные литературные версии. Независимо от того, кем фианы были по происхождению — богами, мифическими героями или реальными персонажами, — вероятно, короткая сага о Хелден возникла в древние времена. Она постепенно расширилась и обогатилась новыми историями, и существующие сказочные предания свободно использовались, и герои сказок стали героями саги. Затем пришло время, когда многие из сказаний были записаны и позже приспособлены к событиям ирландской истории, их герои стали воинами определенного исторического периода или, возможно, были связаны с такими воинами. Но эти герои принадлежали вечному миру, чьи края — «берег старого романа», и это было так, как будто эти герои жили не в какую-то определенную эпоху, а существовали всегда, в течение всего периода существования человечества.

Древнейшее свидетельство отношения церковного мира к этим героям обнаруживается в «Агалламх на Сенорах», или «Беседах Древних». Возможно, оно было составлено в XIII веке, и его автор знал множество легенд о Фионне. Используя традицию, согласно которой Каойлте и Ойсин встретили святого Патрика, он связывает Каойлте со многими историями, обычно соединенными с каким-нибудь топонимом фианского происхождения. Святой и его последователи удивляются огромной высоте фианов, но Патрик окропляет их святой водой, и демоны покидают их. В каждой истории, о которой рассказывает Каойлте, святой говорит: «Успех и молитва, Каойлте. Все это для нас — творение духа и разума, если только это не разрушение благочестия и нарушение молитвы». Но теперь появляется его ангел-хранитель и предлагает ему не только послушать истории, но и заставляет записать их. Он и его спутник-служитель теперь внимают подробному описанию и подбадривают рассказчика аплодисментами. Наконец осуществляется крещение Каойлте и его людей, и благодаря заступничеству

святого Патрика родственников Каойлте и самого Фионна выводят из ада. В этом деянии представителям язычества показывают, что значит быть в дружбе с представителями христианства.

Но в балладах Нагорья, собранных в XVI веке священником из Лисморе, как и в ирландских балладах, обнаруженных в манускриптах, датирующихся началом XVII века, святой является кислым и невыносимым духовным лицом, а фианы — в равной степени нетерпимыми и богохульными язычниками. Нет никакой попытки достичь компромисса; святой радуется тому, что фианы находятся в аду, а Ойсин демонстрирует презрение к Богу бритых священников. Но иногда это презрение смешано с юмором и пафосом. Если бы герои из сообщества Ойсина жили теперь, то колокола, книги и пение псалмов монахов мало что сделали бы. Верно, что святой оказывает утомленному старику гостеприимство, но глаза Ойсина слепнут от слез, когда он думает об ушедшей красоте фианов, а его уши страдают от «нестройного звона колоколов, гудящих псалмов и воющих клириков». Эти баллады, возможно, представляют главный аспект отношения церкви к кельтскому язычеству. Как же тогда возникли более обширные «Беседы»? Мы должны обратить внимание на то, что некоторые из баллад имеют умеренный тон. Ойсина побуждают принять веру, и он молится о спасении. Возможно, это означает возбуждение интереса к старым героям, жившим в то время, когда вера была тверда. Не было никакой опасности языческого возрождения, и если бы фианы были христианизированы, то было бы законно изображать их как героических и благородных. «Беседы» символизировали бы высшую точку этого интереса к прошлому среди образованных классов, поскольку среди народа, судя по популярным историям, фианы никогда не рассматривались иначе как в благоприятном свете. «Беседы» восстанавливали достоинство фианов в глазах официального христианства. Они крестятся или освобождены от ада, а по своей собственной природе они добродетельны и следуют высоким идеалам. «Кто или что было тем, что поддерживало вас в жизни?» — спрашивает Патрик. И Каойлте дает благородный ответ: «Истина, которая в наших сердцах,

и сила в наших руках, и завершенность в нашей речи». Патрик говорит о Фионне: «Он был королем, провидцем, поэтом, владыкой с многочисленной и великой свитой; нашим магом, нашим знатоком, нашим предсказателем; все, что он говорил, было приятно слушать. Возможно, вы думаете, что это чрезмерное свидетельство о Фионне, что это преувеличение, однако этот человек был выше меня, был в три раза лучше». Каойлте утверждал, что Фионн и его люди знали существование истинного Бога. У них были души истинных христиан. Возросшее понимание ценности более широкого взгляда на жизнь и, по-видимому, знакомство с рыцарскими романами сделали возможным составление «Бесед», но опять же это отражает более богатое представление о язычестве, чем существовавшее со времен первого столкновения христианства с ним в Ирландии.

Борьба убеждений в Ирландии, изменение старого порядка, уступившего место новому, очевидно, запечатлелась в сознании кельтских поэтов и авторов романов. Поэтому мы постоянно слышим о встрече богов, полубогов или героев со святыми новой эры. Часто они кланяются перед крестом, крестятся и постигают христианскую истину, как в «Беседах» и в некоторых материалах цикла о Кухулине. Возможно, часть европейской народной литературы поняла ценность ситуации, отражающей эту встречу религий — старой, готовой исчезнуть, и новой, обладающей свежестью юности.

Действительно ли Макферсон открыл подлинную кельтскую эпопею? Ни один смертный, кроме него, никогда не видел оригинала, но никто не станет отрицать, что многое из его работы основано на собранных им материалах. Он знал некоторые из историй и баллад, бывших в ходу среди народа, возможно, также часть версий ирландского манускрипта. Он видел, что между ними было некоторое единство, и он видел, что это можно было сделать еще более очевидным. Он построил ходячие сюжеты в эпическую структуру, добавив, выдумав, изменив и сплавив целое в свой собственный бриганский стиль. Позже он, по-видимому, перевел все это на галльский язык. Он представил миру свою версию и стал

знаменитым, но он дал это как подлинный перевод подлинной кельтской эпопеи. Таковым было его ремесло: он был «гениальным шарлатаном». Его гений заключается в создании эпопеи, которую люди готовы были читать, и в том, что он заставил их считать это не его произведением, а творением кельтской героической эпохи. Любой может написать эпопею, но не многие могут написать такую, которую будут читать тысячи, которой будут восхищаться такие люди, как Шатобриан, Гете, Наполеон, Байрон и Кольридж, книгу, в которой будут, так сказать, обобщены устремления эпохи, уставшей от классического формализма. Макферсон познакомил своего читателя с новым миром героических подвигов, романтических приключений, бессмертной любви, сентиментально выраженных изысканных чувств. Он превратил грубых воинов и прекрасных, но несколько беззастенчивых героинь саги в сентиментальных персонажей, удовлетворявших вкусам эпохи, балансировавшей между носящим парик и напудренным формализмом XVIII века и новыми идеалами, которые должны были последовать. Его «Оссиан» является перекрестком между осуществленными Попом переводами гомеровских «Илиады» и «Одиссеи» и «Чайльд Гарольдом» Байрона. Его герои и героини живут не среди родного вереска, и неясно, поддерживать ли этот образ жизни вместе с Попом или следовать природе вместе с благородными дикарями Руссо и Полом и Вирджинией Сен-Пьера. Прошло то время, когда было ересью сомневаться в подлинности эпопеи Макферсона, но если кто-то еще сомневается, пусть прочтет ее, а затем обратится к существующим версиям, балладам и историям. Он окажется в совершенно другой обстановке и распознает в последней истинную эпическую тональность — ярость и великодушие воина, страшную жестокость, и при этом бесконечную нежность, дикое вожеление, и при этом также и истинную любовь, мир магического супернатурализма, но и точную копию вещей, какими они были в ту отдаленную эпоху. Варварство того времени обнаруживается в этих древних историях: поступки, которые вызывают трепет, характер отношений между по-

лами, которые теперь встречаются только среди дикарей, социальная и бытовая обстановка, несколько аляповатая и отвратительная. И тем не менее, там присутствует дух храбрости, страсти, подлинной жизни; мы оказываемся во власти подлинной мужественности и женственности. Макферсон дает изображение оссиановской эпохи так, как он воспринимал ее, — как эпоху кельтской истории, которая «никогда не была на море или на суше». Даже его призраки — некельтские, туманные и невещественные фантомы, в отличие от имеющих телесную оболочку персонажей саги, которые согласуются с кельтской верой в то, что душа принимает тело в другом мире. Макферсон делает Фионна неизменно успешным, хотя в историях саги его часто побеждают. Он смешивает цикл о Кухулине с циклом об Оссиане, но они, кроме некоторых случайных примеров, в старой литературе совершенно другие. Однако не будь его поэма столь великой, какой она является, хотя и настолько некельтской, она не смогла бы оказать такое влияние на всю европейскую литературу. Те, кто заботится о подлинной кельтской литературе, продукте народа, который любил природу, отважные дела, красоту этого мира, музыку моря и птиц, горы, доблесть мужчин и красоту женщин, все равно найдут все это в саге — либо в ее литературной, либо в народной форме. И благодаря всему этому станет внятными тайный смысл кельтского пафоса и кельтской печали, отдаленный веками отзвук «старых, несчастных, далеких событий и сражений давних».

Глава 9

БОГИ И ЛЮДИ

Обычно человек делает своих богов по собственному образу, но при этом они не подобны ему во всем. Промежуточное звено между ними и человеком — идеальные герои, которые были, возможно, богами или полубогами. Одним из признаков кельтских богов является их огромная высота. Никакой дом не мог вместить Брана, а некоторые божественные люди из Элизиума, которые явились к Фионну, имели на пальцах кольца «столь же толстые, как прут для подстегивания трех быков». Даже фианы были гигантами, и череп одного из них мог вмещать несколько человек. Боги обладают также свойством быть невидимыми и видны только тем, кому они сами пожелают открыться, или обладают способностью скрываться в магическом тумане. Когда они являются смертным, то обычно в облике смертных, иногда даже в виде конкретного человека, но они могут также превращаться в животных, часто в птиц. Имена некоторых божеств показывают, что некогда они были животными, чистыми и простыми, но когда они стали антропоморфными, возникли мифы, рассказывающие о том, как они явились людям в формах животных. Частично это объясняет мифы с превращением. Боги также являются бессмертными, хотя в мифах мы слышим и о случаях их гибели. Туата Де Дананн «нетленны», их «жизнь вечна». Это бессмертие либо изначально им присуще, либо это результат съедания бессмертной пищи — это свиньи Мананна, вековой деликатес Гоибниу, его бессмертный эль или яблоки Элизиума. Истории, рассказывающие о гибели богов, возможно, основаны на древних мифах, где боги

умирали, поскольку эти мифы отражали ритуальные действия, в которых человеческие представители богов были убиты. Такие обряды были неотъемлемой частью кельтской религии. В других местах ритуал, связанный с богами, подобными Осирису или Адонису, был основан на их функциях как богов растительности и объединен со сложными мифами, рассказывающими об их смерти и возрождении. Нечто родственное этому, возможно, произошло и у кельтов.

Божества часто вступают в отношения со смертными. Богини искали любви героев, которые затем иногда числились среди богов, а боги любили дочерей человеческих. Часто герои саг — это дети богов и смертных, и в это божественное происхождение кельты верили твердо, поскольку личные имена, образованные от божественного имени и «-генос» или «-гнатос» («рожденный от», «сын»), обнаруживаются в надписях во всех кельтских областях или в кельтских документах — Бодуогенос, Камулогната и т. д. Считается, что те, кто поначалу носил эти имена, был божественного происхождения от одного из родителей. Духи природы, или стихии персонифицированной природы, также могут быть родителями смертных, как, например, можно судить по именам типа Морриган, от Моригенос («сын Моря»), и многих других. По этой и по другим причинам боги часто вмешиваются в человеческие дела, помогая своим детям или фаворитам. Или опять же они ищут помощи смертных или героев саг в своей борьбе или во время бедствий, как, например, Морриган молила об избавлении от Кухулина.

Как и в случае с древнегреческими и древнеримскими правителями, кельтские вожди, которые носили божественные имена, возможно, считались представителями или воплощениями богов. По-видимому, это объясняет, почему вождь Бойи (Boii) называл себя богом и был почитаем после смерти и почему галлы с такой готовностью приняли божественность Августа. Ирландские короли носили божественные имена, и среди них часто встречается Нуаду; один из них, Ирел Файт, отождествляется с

Нуаду Айргетламом, в то время как в одном тексте «нуа-дат» толкуется как «властвующий», как будто «Нуаду — титул, означающий власть». Уэльские правители носят имя Нудд (Ноденс), и реальный, и мифический вождь Бреннус взял свое имя от бога Брана. Король Конхобар назван «диа талмайде» (dia talmaide) («земной бог»). Если короли считались людьми-богами, подобными фараонам, то это могло бы объяснить частоту историй о божественном отцовстве или перевоплощении, хотя это также объяснило бы многочисленные табу, которые ирландские короли должны были соблюдать, в отличие от обычных смертных. Процветание было связано с их соблюдением, хотя позже оно считалось зависящим от праведности правителя. Умеренный климат, изобилие зерна, плодов, рыбы и скота способствовали процветанию, и таким образом плодородие было связано с личностью правителя. Некогда правители, возможно, рассматривались как воплощения таких богов. Всюду, где обнаруживаются божественные правители, существует тесная связь их с плодородием и с должным соблюдением ими табу. Чтобы предотвратить беды в стране, их убивали прежде, чем они старели и слабели, а их энергия переходила к их преемникам. Их смерть приносила пользу их народу, но часто король мог править до тех пор, пока он мог защищать свои владения от всех пришельцев, или опять же какого-нибудь раба или преступника какое-то время принимали за лжеправителя, а убивали как божественного правителя. Разрозненные в ирландской литературе и в народных сказаниях намеки подсказывают, что кельты по отношению к своим божественным правителям вели себя так же, как и другие народы. Вполне возможно, что так же относились к богам некоторые друиды. Вожди и священники поначалу, вероятно, не различались. В Галатии двенадцать «тетрархов» встречались ежегодно с тремя сотнями помощников в Друнеметоне на большом национальном совете. Собрание этого совета в священном месте (неметон), его сходство с ежегодным собранием друидов в Галлии и возможность того, что «дру-» имеет некоторую связь с названием «друид», указывают на религиозный и политический характер

этого совета. «Тетрархи», возможно, были своего рода вождями-священниками; они имели властные prerogatives действий в качестве судей, какие имели друиды Галлии. Жена одного из них была священнослужительницей, эта должность переходила по наследству в ее семье, и, возможно, было необходимо, чтобы ее муж также был священником. Один из тетрархов, Дейотарус, «божественный бык», был искусным в предсказаниях, а титул вождя-священника был дарован некоторым кельтам во II веке до н. э., как будто двойная должность была уже кельтским институтом. Мифические кельтские вожди советовались с богами без какого-либо вмешательства со стороны священников, а властная Боудикка имела священнические функции. Не преувеличивая значение этих намеков, мы можем предположить, что дифференцирование этих двух должностей не было одновременным во всей кельтской области.

Но когда этот процесс развивался, священники, вероятно, предъявляли права на политическую власть, а правители, в свою очередь, пытались сохранить статус священников, и там, где это происходило, священники довольствовались наблюдением за тем, чтобы должным образом соблюдались табу, ритуалы и осуществлялась казнь лжеправителей. Ирландские правители, возможно, все еще считались богами, хотя некоторые друиды, вероятно, были божественными священниками, поскольку называли себя творцами вселенной, а континентальные и ирландские друиды претендовали на превосходство над правителями. Кельтские священники притязали на божественное происхождение.

Воплощенный бог был, вероятно, представителем бога, или духа, земли, роста, или растительности, представленного также деревом. Символическую ветвь такого дерева носили вожди и, возможно, друиды, которые использовали в своих ритуалах ветви дуба. Вожди и дерево были связаны, жизнь вождя была связана с жизнью дерева, и, возможно, оба умирали в одно время. Но как вождей представлял заместитель, так и священное дерево считалось слишком священным, чтобы его рубить, и

также могло иметь свой заменитель. К ирландскому *биле*, или священному дереву, связанному с вождями, нельзя было прикасаться нечистыми руками и было бы кощунством срубить его. Возможно, перед срубанием дерева срезали ветвь или что-нибудь выросшее на нем, например омелу, либо же символическая ветвь вождя оберегалась до того момента, когда его могли убить. Это может объяснить описание Плинием обряда с омелой. Омела была душой дерева и заключала в себе жизнь божественного представителя. Ее нужно было сорвать прежде, чем могли срубить дерево или убить жертву. По-видимому, гипотетическое по характеру описание Плиния неполно, или же он говорил о чем-то таком, о чем не знал всех подробностей. Ритуал должен иметь какую-то цель, отличную от магическо-медицинского использования омелы, которое он описывает, и хотя он ничего не говорит о рубке дерева или человеческих жертвоприношениях, вполне вероятно, что, поскольку человеческие жертвоприношения в его время были запрещены, их место занимали быки, которых убивали во время обряда. Позже романтические истории предполагают, что перед убийством какого-то персонажа, мифического божественного священника или вождя, ветвь, которую он держит, должна быть захвачена его противником или сорвана с дерева, которое он защищал. Они могут указывать на старую веру в дерево и вождя как божественных представителей и на то, что ритуал, подобный этому, был связан со священником Неми. Божественное дерево стало мистическим деревом Элизиума, с золотыми и серебряными ветвями и удивительными плодами. Вооруженный такой ветвью, даром от своего народа, смертный мог беспрепятственно проникать в божественную страну. Возможно, этот ритуал может рассматриваться как романтический миф о старых божественных вождях с ветвью священного дерева.

Если бы в древние времена дух растительности был женским, его представителем была бы женщина, возможно убиваемая во время повторяющихся праздников верующими женщинами. Это объяснило бы убийство на

празднике одной из женщин намнитскими женщинами. Но когда мужские духи или боги заменили богинь, божественный священник-вождь занял место женского представителя. С другой стороны, так же как богиня стала супругом бога, женский представитель продолжал быть в качестве божественной супруги в ритуале священного брака, Королевы Мая из более позднего народного обычая. Спорадически и позже стали консервативно сохраняться культы с женскими божественными воплощениями, как это заметно по присутствию одной только Королевы Мая в некоторых народных обрядах и по многим кельтским ритуалам, из которых были исключены мужчины.

Глава 10

КУЛЬТ МЕРТВЫХ

Традиция класть в могилу вместе с мертвыми материальные ценности или убивать жену или рабов не обязательно указывает на культ мертвых, однако, когда такие методы сохраняются в течение длительного времени, они принимают форму культа. Эти обычаи процветали среди кельтов, и, с учетом почитания могил мертвых, они указывают на почитание духов предков, а также на почитание умерших великих героев. Головы убитых предлагали в жертву «сильным теням умерших» — духам героев племени, чья слава была воспета бардами. Когда такие головы помещали в дома, они, возможно, были посвящены семейным духам. Честь, которой были удостоены мифические или реальные герои, возможно, указывает на фактический существовавший культ поклонения мертвому герою, в то время как он, они верили, продолжал покровительствовать племени. Мы знаем также, что могила короля Коттиуса в Альпах была священным местом, что ирландские короли часто проходили инаугурацию на пирамидах из камней, служивших могильными холмами предков, и что ирландские боги были связаны с холмами мертвых.

Культом мертвых достигает кульминации в семейном очаге, вокруг которого даже хоронили мертвых, как среди аэйдюев (Aeduii); этот последний обычай, возможно, был общим. В любом случае вера в присутствие духов предков вокруг очага была широко распространенной, как показывают существующие суеверия. Считалось, что мертвые ищут ночью тепло в очаге, для них существовал праздник в канун Дня Всех Душ, для них оставляли крош-

ки после того, как собирались их родственники. Но обычно семейный дух отождествлялся с домовым, часто посещавшим очаг и делавшим домашнюю работу. Фея во всех отношениях соответствует старому духу предков, место которого наследует, и даже считается духом мертвого человека. Некоторые археологические находки также имеют связь с этим древним культом. Среди кельтских останков в Галлии обнаружены глиняные подставки для дров в камине, украшенные бараньей головой. М. Дешелет видит в этом «символ жертвы, предложенной душам предков на алтаре очага». Баран уже был связан как жертвенное животное с культом огня в очаге, и посредством простого превращения он был связан с культом мертвых. На древних могилах он встречается как некий символ, и семейный лар очищался посредством жертвоприношения барана. Фигурки барана были обнаружены в галльских могилах, что связывает их с богом подземного мира. Баран на подставке для дров в камине был, таким образом, постоянным представителем жертвы, предлагаемой в культе мертвых. Изуродованная надпись на одном из них, возможно, должна читаться как *Laribus augustis*, а некоторые отметины на другом могут символизировать венки, обвивающие жертву. Змеи с бараньими головами встречаются на памятниках бога подземного мира. Змей был богом подземного мира или символом такого бога, и, возможно, считалось традицией дать ему голову животного, связанного с культом мертвых.

Для мертвых оставляли пищу в могиле или в доме. Поэтому чаши ставили в углублении какого-нибудь источника в погосте Килранелага те, кто предавал земле ребенка до пяти лет, и дух ребенка, как предполагалось, снабжал других духов водой из этих чаш. В Ирландии после смерти человека отдавали духам пищу или на похоронах клали орехи в гроб. В некоторых частях Франции в могилу выливали молоко, а в Бретани и в Шотландии мертвые, как предполагается, принимали участие в похоронах. Это все пережитки языческих времен, и они соответствуют обрядам, практикуемым среди тех, кто все еще поклоняется предкам. В кельтских районах пирамиду из

каменей или крест ставили на том месте, где произошла насильственная или случайная смерть, с целью успокоить духа, и часто все прохожие добавляли в эту пирамиду какой-нибудь камень.

Праздники были утверждены в Ирландии в годовщины смерти королей или вождей, и они также использовались в целях торговли, развлечений или политики. Иногда были большие праздники, например Лугназад и Самайн, и иногда они проводились на знаменитых местах захоронений. Таким образом, считается, что собрание в Таиллти на Лугназад было основано Лугом в память о его кормилице Таилтиу, а люди Лейнстера встречались в Кармане в один и тот же день, чтобы почтить память короля Гармана или, по другим версиям, женщину по имени Карман. Она и ее сыновья пытались погубить зерно Туата Де Дананн, но сыновей изгнали, и она умерла от горя, моля, чтобы ее имя считалось чистым и чтобы всегда было изобилие молока, плодов и рыбы для ее почитания. Возможно, что все это этиологические мифы, объясняющие происхождение этих праздников по аналогии с похоронами, но более вероятно, поскольку Лугназад был праздником урожая, что они связаны с обычаем убиения представителя духа зерна. Праздник урожая стал поминовением всех таких жертв, но когда сама традиция прекратилась, осталась его связь с одним конкретным лицом — богиней зерна, которая считалась смертной.

Считалось, что соблюдение праздника порождает изобилие, несоблюдение — голод. Приносились жертвы, чтобы получить изобилие, и на празднике также чтили память тех, кого убивали по этой благой причине, и при этом умиротворяли их духов, которые, должно быть, были разгневаны из-за их насильственной смерти. Некоторые из мертвых таким образом чествовались в Лугназад, праздник плодородия. И дух зерна, или божество, убитое во время жатвы зерна, и человеческие жертвы умиротворялись благодаря его соблюдению. В легенде о Карман она описывается враждебной зерну, — любопытный случай для богини зерна. Но мы уже видели, что боги плодородия иногда выступали как порождающие упадок, и в народных поверьях дух зерна иног-

да считался опасным. Такие инверсии встречаются всюду, где религиозные представления подвергаются революционным преобразованиям.

Большое поминовение мертвых совершалось в канун праздника Самайн, задуманного с целью помочь умирающим силам растительности, чья жизнь, однако, все еще проявлялась в вечнозеленых кустарниках, в омеле, в снопе пшеницы последнего урожая — обители духа зерна. Возможно также, что убивали человеческих представителей растительности или духа зерна, и это, возможно, предполагало веру в присутствие их духов на этом празднике. Или праздник проводился во время умирания растительности, тогда естественным образом чествовались мертвые. Или, как в Скандинавии, они, возможно, проводились для того, чтобы повлиять на плодородие, — поскольку некоторые убитые люди представляли духов плодородия, а деревья и растения вырастали на могильных холмах, которые считались местами обитания их духов. В Скандинавии мертвые были связаны с женскими духами, или филгджур, отождествлявшимися с дисир, своего рода богинями земли, жившими в пустотах холмов. Ближайшей кельтской аналогией с ними являются Матери-богини, богини плодородия. Беде говорит, что Сочельник был назван Модранихт, «Ночь Матерей», а поскольку многие обряды Самайна были переданы Рождеству, прежней датой Модранихта был, возможно, Самайн, так же как скандинавский Дисаблот, празднуемый в ноябре, был праздником дисир и мертвых. Было замечено, что кельтский бог Земли был владыкой мертвых и что он, возможно, занял место богини или богинь Земли, которым, несомненно, соответствуют Матери-богини. Отсюда объяснима связь мертвых с женскими духами Земли. Связь Матери-Земли с мертвыми возникла прежде, чем ее место было занято кельтским Диспатером. Следовательно, временем увядания Земли был сезон, когда поминались мертвые, ее дети. Независимо от того, каковы были причины, кельты, тевтонцы и другие народы чествовали мертвых в начале зимы, которая была началом нового года, и подобный праздник мертвых в новый год отмечался и во многих других странах.

Как в Ирландии, так и в Бретани в канун ноября пищу оставляют для мертвых, которые приходят, чтобы посетить дом и погреться у огня в ночной тиши, а в Бретани в очаге жгут огромное бревно. Здесь мы вернулись к почитанию культа мертвых. Возможно, рождественское бревно было некогда бревном, сжигаемым в очаге — месте семейных духов — в Самайн. В очаг лили возлияния, которые затем предлагали мертвым. Сжигание рождественского бревна означало домашнее соблюдение ритуала огня. В кострах Самайна соблюдался общественный ритуал.

Но все эти ритуалы частично повлиял христианский праздник Всех Душ. Доктор Фрейзер считает, что праздник Всех Святых (1 ноября) был предназначен для того, чтобы занять место языческого культа мертвых. Поскольку этого не произошло, праздник Всех Душ стал праздноваться 2 ноября. В некоторой степени, но не совсем, это нейтрализовало языческие обряды, ибо древние идеи, связанные с Самайном, местами все еще сохранялись. Следует также отметить, что в некоторых случаях дружественный аспект мертвых терялся из виду, и, подобно народу сидхе, они обычно были связаны со злыми силами, которые находятся под влиянием кануна Самайна.

Глава II

ПРИМИТИВНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ ПРИРОДЕ

В древнем обществе человеческими свойствами наделялись явления природы, небесные тела, животные и растения, мифические существа, и им — Земле, Солнцу, Луне, Морю, Ветру и т. д. — поклонялись как людям, обладавшим качествами личности. Позже это привело к более полной персонификации, и божества Солнца или Земли стали восприниматься отдельно от самого Солнца или Земли. Таким образом развились некоторые кельтские божества, однако еще продолжалось почитание и природных объектов самих по себе, а также развился культ духов природы, или второстепенных божеств, которые населяли отдельные области природы. «Я не буду взывать к горам, источникам, или холмам, или рекам, которые теперь подвластны людям, а некогда были враждебны и разрушительны, и слепые люди оказывали им божеские почести», — восклицает Гилдас. Это были культы, которым поклонялся «слепой народ», и, несмотря на пришествие христианства, в религии сохранились отдельные языческие мотивы.

Святой Кентигерн упрекал уэльсцев за поклонение стихиям, которые Бог создал для использования человеком. Вопрос о дочерях Лозгайре также проливает много света на кельтское поклонение природе. «Есть ли у ваших сыновей или дочерей бог?.. Много ли воспитал он своих сыновей? Являются ли его дочери милыми и прекрасными для мужчин? Обитает ли он на небе или на земле, в море, в горах, в долинах?» Эти слова предполагают веру в божественных существ, заполняющих небо, землю, море, воздух, долины рек, холмы, озера и реки, и соот-

ветствуют человеческим нравам. Наивная вера, полная красоты и поэзии, даже если у нее были темные и мрачные аспекты! Эти силы или личности люди заклинали с незапамятных времен, но заклинания были вскоре стереотипизированы в определенные формулы. Такую формулу озвучил Амаргин, поэт милезианцев, когда те собирались вторгнуться в Ерин, и это, возможно, было магическое заклинание сил природы в начале свершений или во время опасности:

Я взываю к земле Ирландии!
 Сияющее, сияющее море!
 Плодородная, плодородная гора!
 Лесистая долина!
 Полноводная река, изобильная водами!
 Озеро, изобилующее рыбой!
 Море, изобилующее рыбой!
 Плодородная земля!
 Нашествие рыб! Рыба там!
 Птица под волной! Огромная рыба!
 Крабья нора! Нашествие рыб!
 Рыба, изобилующая в море!

Подобную же формулу произносили после разрушения Обителя Да Дерга Мак Кехтом при обнаружении воды. Он купался в ней и пел:

Холодный ключ! Поверхность берега...
 Море озера, вода Гары, течение реки;
 Высокий источник; холодный ключ!

Богиня Морриган после поражения фоморов взывает к силам природы и возвещает победу «царским горам Ирландии, ее верховным водам и речным устьям». Также было общепринято клясться стихиями — Небом, Землей, Солнцем, Огнем, Луной, Морем, Днем, Ночью и т. д., и они наказывали клятвопреступника. Даже боги требовали друг у друга такую клятву. Брес поклялся Солнцем, Луной, Морем и Землей, что выполнит наложенное на него Лугом обязательство. Эти формулы сохранились и в христианские времена, и верующим запрещалось взывать к богам Солнца и Луны или клясться ими, хотя в бретон-

ских народных обычаях все еще принято считать, что после нарушения клятв Солнцем, Луной или Землей следует наказание клятвопреступника Луной. Эти клятвы возникли в то время, когда сами стихии считались божественными, и подобные клятвы использовались греками и скандинавами.

В то время как более крупным объектам природы кельты поклонялись как таковым, они также населили землю духами — благосклонными или злыми — камней, холмов, долин, лесов, озер и потоков, и хотя были развиты более великие божества роста, они все еще верили в меньших духов растительности, зерна и плодородия, связанных, однако, с этими богами. Некоторые из них все еще сохранились в виде фей, замечаемых в лугах, лесистых местностях или потоках, или в виде демонических существ, часто посещающих пустынные места. И даже сейчас во французских народных поверьях Солнце, Луна, Ветер и т. д. рассматриваются как личности, наделенные человеческими свойствами. Солнце и Луна — это муж и жена; у Ветра есть жены; к ним обращаются по личным именам, почитают их. Некоторые духи, возможно, уже имели демонический аспект еще в языческие времена. Туата Деа вызывали как мейси — «призрачные тела, которые появляются из земли», против ирландцев, а на службе у них были злые эльфы — уртрохта, и «фигуры, привидения и великие властители», называемые гуидемайн (лжедемоны). Друиды также насылали вредных духов, называемых сиабра. В «Тайн» есть упоминания о боканахах, банаиахах и генити-глинни, «гоблинах, жутких существах, народе долины». Они дважды называются Туата Де Дананн, и это предполагает, что они были природными духами, родственными великим богам. Генити-глинни — это духи, часто посещающие долины рек и узкие горные долины. О них говорится как о дружественных Кухулину в «Тайн», но в «Празднике Брикриу» он и другие герои сражаются и уничтожают их. В современной ирландской религии они являются демонами воздуха, возможно падшими ангелами.

Многие из их божеств были, вероятно, как докельтскими, так и кельтскими, и это имеет свое основание, по-

тому что они были дороги самим кельтам. Кельты поддерживали местные культы, похожие на культы тех стран, откуда они прибыли. Такие культы столь же стары, как мир, и, когда христианство изгнало почитание великих и малых богов, древнее поклонение природе, получившее в наследство бессмертную юность, снова воскресло во всей своей силе. Проповедники, церковные соборы и законы поносили их. Старые обряды продолжали практиковаться или сохранялись под христианским покровом и окраской. Они обнаруживаются в бретонских деревнях, в долинах Нагорья, в уэльских и корнуоллских долинах, в ирландских городках, и только из-за распространения школьного образования, с его материализмом и лишенным воображения здравым смыслом, их постепенно перестают проводить.

Пожертвования, помещаемые на деревьях, камнях, источниках и перекрестках, возжигание там огня или свечей, клятвы и магические заклинания, которые обращены к ним, запрещаются так же, как почитание деревьев, рощ, камней, рек и источников. Солнце и Луна не должны называться владыками. Попали под запрет колдовство и предсказания, прыжки и танцы, песни и хоры язычников, то есть их оргиастические культы. Укротители бури не должны были заниматься своим дьявольским ремеслом. Эти осуждения, конечно, не прошли без последствий, и в одной легенде рассказывается, что слышно было, как духи природы сожалели о силе христианских святых, и их жалобные крики отзывались эхом на лесистых пустырях, обособленных долинах и на берегах озер и рек. Их власть, хотя и стала ограниченной, не была уничтожена, но тайна, под покровом которой продолжали осуществляться старые культы, придала им более мрачную окраску. Они отождествлялись с кознями дьявола, а духи язычества — с «темными» и ужасными демонами¹. В итоге это гонение

¹ Можно услышать и о более терпимом толковании, например, в ирландском тексте, в котором говорится, что духи, которые являлись от древних, были божественными священниками, а не демоническими, в то время как ангелы помогали древним, потому что те следовали природной истине.

на язычество завершилось средневековым преследованием ведьм, поскольку колдовство частично было старым магическим приемом в новом облике. Однако даже это не уничтожило суеверие, которое все еще живет и процветает среди народа, хотя настоящее поклонение духам природы теперь уже исчезло.

Возможно, самым важным объектом в природе для древних кельтов была Луна. Фазы Луны были замечены еще до того, как люди стали наблюдать солнцестояния и равноденствия, и они создали простой метод измерения времени. Кельтский год поначалу был лунным — Плиний говорит о кельтском методе подсчета начала месяцев и лет посредством Луны — и ночь, как предполагалось, предшествовала дню¹. Праздники роста начинались не с восхода солнца, а с предшествующего вечернего восхода Луны, и в некоторых частях Франции празднику дня летнего солнцестояния все еще дается название *La Lunade*. В Валлон-де-ла-Сюй лес на склоне, где проводился праздник, называется Буа-де-ла-Лун; а в Ирландии, где праздник начинается с предшествующего вечера, в районе, где производится восхождение *Снос Аине*, должно быть наблюдаемым положение Луны. Подобное сочетание культов Солнца и Луны обнаруживается в надписи в Лозанне: «Посвящается гению Солнца и Луны».

Возможно, праздники Солнца пришли на смену праздникам Луны. Следы связи Луны с сельским хозяйством встречаются в различных областях, эта связь была установлена через закон симпатетической магии, основанной на внушении. Поэтому рост и увядание Луны связывались со всеми процессами роста или увядания. Доктор Фрейзер привел много примеров этой веры и показал, что Луна имела в поклонении приоритет по сравнению

¹ Плиний говорит о собирании омелы в шестой день Луны, которая для них была началом месяцев и лет. По-видимому, от шестого, а не первого дня Луны и велось исчисление. Смысл в том, что омелу собирали в шестой день Луны и что Луна была тем объектом, по которому измерялись месяцы и годы. Метод подсчета по Луне отчасти сохранился в местном масштабе во Франции и часто используется в ирландской и валлийской литературе.

с Солнцем, например, в Египте и Вавилоне. Сев делали на растущую Луну так, чтобы через магический обряд внушения получить большой урожай. Но сбор урожая, рубка древесины и т. д. должны были делаться на убывающую Луну, потому что растущая Луна, как считали кельты, вызывает влажность, и необходимо было избегать рубить такие материалы, которые портятся в это время от влаги. Омелу и другие магические растения собирали на растущую Луну, вероятно, потому, что их сила была в таком случае больше. Доктор Джонсон отметил тот факт, что горцы сеяли семена на растущую Луну, ожидая лучший урожай. По подобным же оккультным причинам в Бретани считалось, что зачатие на растущую Луну приводит к рождению ребенка мужского пола, а на убывающую Луну — женского пола, в то время как роды на убывающую Луну опасны. Овец и коров следовало убивать в новолуние, иначе их плоть сморщится, но торф следовало резать в последнюю четверть Луны, иначе он будет влажным и будет давать «сильное задымление».

Эти поверья отсылают нас к тому времени, когда утверждалось, что Луна была не просто измерителем времени, но также оказывала мощное воздействие на процессы роста и увядания. Диана, богиня Луны, имела власть над всеми растущими объектами, поэтому некоторых кельтских богинь приравнивали к Диане, полагая, что они связаны с Луной, тем более что на галло-римских изображениях Дианы ее голова украшена полумесяцем Луны. В некоторых случаях праздники Луны остались нетронутыми, поскольку кельты и другие народы к северу от них во время полнолуния отмечали праздник безымянного бога, танцуя всю ночь перед дверями своих домов. Безымянным богом, возможно, была Луна, которой поклонялись во время ее самого интенсивного света. Танцы лунного света вокруг большого камня, с пением, в первый день года, происходили в Нагорье в XVIII веке. Следы этого культа заметны в манере кланяться или стричь волосы на новолуние, а также в обращении к Луне со словами торжественной речи или мольбы. В Ирландии Камден обнаружил традицию на новолуние произносить

«Отче наш» с добавлением слов: «Оставь нас целыми и здоровыми, какими Ты нас нашел». Подобные обычаи существуют в Бретани, где девочки просят Луну показать им сны о будущем муже. Подобно другим народам, кельты считали, что затмение порождало чудовище, нападающее на Луну, хотя его можно было отпугнуть криками и воплями. В 218 году до н. э. кельтские союзники Аттала были напуганы затмением, и намного более позднее христианское законодательство запретило людям собираться во время затмения и кричать: «Vince, Luna!» («Побеждай, Луна!») Такой обычай наблюдался в Ирландии в XVII веке. В более раннее время ирландские поэты обращались к Солнцу и Луне как божествам, и даже в христианское время они изображались на алтарях.

Хотя кельты верили в морские божества — Мананна-на, Моргена, Дилана, — тем не менее, и само море персонифицировалось и рассматривалось как божественное. Считалось, что оно — враждебное существо, и кельтские воины боролись с высокими приливами и отливами мечами и копьями, часто погибая в накатывающих водах, но не отступая. Древние считали это бравадой. М. Джуллиан видит в этом принесение жертвы посредством добровольного самоубийства, М. Д'Арбуа — спокойное ожидание смерти и вхождение в другую жизнь. Но в отрывках объясняется настоящий смысл этого нападения на волны — они живые существа и могут ужасать людей, хотя по природе своей они не смертельны для человека. Подобным образом французские рыбаки угрожают разрезать надвое туман ножом, так как в легенде о святом Лунайре говорится, как он бросил нож в туман, таким образом заставив его исчезнуть. Борьба с волнами упомянута также в ирландских текстах. Так, Туирбе Трагмар «швырнул свой топор в лицо прилива, тем самым воспрепятствовав морю подняться выше топора». Кухулин в одном из своих припадков гнева боролся с волнами в течение семи дней, и Фионн боролся и покорил Муйреартаху, персонификацию бурного западного моря. На французском побережье рыбаки бросают гарпуны в некоторые вредоносные волны, называемые Тремя Ведьминскими Волна-

ми, так «пуская им кровь» и заставляя их стихнуть. В некоторых случаях поднявшимся водам, возможно, прилагались человеческие жертвы, поскольку в некоторых историях говорится о ребенке, которого находят плавающим на волнах, и это, повторяясь каждые семь лет, сдерживало волны.

Море обладало также и благотворными свойствами. Берег был «местом откровения науки», и море сочувствовало человеческой печали. В сражении при Вентри «море болтало, сообщая о потерях, и волны поднимали тяжелый, горестный великий стон, оплакивая их». В других случаях в Ирландии посредством заклинания, налагаемого на волны, или путем интуитивного знания слушателя обнаруживалось, что они оплакивали смерть или описывали какое-то отдаленное событие. В красивой песне, которую пела жена Каэла, «волна с воем накатывает на берег из-за его смерти», а в уэльском мифе волны сожалели о смерти Дилана, «сына волны», и стремились отомстить за это. Шум волн, мчащихся в долину Конви, был его предсмертным стоном. В Ирландии рев моря считался пророчеством о смерти царя или о приходе важных новостей; и там некоторые великие волны были прославлены в истории — волны Клидны, Туайтхе и Рудрайдхе. Девять волн, или девятый вал, частично из-за священной природы числа «девять», частично из-за благотворного характера волн, имели большое значение. Они создавали барьер против вторжения, опасности или мора, или же они оказывали исцеляющее воздействие.

Ветер также считался живым существом, чьей силы должны были бояться. Он наказал царя Лоэгайре за нарушение клятвы. Но он был также персонификацией бога Винтиуса, который приравнивался к Поллуксу и которому поклонялись кельтские моряки, или к Марсу, богу войны, который в своем разрушительном аспекте, возможно, считался ближайшим аналогом богу неистовых ветров. Друиды и кельтские священнослужительницы претендовали на способность управлять ветрами, так же как маги и ведьмы в более поздние времена. Они делали это, согласно христианским авторам, при помо-

ши бесов, возможно, старых божеств воздуха. Епископ Агобард описывает, как укротители ветра подняли бури, которые уничтожили плоды земли и притянули «воздушные суда» из Магонии, куда суда везли эти плоды. Возможно, Магония — это верхний воздух, управляемый богом неба Магоуносом, или Могоуносом, приравняемым к Аполлону. Возможно, ветры были его слугами, управляемыми также земными магами. По словам еврейских поэтов, он, подобно Яхве, «приносит ветры из своих сокровищниц» и «создает молнии с дождем».

Глава 12

ПОКЛОНЕНИЕ РЕКАМ И ИСТОЧНИКАМ

Сохранившиеся на предметах материальной культуры надписи, записи об исполненных по обету пожертвованиях, а также свидетельства кельтской мифологии показывают значение культа вод и водных божеств. Г. Гомм доказывает, что кельтское поклонение воде пришло от докельтских аборигенов, но если это так, то кельты должны были обладать особой склонностью к соблюдению этого культа, — так вдохновенно они его соблюдали. Возможно, это происходило оттого, что кельты, уже поклонявшиеся водам, свободно принимали местные культы воды везде, куда они приходили. Некоторые реки или богини рек в кельтских регионах, по-видимому, имели докельтские имена.

В священное озеро вблизи Тулузы бросали сокровища, чтобы прекратились бедствия. Каэпион, который впоследствии выловил это сокровище, вскоре после этого пал в сражении, что было наказанием за алчность, и «*augur Tolosanum*» стало выражением, означающим нечестно приобретенные товары. У озера Геваудан ежегодно проводился праздник длительностью в три дня. Одежду, пищу и воск бросали в воду и приносили в жертву животных. Считается, что на четвертый день там никогда не бывает ливня, грома или молнии, — как награда за почитание озера¹. Святой Колумба обнаружил духов шотландского источника, которому поклонялись как богу, и теперь тот источник стал священным, возможно посвя-

¹ Возможно, праздник и проводился для того, чтобы породить дождь во время засухи.

щенным самому святому, который омылся в нем и благословил его, чтобы он исцелял от болезней.

Название реки фиксировалось каким-нибудь божественным эпитетом — *dea, augusta*, и верующий делал запись своей благодарности за пользу, полученную от божества или самой реки. Названия Борманус, Бормо, или Борво, Данувиус (Дунай) и Луксовий найдены на надписях в качестве имен реки или богов источника, но еще более многочисленны такие названия, как Ационна, Авентиа, Бормана, Бриксия, Карпундиа, Клутойда, Дивона, Сирона, Ура, — это имена нимф источников; а Икауна (Йонне), Матрона и Секуана (Сена) — это имена богинь реки. Однако ни одной надписи, посвященной богине озера, до сих пор не найдено. Некоторые личные имена, например Дуброгенос (сын Дуброна), Энигенус (сын Аэнуса) и вера Вирдумаруса в то, что одним из его предков был Рейн, указывают на то, что божества рек могли иметь любовные отношения со смертными и родить потомство, названное их именами. Таким образом в Ирландии Конхобар был назван по имени реки, откуда его мать Несса черпала воду, возможно, потому, что он был сыном бога реки.

Имя водного божества иногда давалось месту его культа или городам, которые возникали на берегах рек; божество, таким образом, становилось покровительствующим богом. Множество городов (например, Дивонн или Дионн и т. д.) имеют названия, произошедшие от распространенного кельтского названия реки Деуона («божественный»). Это имя в различных формах обнаружено во всем кельтском регионе, и мало сомнений в том, что кельты, в своем продвижении вперед, называли реку за рекой именем одного и того же божества, веря, что каждая новая река была частью его владений. Это название было, вероятно, сначала наименованием, затем личным именем, и, наконец, божественная река становилась божеством. Деус Немаусус встречается на исполненных по обету табличках в Нимесе. Имя Немаусус было именем яркой и изобильной весны, откуда текла река с тем же названием. Подобное название встречается и в других областях: Немеса, при-

ток Мозеля; Немх, исток Тары и прежнее название Черной реки; Нимис, испанская река, которую упоминает Аппиан. Другая группа включает Матрону (Марне), Модер, Маддер, Маронне и Маронну и другие названия, вероятно произошедшие от слова, означающего «мать». Мать-река была тем, что снабжало водой целый регион, так же как в индийских священных писаниях воды являются матерями, источниками плодородия. Кельтские реки-матери были, вероятно, богинями, родственными Матерям-богиням, дающим изобилие и плодородие. В Галлии богиня реки Сирана изображалась как Мать-богиня. Она была связана с Гранносом, возможно, как его мать, и профессор Рис приравнивает эту пару к уэльским Модрон и Мабону; или Модрон, вероятно, связан с именем «Матрона». В любом случае кельты рассматривали реки как дарующие жизнь, здоровье и изобилие и предлагали им богатые дары и жертвы.

Богов, подобных Гранносу, Борво и другим, приравнивали к Аполлону, который покровительствовал исцеляющим источникам, и обычно они связаны с богинями как их мужья или сыновья. Но поскольку богини более многочисленны и поскольку большинство кельтских названий рек женские, то женские божества рек и источников занимали первенствующее положение, тем более что их культ был связан с плодородием. Боги, менее многочисленные, все приравнивались к Аполлону, но богини не были слиты римлянами в личность одной богини, поскольку у них самих были свои группы богинь рек, нимф и наяд. Перед римским завоеванием культы божеств воды, дружественных к человеку, должно быть, имели наибольшее распространение в Галлии, и имена этих божеств могут насчитываться сотнями. Термальные источники также имели своих духов, и они были приспособлены римлянами так, чтобы исцелением занимались местные боги вместе с Аполлоном, Асклепием и нимфами. Таким образом, каждый источник, каждый ручей в лесистой местности, каждая река в горной долине, каждый ревущий поток или озеро ассоциировались с божественными существами, о которых думали, главным образом, как о пре-

красных женщинах, с которыми были несомненно связаны Матери-богини. Эти божества общались с душами верующих, и, когда язычество прошло, они остались как феи, часто посещающие источник или реку. Множество фей источников существует до сих пор, и благодаря им у средневековых рыцарей было много случаев сказочной любви с этими прекрасными феями, которых видели «небожественные», но романтические крестьяне.

Благодарные верующие устанавливали у этих источников святилища, в которых отмечались праздники, или же они становились местом отдыха для паломников. Как источники плодородия, они занимали почетное место в ритуале великих праздников, а священные источники люди посещали в день летнего солнцестояния, когда речные боги требовали человеческих жертв. В галло-римские времена богини изображались в виде статуй или бюстов, причем некоторые из них имели природу *ex votos*, то есть представлялись верующими по обетам в благодарность за исцеление. Верующие оставляли в святилищах деньги, золотые и серебряные слитки, слепки конечностей и других частей тела, которые нужно было исцелить. Грегори Турский говорил о галлах, что они «изображают из древесины или бронзы части тела, которые у них больны, исцеления которых они хотят, и помещают их в храм». Контакт такой модели с божеством приносит исцеление настоящим частям тела по принципу основанной на внушении симпатетической магии. Было обнаружено множество таких моделей. Так, в святилище Деа Секуана была найдена ваза с более чем сотней этих моделей; в другой содержалось более восьмисот. Надписи вырезались на мемориальных досках, которые прикреплялись к стенам храмов или помещались в источники. Свинцовые таблички с надписями помещали в источники те, кто хотел исцеления, или когда уровень вод был низким, причем часто обычные воды не отличали от божественных. Воду просили исцелить, течь или стать полноводнее — слова, которые скорее применимы к воде, чем к божеству, хотя таблички с их откровенным анимизмом также показывают, что существовало множество природных духов источ-

ников, из которых далеко не все дорастали до ранга богини. Все вместе они назывались Ниска, согласно более поздней традиции — Никси. Но некоторые имеют личные имена: Лерано, Дибона, Деа, что указывает на то, что они принадлежали отдельным божественным личностям. Встречаются также обращения к Пейсги, возможно, позже это Писки, если это слово не является искаженной формой кельтского «пейскос» (peiskos), или латинского «пискус» (piscus), «рыбы». Последнее маловероятно, поскольку рыба не могла жить в серном источнике, хотя кельты верили в священную рыбу источников или ручьев. Феи, которые теперь ассоциируются с источниками или с водным миром под ними, обычно являются безымянными и только в некоторых случаях имеют определенное имя. Они, подобно старым духам источников, имеют обычно благотворный характер. Так, в источниках Логрес обитают девицы, которые кормят путников мясом и хлебом, если те не совершили тяжкого греха. Иногда, однако, духи источников имеют более злобный характер.

Дух вод часто воплощался в животном, обычно в рыбе. Даже теперь в Бретани верят, что волшебный обитатель источника имеет форму угря, в то время как в XVII веке в источниках Нагорья содержалась рыба столь священная, что никто не смел ловить ее. В уэльском источнике святого Сиби обитал огромный угорь, в чью добродетель верили сельские жители, и всех охватил ужас, когда кто-то посмел вытащить его из воды. Две священные рыбы обитали в чудотворном источнике в Нант-Пери, и, когда они умирали, их заменяли другими, а мертвых рыб хоронили¹. Это последнее действие, совершаемое торжественным образом, являлось истинным признаком божественного, или священного, характера животного. Много источников со священной рыбой было в Ирландии, и обычно рыба имела какое-нибудь сверхъестественное качество: либо они никогда не изменялись в размере, либо становились невидимыми или принимали форму красивых женщин.

¹ Если рыба появлялась, когда больной пил из источника, это было хорошим предзнаменованием.

Убийство такой рыбы рассматривалось как кощунство, и иногда враждебное племя убивало и съедало священную рыбу захваченного ими региона, точно так же как египтяне одного нома оскорбляли представителей другого нома, убивая их священных животных. По древним ирландским верованиям, лосось был рыбой познания. Таким образом, тот, кто съедал лосося из источника Коннлы, наделялся даром мудрости, которая приходила к нему через съедание орехов с орешников познания вокруг источника. В этом случае священная рыба съедалась, возможно, только некоторыми людьми, теми, кто имел на это право. Синенд, который отправился искать вдохновение из источника, вероятно съев одного из лососей, был погублен его водами. Легенда о лососе, видимо, основана на древних ритуальных практиках поедания божественного животного. В других случаях легенды о чудесном блюде из рыбы из священного источника, возможно, произошли от более поздних христианских верований, основанных на языческих традициях или обычаях, связанных с магическими методами умножения священных или тотемических животных, подобных тем, которые применяются в Центральной Австралии и Новой Гвинее. Иногда священным животным является лягушка, и это напоминает сказки о Женихе Лягушки, живущей в источнике, который настаивал на женитьбе на девушке, которая притянула его воды. Хотя эта история не характерна для кельтов, вполне возможно, что божественное животное, являющееся хранителем источника, стало героем народной сказки, тем более что такие источники иногда были запретными для женщин. Муха была духом-хранителем источника святого Михаила в Банффшире. Предзнаменования насчет здоровья узнавали по ее движениям, и считалось, что, когда муха старела, она переселялась в другую.

Такие верования не были чисто кельтскими. Они обнаруживаются во всем европейском фольклоре, и они все еще живут среди дикарей: определенное животное само является божественным или персонификацией божества. Огромному священному угрю поклонялись фиджийцы; в Северной Америке и в других местах были змеи, храни-

тели вод; а семиты поклонялись рыбе священных источников как воплощениям или символам бога.

Позже кельтское народное поверье связывало с реками и озерами чудовищные и злобные существа. Они могли быть старшими божествами по отношению к тем, кому была дана демоническая форма, но даже в языческие времена такие чудовищные существа, возможно, были пережитками более примитивных чудовищ, хранителей вод. Последними были драконы, или змеи, традиционные формы рептилий, которые некогда обитали в водных местах, нападая на всех, кто подходил к воде. Это старое поверье, сохранившееся в ирландской религии и религии Нагорья, ибо фианы победили огромных драконов, или змей, в озерах, или же святые приковали их ко дну водоемов. Отсюда распространенный топоним Лох на пиаст (Loch na piast) («Озеро Чудовища»). В других историях эти чудовища появляются и пожирают нечестивых или мертвецов¹. На них похожи драконы французских суеверий — речные чудовища, которые принимают человеческий облик и утаскивают своих жертв в глубины, где и пожирают их.

До сих пор люди боятся Эах Уизге, или Водяного коня, — чудовище с широко раскрытыми глазами, перепончатыми ногами и слизистой шкурой. Оно принимает различные формы и убивает неосторожно приблизившихся или занимается любовью в человеческом облике с женщинами, причем некоторые из них обнаруживают его истинную природу, заметив кусок водоросли в его волосах, и убегают от него с большим трудом. Этот Водяной конь был вынужден перетащить колесницу святого Фехина из Форе и под его влиянием стал «более кротким, чем какой-либо другой конь». Множество озер Нагорья до сих пор часто посещает ужасное существо, известное также в Ирландии и Франции, где оно, однако, имеет более хитрую и менее демоническую природу. Его лошадиная фор-

¹ Когда святой Патрик очистил Ирландию от змей, он имел дело с самыми худшими экземплярами. Святой Колумба усмирил чудовище Несс, которое пугало обитателей.

ма, возможно, связана с подобной формой, приписываемым кельтским божествам воды. Лошадьми Мананна были волны, и он был неизменно связан с лошадью. Эпона, богиня лошади, возможно, первоначально была богиней весны и, подобно Матерям-богиням, иногда ассоциировалась с водами. Лошадей также жертвовали божествам рек. Но предания о благотворных божествах воды в форме лошади подверглись искаженному осмыслению, возможно в результате более позднего христианского влияния. Название одной ветви фоморов, гоборхинн, означает «лошадеголовые», и одним из их царей был Эохайд Эххенн, «лошадиная голова». Остается неясным, имеют ли они какую-либо связь с Водяным конем.

Пенящиеся воды, возможно, предполагали другую персонификацию, поскольку имя Бойн у Птолемея получено от примитивного «боу-с» («бык») и «виндо-с» («белый»), в ирландском «бо финд» («белая корова»). Но неясно, это или кельтский культ быка был связан с верой в Тарбх Уизге, или Водяного быка, у которого не было ушей и который мог принимать другие формы. Он обитал в озерах и обычно был дружелюбным к человеку, иногда появляясь, чтобы спариться с обычными коровами. Однако на острове Мэн Тарроо Уштей порождает монстров. Эти кельтские водяные чудовища имеют любопытную схожесть с австралийским Бунйпом.

Урузг, которого часто путают с домовым, посещает пустынные места и водопады и в зависимости от своего настроения помогает или вредит страннику. По внешнему виду это человек с косматыми волосами и бородой. В Уэльсе афанк является водяным чудовищем, хотя это слово поначалу означало «карлик», а затем — «водяной карлик», которого было множество видов. Они соответствуют ирландским водяным карликам, лухорпайнам, произошедшим вместе с фоморами и гоборхиннами от Хама.

В других случаях старые водяные существа имеют более приятную форму, подобно сиренам и другим волшебницам, которые часто посещают французские реки, или русалкам ирландских дельт. В кельтской Франции и Британии озерные феи связаны с водным миром, как в исто-

риях об Элизиуме — с областью древних божеств. Иногда водные божества объединяются со смертными, которые, как, например, в историях о Деве-лебедь, теряют своих волшебных невест из-за нарушения табу. Во многих уэльских историях невесту обретают, бросая в воду хлеб и сыр, когда она появляется со стариком, который имеет всю силу юноши. Он представляет смертному свою дочь и множество волшебных животных. Когда она исчезает в воде после того, как нарушается табу, озеро иногда иссушают, чтобы вернуть ее; затем появляется отец и угрожает затопить весь район. Отец и дочь — это древние божества озера, а в хлебе и сыре мы можем увидеть пережитки пожертвований им.

Человеческие жертвы водным божествам объясняются верой в то, что водяные чудовища пожирают людей, и той традицией, что река каждый год требует плату в виде жертв. В народных стихах намекается на ежегодный характер жертв, а в уэльской легенде говорится о голосе, который один раз в год слышится из реки или озера. Он кричит: «Пробил час, а человека нет». Здесь есть след ушедшей традиции жертвоприношений и гнева божества, которым пренебрегли. Такие духи, или боги, подобные водяным чудовищам, были всегда готовы схватить того, кто зашел в их владения. В некоторых случаях предполагается, что жертва требуется в канун дня летнего солнцестояния, время жертв в языческий период. Духи источников также обладали вредоносным характером, по крайней мере для тех, кто проявил непочтительность, приближаясь к ним. Это заметно в легендах, рассказывающих об опасности, если неосторожно посмотреть на источник, или не закрыть его, или после посещения источника оглянуться назад. Духи источников также могли нанести вред врагам.

Легенды говорят об опасности устранения или перемещения источника на другое место, или нарушения древнего табу, когда женщина помыла в нем руки. Боанд отправилась к волшебному источнику, который только ее муж и его чашеносители могли посещать, и, когда она выказала свое презрение к этому, воды восстали и уни-

чтожили ее. Теперь они текут как река Бойне. Синенд встретила подобную судьбу за то, что без разрешения вторглась в источник Коннлы; в этом случае преследовавшие ее воды стали рекой Шаннон. Это — варианты предания, которое можно было бы использовать для того, чтобы объяснить происхождение любой реки, но эти легенды говорят и о другом — о том, что некоторые источники были табу для женщин, потому что некоторые знания, связанные с источником, должны были сохраняться только для мужчин. Легенды говорили: «Смотри, чтобы то, что исходит от женщин, не выходило за пределы их круга». «Мистерии» дикарей обычно являются табу для женщин и исключаются мужчинами из их священных обрядов. С другой стороны, поскольку все племенные знания были некогда в руках мудрой женщины, такие табу и легенды, возможно, возникли в то время, когда мужчины начали претендовать на такие знания. В других легендах женщины связаны с источниками как хранительницы, которые должны хранить их закрытыми, кроме тех случаев, когда брали воду. Когда женщина забывала снять крышку, воды прорывались, уничтожая ее, и образовывали озеро¹. Женщина — это священнослужительница источника, которая в случае пренебрежения частью своего ритуала наказывается. Даже в наше время мы находим священные источники, за которые отвечают женщины, наставляя посетителей, как исполнить должный ритуал. Если такие легенды указывают на первых кельтских священнослужительниц источников, то им аналогичны норвежские Хоргабрудар, хранители источников, ныне эльфы, живущие в водах. То, что такие легенды основаны на ритуале поклонения источнику, ясно из того, что Боанд должна была делать трехкратный обход вокруг ис-

¹ Воды часто затопляли город, который теперь виден под волнами. Например, город Ис в Арморике, или башни под озером Лох-Неаг. В некоторых уэльских примерах виновником этого является мужчина. В случае с озером Лох-Неаг хранителем источника была Либан, которая жила в водах как русалка. Позже она была поймана и получила крестное имя Муиргенн, «рожденная морем». Здесь миф о водной богине, которая была крещеной, присоединен к легенде о небрежном хранителе источника, с кем ее отождествляют.

точника против часовой стрелки, вместо обычного обхода по часовой стрелке. Должен был соблюдаться надлежащий ритуал, и подобные истории являются предупреждением против пренебрежения им.

Несмотря на двадцать столетий христианства и анафемы святых и церковных соборов, старые языческие практики использования исцеляющих источников сохранились — поразительный пример человеческого консерватизма. Святой Патрик нашел в его время язычников, поклоняющихся источнику, называемому Слан («целебный») и приносящих ему жертвы, и ирландские крестьяне и сегодня не сомневаются в том, что есть нечто божественное в его чудотворных источниках. Кельты принесли с собой веру в божественность ручьев и источников, но, естественно, принимали местные культы всюду, где их находили. Впоследствии церковь поместила старые языческие источники под защиту святых, но часть ритуала осталась неизменной. Поэтому многим источникам различные народы поклоняются уже целую вечность, несмотря на изменения в религии и политике. Так, в термальных источниках Викарелло были обнаружены жертвоприношения, которые показывают, что их культ восходит к каменному веку, был в бронзовом веке и дошел до дней древнеримской цивилизации, а также до нашего времени; кроме того, это отнюдь не единичный случай. Но это свидетельствует о том, что все народы, высокоразвитые и менее развитые, сохраняли великие основы первобытной религии природы. По всей вероятности, поклонение исцеляющим источникам также осталось по большей части неизменным, и везде, где оно обнаруживается, оно следует одному и тому же образу. Больной обходил источник три раза по часовой стрелке, стараясь не произнести ни слова. Затем он становился на колени в источнике и молил божество об исцелении. В наше время просят святого, но иногда и сам источник. Затем он пил воду, купался в ней или омыл части своего тела или раны, возможно, ему прислуживала священнослужительница источника. Оплатив ее услуги, он приносил жертву божеству источника и привязывал какую-нибудь ленточку или часть одежды к дереву поблизости, чтобы через это он мог находиться в непрерыв-

ной связи целительным влиянием. Вероятно, эти деяния сопровождалась ритуальными формулами, но в других случаях слова не произносились; и больной не должен был оглядываться назад, покидая источник. Особые дни, Белтайна, дня летнего солнцестояния или 1 августа, были благоприятны для таких посещений, и там, где больной был слишком болен, чтобы добраться до источника, другой человек мог совершить ритуал за него.

Тряпица или одежда, которую вешали на дереве, по-видимому, была предназначена для того, чтобы соединить дух дерева с духом источника. Но иногда одежду бросали в источник, так же как галльские сельские жители в День святого Грегори бросали пожертвования из ткани и шерсти в священное озеро. Такая тряпица даже в наше время рассматривается как жертвование. Таким образом, в ритуале поклонения источнику, вероятно, всегда был жертвенный аспект, но, поскольку магия и религия постоянно взаимодействуют, имелся также и магический аспект. Тряпица, некогда соприкасавшаяся с больным, передавала его болезнь дереву, и через нее целительные свойства передавались больному.

Пожертвование, бросаемое в источник — булавка, монета и т. д., — возможно, имело и второй аспект. Рану часто укалывали или протирали булавкой, как будто чтобы передать болезнь источнику, и если ею укалывался другой человек, то болезнь могла перейти на него. То же самое было верно и для монеты. Но другие примеры показывают жертвенную природу булавки или другого мелкого предмета, который, возможно, являлся символом или пережитком более ценного жертвования. В некоторых случаях считается, что тот, кто не оставляет это в источнике, из которого пил, умрет от жажды, а там, где предлагается монета, часто в противном случае предполагается исчезновение, захваченность духом источника. Монета явно имеет природу жертвования, и иногда она должна быть золотой или серебряной, причем о древности этого обычая на кельтской земле свидетельствуют монеты, сияющие в водах Клитумнуса, и «золото Тулузы», скрытое в священных резервуарах. Также есть старое и

широко распространенное верование, что вся вода принадлежит некоему божественному или чудовищному хранителю, который не поделится ни с кем водой. Во многих случаях два обряда — с тряпичей и булавкой — не используются вместе, и это показывает, что первоначально они имели одну и ту же цель — магическую или жертвенную или, возможно, одновременно обе. Приносились также другие жертвы — животных, пищи или по обету. Последнее встречается даже в наше время, например, в источнике святого Тенью в Глазго, где даже в XVIII веке из олова вырезали изображение больного, вешали на дерево или погружали в источник святого Винифреда в Уэльсе, где остались специальные опоры.

Некоторые воды обладали способностью изгонять злых духов беснования. Помимо питья воды, больного бросали в воды. Такой шок должен был изгнать злого духа, как в других местах бесов изгоняли бичеванием. Божество вод помогало процессу, и обычно ему делалось пожертвование. В других случаях предполагалось, что священные воды защищают от болезни целый регион. Или же они обладают способностью даровать плодородие. Женщины совершали паломничество к источникам, пили, купались в водах, умоляли духа или святого дать им потомство и делали должное пожертвование. Дух или святой посредством своей силы порождал плодovitость, и эта идея естественно согласуется с общепризнанной способностью воды очищать, укреплять силы и исцелять. Женщины пили из источника, или омывались в водах, или носили какие-нибудь предметы, омытые в водах, чтобы это дало легкие роды или изобилие молока.

По водам делались предсказания — по способу течения, количеству воды в источнике, появлению или отсутствию пузырьков в воде, когда в них бросали пожертвования, по погружению или плаванию различных предметов. Воду спрашивали о здоровье и дальнейшей судьбе, девушки гадали, будут ли их возлюбленные верны им. Обращались также к рекам или речным божествам. В случаях подозрений насчет верности кельты, обитавшие на Рейне, клали на воду недавно рожденного ребенка на щите. Если он плыл,

то мать была невинна; если он тонул, ему давали утонуть, а ее предавали смерти. Девушек, чья чистота подвергалась сомнению, испытывали подобным образом, и святой Григори Турский сообщает о том, как одну женщину, обвиняемую в прелюбодеянии, оправдали, бросив в Саону.

Испытание ведьмы водой в Средневековье связано с этим обычаем, что, однако, было широко распространено.

Дурной аспект духа источника заметен в «проклинающих источниках». Считалось, что, если бросить в него какой-нибудь предмет с написанным на нем именем врага, сопроводив это проклятием, то дух источника приведет его к смерти. В некоторых случаях проклятие было написано на свинцовой табличке, брошенной в воду, так же как в других случаях на ней была выгравирована молитва о благах для просящего. Или опять же предметы, над которыми произносилось заклятие, помещали в источник, из которого жертва брала воду, из-за чего она могла понести ущерб. Превосходным примером проклинающего источника является источник Финнон-Элиан в Денбиге, у которого некогда, должно быть, была священнослужительница-хранитель, поскольку в 1815 году некая старуха руководила там церемониями. Она писала имя жертвы в книге, получая в то же время дар. В источник от имени жертвы погружали булавку, и из-за этого знания его имени дух источника оказывал на него вредоносное влияние. Очевидно, обряды, подобные этим, в которых смешаны магия и религия, не чисто кельтские, но интересно обратить внимание на их существование в кельтских странах и у кельтского народа.

Глава 13

ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ И РАСТЕНИЯМ

У кельтов был свой собственный культ деревьев, но они приняли и местные культы — лигурийский, иберийский и другие. *Fagus Deus* (божественный бук), *Sex Arboг*, или *Sex Arboges*, на пиренейских надписях, и безымянный бог, изготовленный из хвойного дерева на алтаре в Тулузе, возможно, указывают на местные лигурийские культы дерева, принятые кельтами в римские времена. Леса часто управлялись отдельной богиней, подобной *Dea Arduinna* Арденнского леса и *Dea Abnoba* Черного леса. Но, как правило, лесу предназначался целый класс божеств деревьев, например *Fatx Dervones*, духи дубрав Северной Италии. Скопления деревьев, подобные *Sex Arboges*, почитались, возможно, за их высоту, уединенность или некоторые другие особенности.

Кельты устраивали свои священные места в темных рощах, деревья увешивали пожертвованиями или головами жертв. Человеческие жертвы вешали или накалывали на деревья (например, так практиковали воины боудикки), потому что деревья были обителью духов или божеств, которые во многих случаях имели власть над растительностью.

Плиний говорил о кельтах: «Для них нет ничего более священного, чем омела и дерево, на котором она растет. Но кроме этого, они выбирают дубравы в качестве своих священных рощ и не выполняют ни одного священного обряда без использования дубовой ветви»¹.

¹ Комментатор Лукана говорит, что друиды пророчествовали при помощи желудей.

Максим Тирский также говорил о кельтском (германском?) изображении Зевса как высокого дуба, а в древнеирландском глоссарии приводится слово «daug» («дуб»), как древнеирландское имя для обозначения бога, и переводится как «dia» («бог»). Священный костер, возможно, получали посредством трения дубовой древесины, и именно из-за древней святости дуба кусок его древесины до сих пор еще используется как талисман в Бретани. Другие арийские народы, кроме кельтов, считали дуб символом высшего бога, Солнца или Неба, но, вероятно, это не было его древнейшим значением. Дубовые леса некогда были более обширны в Европе, чем теперь, а древняя традиция, согласно которой некогда люди ели желуди, оказывается хорошо обоснованной свидетельствами археологических находок, например, в Северной Италии. Люди, живущие в области дубрав и употреблявшие желуди в пищу, могли легко принять дуб в качестве представителя духа растительности или роста. Дуб долговечен, его листва была защитой, он давал пищу, его древесина использовалась в качестве топлива, и поэтому он явно был другом человека. По этим причинам и потому, что дуб был наиболее выносливым и живучим существом из всех, каких люди знали, он стал воплощением духов жизни и роста. Фольклорные предания показывают, что дух растительности в форме своего представителя ежегодно был убиваем, хотя в то же время был полон энергии, и его жизнь могла бы приносить пользу всем и передаваться неуменьшенной его преемнику. Поэтому дуб или человек, представляющий дух растительности, или оба вместе, сжигались в кострах в день летнего солнцестояния. Каким образом в таком случае дуб стал символизировать бога, приравняемого к Зевсу? Возможно, это произошло потому, что Зевс обладал сельскохозяйственными функциями, и более ранний дух растительности стал божеством с функциями, похожими на функции Зевса. Костры разжигали, чтобы поддержать жизнь Солнца; они питались из дубравы, и в них сжигали дуб или человеческую жертву, символизирующие дух, воплощенный в дубе. Возможно, считалось, что Солнце

подпитывается кострами, которые жгли среди священных дубов; таким образом, это было «первоначальное хранилище или резервуар огня, который время от времени вытягивался, чтобы накормить Солнце». Дуб стал символом яркого бога, соединенного также с ростом. Но, судя по народным верованиям, старое представление все еще оставалось могущественным, а дерево или человеческая жертва влияли на благо всего растительного роста и на жизнь.

Доктор Эванс считает, что «первоначальным святым объектом в центральных дольменах Стоунхенджа было священное дерево», а именно дуб, являющийся олицетворением кельтского Зевса. Дерево и камни, когда-то связанные с почитанием предков, стали символами «скорее небесного Духа или Духов, чем душ умерших людей». Но теперь доказано, что Стоунхендж уже существовал до прихода кельтов, следовательно, такой культ был докельтским, хотя он вполне мог быть принят кельтами. Практиковался ли этот гипотетический культ племенем, группой племен или целым народом, остается неясным, и можно вполне сомневаться, был ли Стоунхендж когда-либо чем-то большим, чем сценой для культовых обрядов предков.

Другие деревья — тис, кипарис, ольха и ясень — также были объектами поклонения, судя по тому, что Лукан говорил о священных рощах в Марселе. Ирландские друиды приписывали особые качества орешнику, рябине и тису, древесина которых использовалась в магических церемониях, описанных в ирландских текстах. Костры из рябины зажигали друиды враждебных армий и произносили над ними заклинания, чтобы нанести поражение противостоящему воинству, и древесина всех этих деревьев до сих пор считается эффективным средством против фей и ведьм.

Ирландское священное дерево — биле — было очень старым по возрасту, растущим над чудотворным источником или крепостью. Пять таких биле описаны в «Диндсенхасе», и одним был дуб, который давал не только желуди, но орехи и яблоки. Мифические деревья Элизиума давали те же

разнообразные плоды, и причиной этого в обоих случаях, возможно, является тот факт, что, когда выращенное яблоко занимало место желудей и орехов как основной элемент пищи, слова, относящиеся к «ореху» или «желудю», передавались яблоку. Затем легко мог возникнуть миф о деревьях, на которых росли все эти плоды. Другим ирландским биле был тис, описанный в поэме как «крепкий сильный бог», в то время как такие фразы в этой поэме, как «словесно чистый человек», «суждение источника», «заклинание познания», могут иметь отношение к обычаю написания предсказаний огамическим письмом на тисовом прутике. Еще одним биле был ясень, отсюда название Фир Биль («люди деревьев») — возможно, это был тотемный клан. Жизнь королей и вождей, по-видимому, была связана с этими деревьями, вероятно, как с представителями духа растительности, воплощенного в дереве, и под их тенью они проходили инаугурацию. Но поскольку заместителя вождя убивали, то, несомненно, эти выдающиеся деревья были слишком священными, слишком обильно наделяемыми сверхъестественной силой, чтобы можно было их рубить и сжигать, и этот ежегодный ритуал совершали с другим деревом. Но во время вражды одно племя гордилось уничтожением биле другого; и даже в X веке, когда биле майгхе Адайр было уничтожено Мэлоохленом, этот поступок вызвал настоящий ужас. «Но, о читатель, это дело не прошло безнаказанным». О другом биле, биле Боррисокане, говорится, что любой дом, в котором был сожжен его кусочек, будет сам уничтожен огнем.

Племенные и личные имена указывают на веру в происхождение богов или духов деревьев и, возможно, в тотемизм. Эбуроны были племенем дерева тис (eburos); битуриги, возможно, имели в качестве символа омелу, а их прозвище вивиски подразумевает, что они были названы «людьми омелы». Если биле (дерево) связано с именем Биль, предка милезианцев, то это может указывать на некоторый миф о происхождении от священного дерева, как в случае с Фир Биль. Другие имена, например Гуидген (Видуогенос, «сын дерева»), Дерген (Дервогенос, «сын дуба»), Гуэрнген (Верногенос, «сын ольхи»), под-

разумевают происхождение от дерева. Хотя эти имена стали традиционными, они выражают то, во что некогда верили. Обнаруживаются также имена, идентичные названию дерева: Эбурос, или Эбур («тис»), Деруа, или Деруакус («дуб») и т. д.

Почитание деревьев, растущих возле могильных холмов или мегалитических памятников, было, вероятно, докельтским культом, продолженным кельтами. Дерево воплощало в себе дух похороненного под ним человека, но такой дух мог затем с трудом дифференцироваться от духа дерева или божества. Даже теперь в кельтских районах существует особенное почитание деревьев, растущих на кладбищах. Опасно срубить дерево или срывать с него лист или ветку. На бретонских церковных кладбищах тис, как считается, простирает свой корень до уст каждого трупа. История могилы дочери кельтского короля Кипериссы в районе реки Дуная, от имени которой и произошло выражение «жалобный кипарис», связана с распространенными легендами о деревьях, растущих из могил возлюбленных до тех пор, пока не сплетутся их ветви. Они воплощают веру в то, что дух мертвых находится в дереве, которое было, таким образом, по всей вероятности, объектом культа. Примеры таких легенд встречаются и в кельтской истории. Колы из тиса, вбитые в тела Найси и Дейрдре, чтобы сохранить их в отдельности, выросли в деревья тиса, вершины которых охватывали Собор Армы. Тис рос из могилы Байле Мак Буайна, а яблоня — из могилы его возлюбленной Айлинн, и вершина каждого дерева имела форму их голов. Отождествление дерева и духа мертвых здесь полное.

Бузину, рябину и терновник до сих пор сажают вокруг домов, чтобы не подпускать близко ведьм, или веточки рябины вешают над дверными проемами — пережиток того времени, когда считалось, что в них обитает благотворный дух, враждебный к дурным влияниям. В Ирландии и на острове Мэн терновник считается прибежищем фей, и они, подобно феям лесистой местности или «лесным людям», являются, возможно, представителями старых духов деревьев и богов рощ и лесов.

Поклонение деревьям было укоренено в древнейшем почитании природы, и церкви было крайне трудно подавить его. Соборы осудили культ деревьев, жертвоприношения им, помещение перед ними и перед источниками или камнями огней, а также веру в то, что некоторые деревья были слишком священными, чтобы их можно было срубить или сжечь. Тяжелые штрафы были наложены против тех, кто совершал эти обряды, однако они продолжают до сих пор. Например, епископ из Оксера Амадор пытался препятствовать почитанию большого грушевого дерева, стоявшего в центре города, на котором его полухристианизированные жители очень грубо вешали головы животных. Наконец святой Герман уничтожил его, но с риском для жизни. Святому Мартину из Тура позволили разрушить храм, но не дали уничтожить стоявшую возле него высокопочитаемую сосну. Это — превосходный пример того, как большая часть официального язычества пала перед христианством, в то время как более древняя религия земли, из которой она выросла, полностью не могла быть уничтожена. Церковь часто шла на компромисс. Изображения богов прикрепляли к деревьям, их заменяли на изображения Девы, но это имело любопытные результаты. Возникали легенды, рассказывавшие о том, как верующий был приведен к дереву, и там ему открылся образ Мадонны, чудесным образом находившийся среди ветвей¹. Это аналогично легендам об обнаружении изображений Девы в земле, тогда как это были изображения Матерей-богинь.

Изображения священных деревьев иногда встречаются на монетах, алтарях и votivных предметах. Если верна интерпретация, которая усматривает на алтарях в Париже и Треве воспроизведение части легенды о Кухулине, то показанные там деревья не обязательно были священными. Но в других случаях могут изображаться священные деревья.

¹ История о прекрасной женщине, которая обнаруживается в деревьях, может быть связана с традицией помещения в них изображений или с верой в то, что богиню можно увидеть появляющейся из дерева, в котором она жила.

Теперь обратимся к описанию Плинием обряда с омелой. Друиды не называли ничего более священного, чем это растение и то дерево, на котором оно росло (возможно, это дуб). Вырастали целые рощи с омелой, ветви дуба использовались во всех религиозных обрядах. Все, что росло на дубе, считалось посланным с неба, и наличие на нем омелы показывало, что бог выбрал это дерево для своего покровительства. Обнаружение омелы, достаточно редкое, было особым ритуалом. В шестой день Луны омелу собирали. Приготовления к жертвоприношению и празднику делались под деревом, и туда приводили двух белых быков, рога которых никогда не были связаны. Друид, облаченный в белое, влезал на дерево и срезал омелу золотым серпом. Когда она падала, ее ловили в белую ткань; затем приносили в жертву быков и произносили молитву о том, чтобы бог дал им дар процветания. Омела называлась «универсальным целителем», а сделанная из нее микстура делала бесплодных животных плодовитыми. Это было также средство против всех ядов. Едва ли мы можем считать, что такой сложный ритуал был просто приготовлением для медико-магического использования омелы. Возможно, этот обряд был пережитком чего-то более важного, однако Плиний дает только некоторые живописные детали обряда и оставляет без внимания объяснение ритуала. Он не сообщает нам, что бог, о котором он говорит, был, возможно, богом Солнца или богом растительности. Что касается «дара», то, вероятно, подразумевался дар роста в поле и стаде. Возможно, дерево срубали и сжигали, а быки были воплощениями растительности, как и дерево. По-видимому, этот обряд имел место во время празднования дня летнего солнцестояния, праздника роста и плодородия. До сих пор омелу собирают в канун этого дня и используют в качестве противоядия от ядов или для исцеления ран. Ее друидское название все еще сохраняется в кельтской речи в словах, означающих «всецелитель», в то время как она также называется «sugh an daraich», «сок дуба», и «Druidh lus», «сорняк друида».

Плиний описывает и другие травы, пользующиеся благосклонностью кельтов. *Selago* собирали без использования железа после жертвования хлеба и вина духу расте-

ния. Человек, собирающий *selago*, носил белую мантию и после омыwania ног ходил босиком. Согласно друидам, это растение предохраняло человека от несчастного случая, а его дым при сжигании излечивал от глазных болезней. *Samolus* клали в питьевые корыта как средство против болезней у скота. Его собирал постящийся человек, причем левой рукой; его нужно было вырывать с корнем, и собиратель не должен был оглядываться назад. Вербену собирали на восходе Солнца после искупительной жертвы Земле, возможно, потому, что при выкапывании растения нарушалась поверхность почвы. При натирании вербеной тела исполнялись все желания; она отгоняла разные болезни и лихорадку; она была противоядием от яда змей; и она примиряла сердца. Ветка высушенной травы использовалась для украшения пира, что делало гостей более дружелюбными.

Ритуал, используемый при сборе этих растений, — молчание, чистота, различные табу, жертвоприношения — обнаруживается всюду, где собирали растения, достоинство которых в том, что в них заключен дух. Другие растения все еще используются как амулеты современными кельтскими крестьянами, и в некоторых случаях ритуал их сбора похож на тот, который описан Плинием. В ирландских сагах растения обладают магическими силами. «Волшебные травы» кладут в ванны, чтобы они восстановили красоту купающихся в них женщин. В «Тайн» раны Кухулина зажили с помощью «бальзамов и исцеляющих трав волшебной силы», а Диан Кехт использовал подобные травы, чтобы оживить погибшего в сражении при Маг Туиред.

Глава 14

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИВОТНЫМ

Частота совершения ритуалов поклонения животным, чистых и простых, постепенно шла на спад среди кельтов исторических времен, и теперь животные считались главным образом символами или атрибутами божеств. Древний культ был связан с пастушеской стадией, когда животные считались божественными, или с сельскохозяйственной стадией, на которой они символизировали дух зерна, и, возможно, с тотемизмом. Мы исследуем здесь 1) следы древних культов животных; 2) превращение богов животных в символы и 3) следы тотемизма.

1

Присутствие быка с тремя журавлями (Тарвос Тригранос) на алтаре в Париже, наряду с богами Езусом, Юпитером и Вулканом, предполагает, что это было божественное животное, или персонаж божественного мифа. Как было замечено, этот бык может быть быком из «Тайн Бо Куальнге». И он, и его противник были реинкарнациями свинопасов двух богов. В ирландских сагах реинкарнации приписываются только богам или героям, и это может указывать на божественность быков. Мы видели, что этот и другой алтарь могут изображать какой-то миф, в котором бык был воплощением духа дерева или растительности. О божественном естестве быка свидетельствует его присутствие на галльских монетах в качестве религиозного символа, и изображения этого животного с тремя рогами — очевидный символ божественности. На

таким бронзовым изображении клялись кимбри, кельтизированные германцы. Эти изображения являются доримскими, поскольку они обнаружены в Гальштадте и Латене. Личные имена, подобные Доннотаурусу (эквивалент Донн Таруос из «Тайн») или Дейотаросу («божественный бык»), показывают, что люди получали имена в честь божественного животного. Подобным образом множество топонимов, в которых встречается слово «таруос», в Северной Италии, Шотландии, Ирландии, на Пиренеях и в других местах, означали места распространения культа быка или то, что какой-то подобный миф, разработанный в «Тайн», был здесь локализован. Но, как, возможно, в случае с Кухулином и быком, это животное склонно становиться символом бога, — тенденция, которой, видимо, способствовало распространение митраизма с его символическим быком. Бог Медрос, опирающийся о быка, изображенный в Хагуэнау, возможно, является формой Мидира, или Медуриса, что было прозвищем Тоутатиса, если Медрос не означает просто Митра. Отзвуки культа быка или истории коровы слышны в ирландских историях об этих животных, приведенных из земли *сидхе*, или о волшебных быках и коровах, которые давали огромное количество молока, или в священных легендах о волах, ведущих какого-нибудь святого к месту его будущей церкви. Подобные легенды рассказывают также о свиньях, и, возможно, они возникли в то время, когда христианская церковь заняла место языческого культа животного. В легенде, где место церкви указывает на место почитания божественного животного, соединились старый и новый культ. Поздние остатки культа быка можно найти в праздничной процессии *Voeuf Gras* в Париже.

Уже упоминался культ бога-свиньи Моккуса. Кабан был божественным символом на знаменах, монетах и алтарях, и были обнаружены многочисленные бронзовые изображения этого животного. Это были храмовые сокровища, а в одном случае кабан был трехрогим. Но он стал символом богини, как это заметно по алтарям, на которых он сопровождает богиню, возможно богиню плодородия, и по бронзовым изображениям богини, сидящей

на кабана. В Британии встречаются алтари, на которых это животное может быть символом — «каледонским чудовищем» из поэмы Клаудиана. Галатские кельты и в Нагорье всегда воздерживались от поедания плоти свиней. Это уже проявление тотемизма. Но свинья почитается в Ирландии, а в текстах говорится о чудовищного размера свинье, являющейся основной пищей на знаменитых пиршествах. Возможно, это были легендарные формы почитания старых богов-свиней на жертвенных праздниках их плоти. Магическая свинья была также бессмертной пищей богов. Но кабан был табу для некоторых людей, например для Диармайда, хотя, возможно, это является напоминанием об ограничениях в отношении кланового тотема. В уэльской истории свинья происходит из Элизиума, — миф, объясняющий начало процесса ее одомашнивания, хотя этот процесс подразумевает, конечно, более древнее происхождение культа животного. Когда животные становятся домашними, старые культовые ограничения снимаются. По этой причине галлы, которые поклонялись антропоморфному богу-свинье, торговали этими животными и, возможно, ели их. В уэльской истории говорится также о магическом кабане Тврх Трвит, на которого охотился Артур, — возможно, это сказочная реминисценция о божественности кабана. Топонимы также указывают на культ свиньи, и напоминания о ее божественности, возможно, лежат в основе многочисленных ирландских историй о волшебной свинье. Магическая свинья, которая вышла из пещеры Круахан и уничтожила молодые посевы, напоминает о териоморфном духе зерна в его случайном разрушительном аспекте. Кости свиньи, иногда кремированные, были обнаружены в кельтских могилах в Британии и в Гальштадте, и в одном случае животное было похоронено одно в кургане в Гальштадте, так же как священных животных хоронили в Египте, Греции и в других местах. Когда животное было похоронено с умершим человеком, это, возможно, было жертвой духу или богу подземного мира.

Факт обожествления змеи доказывается появлением рогагой змеи с двенадцатью римскими богами на галло-рим-

ском алтаре. В других случаях рогатая или бараноголовая змея появляется как атрибут бога, и мы видели, что бараноголовая змея может быть слиянием змеи как хтонического животного с бараном, жертвующим умершему. В Греции Дионис имел форму и быка, и рогатой змеи; возможно, рога произошли от символики быка. С. Рейнак утверждает, что примитивные элементы орфического мифа о фракийском Дионисе-Загреусе — божественных змеях, порождающих яйцо, откуда произошла рогатая змея Загреус, — встречаются в искаженной форме в Галлии. Там считалось, что обвивающие змеи порождают магическое яйцо, а рогатой змее поклонялись, но это не было связано с яйцом. Но возможно, некогда они были связаны, и если это так, то это могло послужить основой распространения как греческих, так и кельтских религиозных представлений во Фракии. Однако это может быть простым совпадением, поскольку рогатые змеи известны и в других мифологиях; возможно, рога — это символ божественности. Рогатая змея иногда сопровождает бога, у которого есть рога, возможно Цернунна, бога подземного мира, в соответствии с хтоническим характером змеи. В цикле о Кухулине Лоэг во время посещения потустороннего мира видел двухголовых змей, — возможно, это еще один намек на этот аспект животного.

Во всех этих культах животных видны тенденции делать божественное животное антропоморфным. Теперь мы должны рассмотреть некоторые примеры полного антропоморфного процесса.

2

Старый культ медведя уступил место культу медвежьей богини и, вероятно, медвежьего бога. В Берне — старый кельтский топоним, означающий «медведь», — была обнаружена бронзовая группа с богиней, держащей патеру с плодом, и медведем, приближающимся к ней, как будто для того, чтобы полакомиться плодом. Надпись гласит: «Deae Artioni Licinia Sabinilla». Местный культ медведя некогда существовал в Берне, и до сих пор о нем

напоминает присутствие там известных медведей, но божественный медведь уступил место богине, чье имя и символ были медвежьими. От древнекельтского «Артос» (жен. «Арта»), «медведь», произошли различные божественные имена. Из них Деа Артио(н) означает «богиня-медведица», а Артайос, эквивалентный Меркурию, возможно, был богом-медведем. Другая богиня-медведица, Андарта, почиталась в Дие (Дроме), — это слово, возможно, означает «сильный медведь», а «Анд-» — увеличительный суффикс. Многочисленные имена, произошедшие от «Артос», возможно, являются свидетельством широко распространенного культа медведя, и это слово также встречается в уэльских и ирландских личных именах — Артхмаэл, Артхбиу и, возможно, Артур, и многочисленных «Арт» — в ирландских текстах. Происхождение от божественного медведя видно также в именах, подобных уэльскому Артген, ирландскому Артиган (от Артигенос, «медвежий сын»). Другим кельтским именем для обозначения медведя было галльское «мату», ирландское «матх», встречающееся в имени Матугенос («медвежий сын») и в Мак Махон, которое является искаженной формой Мак-матхгамхайн («сын медвежьего сына», или «медвежий»).

Подобным образом культ оленя, по-видимому, уступил место культу бога с оленьими рогами, изображенному на многих барельефах и, вероятно, связанному с подземным миром. Олень, как любитель поедать пшеницу, возможно, считался воплощением духа зерна, а затем был связан с областью «под землей», откуда вырастала пшеница, — по одной из тех инверсий мысли, которые столь распространены на стадии перехода от богов животных к богам с животными символами. Лосю, возможно, поклонялись в Ирландии, а трехрогий олень — персонаж одной истории в саге о Фионне. Его третий рог, подобно третьему рогу быка или кабана, может быть знаком божественности.

Лошади также поклонялись, но богиня Эпона (галльское «э-пос», «лошадь»), покровительница лошадей и ослов, заняла ее место и имела далеко распространившийся культ. Она едет на лошади или кобыле с жеребенком,

или находится среди лошадей, или кормит лошадей. Изображение кобылы, кормящей грудью жеребенка, — рисунок, аналогичный тем, на которых Эпона кормит жеребят, — показывает, что не была забыта ее первичная лошадиная сущность. Галлы разводили лошадей, а Эпона была богиней ремесла; но, как и в других случаях, культ лошади, должно быть, предшествовал ее одомашниванию, а ее мясо, возможно, съедали, и если съедали, то только в виде таинства. Наконец, божественная лошадь стала антропоморфной богиней лошади. Ее изображения были помещены на некоторых надписях, а статуэтки были найдены в конюшнях или в казармах кавалерии. Остатки этого культа были обнаружены в долинах рек Дунай и Рейн, в Восточной Галлии и в Северной Италии — кельтских регионах, — но повсюду изображение Эпоны носила римская кавалерия, завербованная из кельтских племен. Эпона связана с символами Матерей-богинь, причем одна надпись гласит: «Эпонабус», как будто была группа богинь с именем Эпона. Богиня, которая способствовала плодovitости кобыл, легко ассоциируется с богинями плодородия. Эпону, возможно, также путали с речной богиней, которая воспринималась как «горячая лошадь». Эту форму принимали духи воды, и Матери-богини были также богинями реки.

Статуэтку лошади, с посвящением богу Рудиобусу, неизвестному в других случаях, возможно, носили в процессиях, в то время как мул имеет посвящение Сегомо, приравняемому в другом месте к Марсу. На нескольких надписях упоминается бог мулов Мулло, также эквивалентный Марсу. Связь с Марсом обнаруживается в том факте, что октябрьскую лошадь жертвовали ему ради плодородия, — видимо, лошадь была связана у кельтов с плодородием. Лошадь приносили в жертву и кельты, и тевтонцы на праздник дня летнего солнцестояния, несомненно, как божественное животное. Следы этой кельтской традиции сохранились в местных легендах, и они могут интерпретироваться в более полном свете тевтонских обычаев. В Ирландии был обычай: человек с головой лошади мчался через огонь и, как предполагалось,

символизировал весь скот; другими словами, он был их заместителем. Легенда о Эах Лабре, лошади, которая жила в кургане и каждый год в канун дня летнего солнцестояния выходила из него, чтобы дать наставления на наступающий год, возможно, связана с жертвоприношением лошади в день летнего солнцестояния. У тевтонцев лошадь была божественным жертвенным животным и была также посвящена Фрейру, богу плодородия, в то время как голову лошади бросали в костер в день летнего солнцестояния. Лошадь время от времени рассматривалась как представитель духа зерна, а в Риме октябрьскую лошадь приносили в жертву в этом качестве ради плодородия. У кельтов лошадь, пожертвованная в день летнего солнцестояния, возможно, символизировала дух растительности и приносила пользу всем домашним животным, — старый обряд, описанный выше.

Возможно, богиня Дамона была животным божеством, если ее имя происходит от слова «даматос» («овца»), родственного уэльскому «дафад» («овца») и галльскому «дамх» («бык»). Другие божественные животные, как было замечено, были связаны с водами, а использование зверей и птиц в предсказаниях, несомненно, указывает на их божественный характер. Культ богов-птиц может скрываться в божественном имени Бран, то есть «ворон», а упоминание о магических птицах Рианнон содержится в «Триадах».

3

Поклонение животным связано с тотемизмом, и некоторые вещи указывают на его существование среди кельтов или на существование условий, из которых развился тотемизм в других местах. Это — происхождение от животных, табу, связанные с животными, ритуальные поедания животных и экзогамия.

1. Происхождение от животных. Кельтские имена, подразумевающие происхождение от животных или растений, бывают двух типов — клановые и личные имена. Если

последние являются тотемическими, то они должны происходить от первых, поскольку тотемизм — это клановое явление, в то время как так называемый «личный тотем», иллюстрируемый американским индейским *манitou*, является хранителем, но не предком человека. Некоторые клановые имена уже были упомянуты. Другими являются Биброки из Юго-Восточной Британии; возможно, это бобровый клан (боброс), и Эбуронес, клан тисового дерева (эбурос). Ирландские кланы носили имена, связанные с животными; одни группы назывались «телятами», другие — «грифами», третьи — «красными оленями», а связь с растениями отражена в названии Фир Биль, то есть «люди деревьев». Такой клановый тотемизм, возможно, лежит в основе историй о «потомках волков» в Оссори, которые на какое-то время стали волками в результате святого проклятия. Другие примеры ликантропии были связаны с определенными семействами. Вера в ликантропию могла легко возникнуть в существующих волчьих кланах, превращения затем объяснялись как результат какого-нибудь проклятия. Возможно, тотемическими были истории о Кормаке Мак Арте, вскормленном «волчицей», о Лугхайде Мак Конне, «сыне волкодава», об Ойсине, матерью которого была олениха и который не ел оленину, хотя тотемизму или культу животных может быть приписано то, что древние путешественники в Ирландии говорили о людях, считающих волков своими крестными отцами и моливших их не вредить им. В Уэльсе отряды воинов во время сражения при Каттраэтке описываются в «Гододине» Онеурином как собаки, волки, медведи и вороны, в то время как отряд воронов Овейна, который противостоял Артуру, возможно, был вороньим кланом, позже неправильно истолкованным как настоящие вороны. Некоторые группы далриадских скоттов носили имена животных: Инел Габран («небольшой козлий клан») и Инел Лоарн («лисий клан»). Возможно, традиция именования кланов Нагорья в честь животных или растений связана с верой в происхождение от растений или животных. На многих монетах животное изображается сидящим на спине лошади, возможно, как веду-

шее клан, — подобно тому как птицы привели кельтов в район Дуная. В мифах рассказывается о том, как животное — тотем клана — привело клан на его нынешнюю территорию. Такие мифы могут сохраняться в легендах о том, как животное привело святого к месту расположения его церкви. Кельтские воины носили шлемы с рогами, а ирландская история говорит о людях с кошачьими, собачьими или козлиными головами. Возможно, это были люди, носящие головной убор, сделанный из кожи или головы тотема клана, поэтому в более поздние времена их помнили как чудовищных существ, хотя рогатые шлемы связаны с той же традицией. Солинус описывает бриттов как носивших кожу животных перед вступлением в битву. Были ли это кожи тотемных животных, под защитой которых они таким образом оказывались? «Формы зверей, птиц и рыб», которые круитхне или пикты татуировали на своих телах, возможно, были тотемными знаками, в то время как рисунки вайдой на телах у южных бриттов, возможно, имели тот же характер. Некоторые знаки на лицах, изображенные на галльских монетах, по-видимому, были татуировочными знаками.

Вполне возможно, что древний тотем волка из-за ночных блужданий животного в лесах был связан с подземным миром, откуда, согласно кельтской вере, люди произошли и куда они возвращались и откуда происходила вся растительность. Галло-римский Сильван, бог подземного мира, носил кожу волка и, таким образом, возможно, был богом-волком. Были различные типы богов подземного мира, и этот волчий тип, возможно местный прародитель тотемного волка, уподобленного местными жителями Диспатеру, по-видимому, был богом клана, который наложил свое мифическое происхождение от волка на другие кланы. Некоторые кельтские бронзовые изделия изображают волка, глотающего человека, который не оказывает сопротивления, возможно, потому, что мертв. Волк намного больше человека — возможно, это бог. Таким образом, эти бронзовые изделия символизировали веру в возвращение людей после смерти к их тотемному предку, или богу подземного мира, связанному

с тотемным предком, свидетельствуя о том, что он пожирал мертвых, как некоторые полинезийские божества и греческий Евриномос.

Во многих индивидуальных именах первой частью является название животного или растения, второй — обычно «генос», то есть «рожденный от», или «сын», например, Артигенос, Матугенос, то есть «медвежий сын» (artos, matu-); Урогенос, или Урогенертос, «тот, кто имеет силу сына тура»; Бранногенос, «сын ворона»; Куногенос, «сын собаки». Эти имена могут быть получены от имен кланового тотема, но они восходят к тому времени, когда животные, деревья и люди были в чем-то равнозначны и была вера в возможность человеческого происхождения от дерева или животного. Профессор Рис доказывал, исходя из частоты личных имен в Ирландии типа Курой, или Ку Рой («собака Роя»), Ку Корб («собака Корба»), Мак Кон («сын собаки») и Маэлхон («раб собаки»), что существовал тотем собаки или бог-собака — не у кельтов, а у докельтской расы. Это предполагает, что тотемизм был не кельтским, — предположение, основанное на предвзятых представлениях о том, что есть кельтские институты. Следует заметить, что эти имена являются личными, а не клановыми.

2. *Табу, связанные с животными.* Кроме отвращения к мясу свиньи, уже отмечавшегося среди некоторых кельтских групп, убийство и поедание мяса зайца, курицы и гуся запрещалась среди бриттов. Цезарь говорит, что они разводили этих животных для развлечения, но он знает только о разведении редких животных богатыми римлянами для забав, поскольку у него не было никакого знания о разведении священных животных, которых не съедали — согласно распространенной традиции культа тотема или животных. Заяц использовался для предсказаний боудиккой, несомненно, как священное животное, и было обнаружено, что в Уэльсе этим животным до сих пор приписывается священный характер. Петухов или куриц церемониально убивали и съедали в последний день Масленицы либо как прежнее тотемное животное, либо, что менее вероятно, как представителя духа зерна.

Зайца в некоторых районах не убивали, а в других на него ежегодно церемониально охотились и убивали. На ежегодных ярмарках продавали и съедали исключительно гусей. В других местах, например в Девоне, барана или ягненка церемониально убивали и съедали, его поедание считалось приносящим удачу. Предполагалось, что неудача, следовавшая после убийства некоторых животных, может быть следствием нарушения тотемных табу. Рыбу не ели в пиктской Мэтэ и в Каледонии, и отвращение к поеданию некоторых видов пресноводной рыбы наблюдалось среди горцев в XVIII веке. Как уже было замечено, некоторые рыбы, живущие в священных источниках, были табуированы, и считалось, что они дают предсказания. В Ирландии не любили мясо цапли, а на Гебридских островах считалось, что убийство лебедя приводит к несчастью. Губительные последствия убийства или поедания животного, с которым едок был связан именем или происхождением, встречаются в ирландских сагах. Конайре был сыном женщины и птицы, которая могла принимать человеческую форму, и это запрещало ему охотиться на птиц. Однажды он убил птицу, и из-за этого, а также из-за нарушения других табу, он лишился жизни. У Кухулина, «собаки Куланна», было табу на поедание мяса собаки, и, когда его уговорили сделать это, его сила ушла от него, и он погиб. Диармайда, которому запрещено было охотиться на кабана, с которым была связана его жизнь, Фионн заставил нарушить это табу, и вследствие этого кабан его убил. Другой пример встречается в истории о некоторых людях, превращенных в барсуков. Они были убиты Кормаком и принесены его отцу Таджу на съедение. Тадж необъяснимым образом почувствовал к ним отвращение, потому что они были превращенными людьми и его двоюродными братьями. В этой истории, которая, возможно, содержит в себе остатки тотемной традиции, отвращение является результатом того, что барсуки на самом деле являются людьми. Это — довольно распространенный мифологичекий сюжет, объясняющий неправильно истолкованные тотемные нравы, причем здесь не теряется из виду древняя идея о связи между че-

ловеком и тотемом. В других историях также рассказывается о нарушении табу, связанного с клановым тотемом. Возможно, вера в приносящих удачу или неудачу животных или в предзнаменования, полученные по их внешнему виду, может быть основана на древней вере в тотемы и в божественность животных.

3. *Ритуальное поедание животных.* Обычай «охоты на крапивника», встречающийся во всем кельтском регионе, связан с поклонением животным и может быть тотемным по происхождению. Несмотря на свой небольшой размер, крапивник был известен как царь птиц, и на острове Мэн на него охотились и убивали на Рождество или в День святого Стефана. Птицу несли в процессии от двери к двери, сопровождая это пением, а затем торжественно хоронили, исполняя при этом панихиду. В некоторых случаях птичье перо оставляли в каждом доме и тщательно хранили, и есть следы обычной варки и поедания птицы. В Ирландии охота и участие в процессии сопровождалось праздником, средства для которого собирали от дома к дому, и подобный обычай существовал во Франции, где юноша, который убивал птицу, назывался «королем». В большинстве этих регионов считалось несчастливим или опасным убить птицу в любое другое время, однако один раз в год ее можно было церемониально убить, причем мертвое животное даровало удачу, и его торжественно съедали или хоронили с траурными почестями. Подобные обычаи, связанные с животными, которым фактически поклонялись, обнаруживаются повсюду, и они подтверждают идею о том, что кельты считали крапивника божественным животным, или, возможно, животным тотема, что убивать его необходимо было ритуальным образом и хоронить рядом с жилищами племени, чтобы получать его божественное влияние, что его поедание или захоронение священны. Возможно, подобные обычаи соблюдались и в случае с другими животными, и, видимо, они дали начало таким историям, как истории о поедании чудесного кабана Мак Дато, а также мифам, в которых некоторые животные, например свинья, считались бессмертной пищей богов. Другие примеры ритуальных пережитков та-

кого ритуального поедания уже были отмечены, и вполне вероятно, что поедание священного животного встречалось в Самайне.

4. *Экзогамия.* Экзогамия и отсчет происхождения через мать тесно связаны с тотемизмом, и некоторые следы того и другого обнаруживаются у кельтов. Среди пиктов, которыми были, возможно, кельты бриттского происхождения, эти нравы сохранялись в правящей династии. Власть переходила к брату короля от той же матери или к сыну сестры, в то время как отец короля никогда не был королем и часто был «чужаком». Подобные правила преемственности преобладали в древнеарийских родах — греческих и римских — и, как считает доктор Стокс, возможно, существовали в Таре в Ирландии, хотя в истории Фиана об Ойсине он женится на дочери короля Тир на н-Ог и наследует после него королевскую власть частично по этой причине, а частично потому, что он победил его на ежегодном состязании за престол. Такое спортивное соревнование за престол было известно в Древней Греции, и этот рассказ, возможно, подтверждает теорию кельтского священнического царствования, поскольку занимающий эту должность сохранял ее до тех пор, пока его не побеждали или пока не убивали. Следы преемственности через сына сестры обнаруживаются в «Мабиногионе», и Ливий описывает, как мифический кельтский правитель Амбигат, обнаружив новые территории, послал туда не своего собственного сына, а сыновей своей сестры. Ирландские и уэльские группы богов и героев назывались по имени матери, а не отца: дети Дану и Дон и мужчины Домну. Ану — это мать богов, Буанан — героев. Дающим свое имя предком у скоттов была женщина, а древнейшими колонизаторами Ирландии были женщины, а не мужчины. Боги и героини саг часто матронимичны, и имя отца опускается: Луг Мак (сын) Этхнэнд, Конхобар Мак (сын) Нессы, Индекс, сын Де Домнанны, Корпре, сын Етайн, и другие. Возможно, аналогичным этому является обычай называния мужчин в честь их жен, например, сын Фергуса — Фер Тлахтга, муж Тлахтги. В сагах женщины (богини и героини) занимают высокое

место, подобающее им, и часто они сами выбирают себе любовников или мужей, — нравы, наводящие на размышления о матриархате. Таким образом, то, что некогда было только общей практикой, позже было ограничено правящим родом или рассказывается о божественных или героических персонажах. Возможно, некоторые случаи кровосмешения действительно могли иметь место как преувеличенное истолкование того, что некогда разрешалось тотемным законом. Цезарь говорит о бриттском многожии, о том, что братья, сыновья и отцы имели общих жен. Страбон говорит об ирландских брачных союзах с матерями и сестрами, возможно ссылаясь не на фактическую практику, а на сообщения из историй саг о кровосмешении. Дио Кассий говорит об общих женах у каледонцев и мэтэйцев, а Иероним говорит почти то же о скоттах и атекоттах. Однако эти замечания, за исключением сообщений Цезаря, неясные, они относятся к брачным нравам, неизвестным тем, кто о них сообщает. В ирландских сагах есть легенды о кровосмешении вокруг потомков Этайна: отцы соединяются с дочерьми, сын — с матерью, женщина имеет сына от своих братьев (так же как Экне был сыном Бриана, Иухара и Иухарбы) и является также матерью Кримтхана по этому сыну. Союзы между братьями и сестрами встречаются как в ирландской, так и уэльской истории.

В этих случаях кровосмешение с матерью нельзя объяснить тотемным обычаем, но эти случаи могут быть искаженными реминисценциями того, что могло происходить в тотемном племени, а именно: сын брал жен своего отца, кроме своей собственной матери, когда те были другой веры, отличной от его собственной. При тотемизме братья и сестры от различных матерей, имевших различные тотемы, могли, возможно, соединяться, и о таких союзах рассказывается в мифах многих народов. Позже, когда тотемизм прекратил свое существование, союзы заключались между детьми от одной матери. Согласно закону тотема, отец мог сочетаться с дочерью, поскольку она имела тотем своей матери, но на практике это осуждалось. Многобрачие также могло сосуществовать с тотемизмом,

и, конечно, это, как правило, связано с отсчетом происхождения через мать. Если кувада была кельтским институтом, то это также указывает на существование матриархата у кельтов. Чтобы объяснить все это как доарийское или говорить о том, что сообщения классических авторов касаются неарийских племен и что свидетельства в ирландских сагах показывают только то, что кельты были под влиянием нравов коренных племен, среди которых они жили, следует пренебречь тем фактом, что эти обычаи тесно связаны с кельтской жизнью, хотя это оставляет необъяснимым влияние таких обычаев на народ, чьи собственные нравы были совершенно другими. Свидетельства указывают на существование тотемизма среди древних кельтов или же хотя бы отдельных элементов этой веры.

В первобытный период охоты или скотоводства люди поклонялись животным, на которых охотились или которых разводили. Они, возможно, чувствовали вину перед животным, на которое охотились и которое убивали (форма поклонения), а там, где на животных не охотились, их разводили и поклонялись им, а одного из них, возможно, ежегодно убивали и съедали, чтобы получить его божественную силу. Заботливо оберегались священные животные, на которых не охотились, и это привело к одомашниванию, воздержанию от употребления в пищу их мяса, что способствовало увеличению запасов продовольствия в более позднее время, когда одомашненных животных свободно убивали. Но более раннее священное убийство таких животных сохранилось в религиозном аспекте их заклания в начале зимы. Культ животных был также связан с тотемным обычаем, хотя на более поздней стадии этот культ был заменен культом антропоморфных божеств, со старшими божественными животными в качестве их символов, священных жертв и т. п. Эта эволюция привела теперь к устранению ограничений убийства и поедания животных. С другой стороны, более примитивные культы животных, возможно, кое-где оставались. Поклонение культам животных, возможно, ограничивалось мужчинами. С появлением сельского хозяйства как

искусства в руках главным образом женщин и последующего культа Матери-Земли, богини плодородия и зерна, возможно считавшегося женским, священное поедание божественного животного приводило к убийству и поеданию человеческой или животной жертвы, по-видимому чтобы воплотить такой дух. Позже эти два культа были вынуждены объединиться, и божественное животное и животное воплощение духа растительности перестали различаться. С другой стороны, когда мужчины начали принимать участие в женских культах плодородия, то, поскольку духи были женскими или, возможно, стали рассматриваться как богини, это заставило мужчин рассматривать некоторых антропоморфных животных божеств как богинь. Некоторые из них, например Эпона и Дамона, с расширением участия мужчин в сельском хозяйстве стали мужскими или же супругами и матерями богов плодородия, хотя более древний аспект никогда не терялся из виду, как свидетельствует Мать Зерна. Эта эволюция привела к тому, что божественные священники-короли заняли место более древних священнослужителей этих культов, одна из которых, возможно, была божественной жертвой. Однако в некоторых местных культах все еще сохранялось поклонение женским божествам, и они имели своих священнослужителей.

Глава 15

КОСМОГОНИЯ

Неясно, рассматривали ли древние кельты Небо и Землю как мужа и жену. Такое представление распространено во всем мире, и в мифах часто объясняется причина разделения этих двух начал. Жители Полинезии считали, что дети Неба и Земли — персонифицированные ветра, леса и моря, — разгневанные тем, что они сдавлены между родителями во тьме, поднялись и отделили их. Тот же самый смысл в греческом мифе об Уране, или Небе, и Гее, или Земле, разделенных их сыном Кроносом, и в индийском мифе о Дьяусе, или Небе, и Притхиви, или Земле, которые были разделены Индрой. Уран в Греции уступил место Зевсу, а в Индии Дьяус стал подчиняться Индре. Так, первобытное персонифицированное Небо отступает, а его место занимает более индивидуализированный бог. Но обычно Мать-Земля остается величиной постоянной. Земля ближе к человеку и более неизменна, чем неустойчивое Небо, в то время как в качестве производительницы она была источником всех зеленых плодов и поэтому оставалась важным божеством даже тогда, когда появилось множество других божеств. Это особенно верно для аграрных народов, которые умиловливают Землю жертвами, поклоняются ей оргиастическими обрядами или поддерживают ее жизнедеятельность с помощью магии. С развитием цивилизации эту богиню все еще вспоминают как дружественную человеку и, как в Элевсине, изображают печальющейся и радующейся, подобно самому человеку. Или же там, где более высшая религия вытесняет более древнюю, в народе

ритуал все еще сохраняется, хотя его значение может быть забытым.

Таким образом, возможно, кельты обладали мифом о Небе и Земле, но все следы его пропали. Имеются, однако, остатки мифов, показывающих, как Небо поддерживается деревьями, горой или столпами. Высокая гора вблизи истоков Рейна была названа «колонной Солнца» и была настолько высока, что скрывала Солнце от людей, живших на юге. Возможно, она считалась опорой Неба, в то время как вокруг нее двигалось Солнце. В старом ирландском гимне и комментариях к нему Бригит и Патрик сравниваются с двумя столпами мира. Вероятно, это — ссылка на какой-то древний миф о Небе или Земле, опирающейся на столпы. Следы этого мифа есть также в народном поверье, как и в историях об островах, опирающихся на четыре столпа, или как в легенде о церкви Кернитоу, которая покоится на четырех столпах в замерзшем море и погрузится в воду, когда море оттает, — комбинация космогонического мифа и мифа о Великом потопе. В некоторых мифах Небо и Землю соединяет мост, или лестница. Возможно, есть остатки подобного мифа в ирландской поэме, в которой говорится о «дрохет бетхад», или «мосте жизни», или о «дрохайд на флайтхеанас», или «небесном мосте», из фольклора Гебридских островов.

Те боги, которые были связаны с небом, возможно, считались обитающими там или на горе, поддерживающей небо. Другие, подобно кельтскому Диспатеру, обитали в подземелье. Некоторые были связаны с курганами и холмами или, как предполагалось, занимали в них свою обитель. Третьи жили в отдаленной области — кельтском Элизиуме, который, как только кельты достигли моря, стал отдаленным островом. Те божества, которым поклонялись в рощах, считались обитающими там и появляющимися в полдень или полночь, в то время как такие природные объекты, как реки, источники и деревья, считались обителью богов или духов. Так, сомнительно, думали ли кельты когда-либо о своих богах как обитающих на одном лишь Олимпе. Туата Де Да-

нанн, как считают, пришли с неба, но это может быть простое утверждение какого-нибудь книжника, который не знал, что делать с этой группой существ.

В кельтской религии мужчины считались не столько созданными богами, сколько произошедшими от них. По свидетельству Цезаря, все галлы утверждали, что они произошли от Диспатера и что это было передано им друидами. Диспатер был кельтским богом подземного мира плодородия, и это утверждение согласуется с мифом, который встречается у многих примитивных народов, о том, как люди некогда жили в подземелье и оттуда вышли на поверхность Земли. Но это также указывает на их происхождение от бога подземного мира. Туда умерший возвращался к тому, что был его предком, а также к владыке мертвых. С другой стороны, если бы первоначально Земля считалась женской, она, как Мать-Земля, была бы предшественницей людей. Но ее место в мифе было бы занято богом Земли или Подземелья, который, возможно, считался ее сыном или супругом. В других случаях кланы, семейства или индивиды часто отслеживают свое происхождение от богов или божественных животных или растений. Классические авторы иногда говорят об ответвлении кельтской расы от давших свое имя основателей, возможно опираясь на знание существующих кельтских мифов. Аммиан Марселлин сообщает также о друидской традиции в том смысле, что одни галлы были местными, другие пришли с далеких островов, а третьи — издалека, с Рейна. Но это не столько миф о происхождении, сколько объяснение присутствия различных народов в Галлии — аборигенов, кельтов и белгских галлов. М. Д'Арбуа предполагает, что «далекие острова» означают кельтский Элизиум, который он рассматривает как страну мертвых, но, возможно, это лишь искаженное воспоминание об отдаленных странах, откуда группы древних кельтов пришли в Галлию.

О сотворении мира ни одного полного мифа не сохранилось, хотя из комментариев к «Сенхус Мор» мы узнаем, что друиды, подобно брахманам, хвалились, что они создали Солнце, Луну, Землю и Море, — это согласует-

ся с их предполагаемой властью над стихиями¹. Некоторые народные поверья относительно происхождения различных частей природы имеют близкое сходство с примитивными космогоническими мифами и могут быть приняты как разрозненные части подобных мифов, рассказывавшихся кельтами и, возможно, преподаваемых друидами. Так, море, реки или источники произошли из мочи какого-нибудь великана, феи или святого или же от их пота или крови. Острова — это камни, брошенные великанами, а горы — это материалы, выброшенные ими, когда они работали на земле. Источники произошли из крови мученика или от прикосновения посоха святого или феи. Море, вытекшее из волшебной бочки, было дано Богом женщине. Когда пробка была открыта, ее невозможно было снова закрыть, и бочка не переставала наполняться, пока воды не покрыли землю. Все эти истории очень примитивны. Во всех этих случаях великан, святой или фея, несомненно, занимают место бога. Часто великаном является Гаргантюа, который, возможно, сам некогда был божеством. Другие упоминания в ирландских текстах указывают на распространенный космогонический миф о земле, постепенно принимающей свою существующую форму. Поэтому считается, что множество новых озер и равнин образовались в Ирландии во времена Партолона и Немеда, и равнины, очевидно, были созданы из существовавших тогда материалов. В некоторых случаях формирование озера было результатом рытья могилы каким-нибудь мифическим персонажем, в честь которого было затем названо это озеро. Здесь мы находим известную идею об опасности вторжения в область божественного. Например, при рытье земли есть опасность вторгнуться во владения бога Земли, за чем может последовать наказание в виде потопа. То

¹ В одной из рукописей говорится, что Адам был сотворен таким образом: его тело — из Земли, его кровь — из Моря, его лицо — из Солнца, дыхание — из Ветра и т. д. Это также обнаруживается в одной фрисийской истории, и обе эти истории представляют собой инверсию хорошо известных мифов о сотворении вселенной из частей тела великана.

же представление встречается в кельтских историях об озере или реке, образовавшихся путем переполнения священных источников из-за человеческой небрежности или любопытства, что привело к гневу божества источника. Или опять же город или замок затопляется из-за греховности его жителей, при этом воды порождаются проклятием бога или святого (заменяющего языческого бога) и образуют озеро. Эти истории можно рассматривать как формы кельтского мифа о потопе, который в одном случае, как в уэльской истории о судне Невид, который спас Дзивана и Двифаха и по паре всех видов животных, когда переполнилось озеро Лион, очевидно, заимствован из библейской истории. В других случаях озера образовались от слез бога. Например, слезы Мананнана по случаю смерти его сына образовали три озера в Ерине. Аполлоний сообщает, что воды Эридана произошли от слез Аполлона, когда он был изгнан с неба его отцом. Этой кельтской, по его словам, истории он придал греческую форму, и рассматриваемый бог, возможно, был Беленосом, приравниваемым к Аполлону. Иногда образование потопов, приписываемое большим ливням, является очевидным мифическим представлением об ущербе, который приносят настоящие наводнения, хотя ирландские мифы о «бескрайних морских безднах» были несомненным следствием пережитого на опыте.

Хотя ни одного полного описания конца света, подобного скандинавскому Рагнароку, не сохранилось, рассеянные намеки на это говорят о том, что прежде такое описание существовало. Страбон говорит, что друиды учили тому, что «однажды должны восторжествовать огонь и вода», что свидетельствует об очевидной вере в некий конечный катаклизм. На это также есть намеки в словах галлов Александру, рассказавших ему, что больше всего они боялись падения на их головы небес. Другими словами, они боялись того, что было признаком конца света. На ирландской земле к этому могут относиться слова Конхобара. Он возвестил, что спасет пленников и добычу, взятую Медб, если небеса не упали на землю, и земля не разверзлась, и море не поглотило все вещи. Та-

кой миф, смешанный с христианскими верованиями, может лежать в основе пророчества Бадб после битвы при Маг Туиред насчет грядущих бед и конца света и пророчества Ферсертне в «Беседе двух мудрецов». Оба имеют любопытное сходство с пророчествами Сивилл о гибели в Волуспе. Если бы сами боги были вовлечены в такую катастрофу, то это было бы неудивительно, поскольку в некоторых аспектах их бессмертие зависело от пищи и напитка бессмертия¹.

¹ Возможный остаток мифа о мировом змее можно обнаружить в «Приюте Да Дерги», где мы слышим о Левиафане, который обвивает земной шар и ударяет своим хвостом, чтобы сокрушить мир. Но это может быть отражением скандинавских мифов о змее Мидгарде, иногда приравниваемом к Левиафану.

Глава 16

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, МОЛИТВЫ И ПРЕДСКАЗАНИЯ

Семиты часто считались самыми жестокими преступниками в отношении человеческих жертвоприношений, но в этом, согласно свидетельствам классических авторов, с ними легко могли бы соперничать кельты Галлии. Они приносили человеческие жертвы ради жизни, или чтобы умиловать богов, или для того, чтобы божественное будущее произошло из внутренностей жертвы. Сначала мы исследуем кельтскую традицию человеческих жертвоприношений с этих точек зрения.

Цезарь говорит, что те, кто был поражен болезнью, или участвовал в сражении, или испытывал какую-нибудь угрозу, делал человеческие жертвоприношения или клялся сделать это, потому что считалось: если за жизнь человека не дается жизнь другого человека, боги не могут быть умиловлены. Если боги наслали болезнь или беды, значит, они желали человеческой жизни; но для этого годится любая жизнь, поэтому находящийся в опасности может избежать ее, предложив вместо себя другого. В некоторых случаях жертвы, возможно, предлагались демонам болезней или персонифицированным болезням, например таким, в которые все еще верит кельтское воображение, а не богам, или опять же жертвы, возможно, предлагались местным богам исцеления. Угрожающую опасность также можно было предотвратить по тому же принципу, и, хотя жертвами обычно были рабы, во времена великой опасности в жертву приносили жен и детей. После поражения, которое показывало, что боги все еще оставались непреклонными, в жертву приносили раненых и слабых, либо какой-нибудь великий

вождь приносил в жертву себя. Или в таком случае кельты обращали свое оружие против себя, осуществляя своего рода жертвенное самоубийство в надежде принести победу оставшимся в живых.

Идея жертвы, предлагаемой по принципу «жизнь за жизнь», иллюстрируется традицией в Марселе во время мора. Один из представителей бедных слоев жертвовал собой, чтобы на некоторое время уменьшить общественное бедствие. Его проводили в процессии, облаченного в священные ветви, торжественно проклинали и произносили молитву о том, чтобы на него пало все зло сообщества. Затем его бросали вниз головой. В данном случае жертва приносилась ради жизни города и во избавление от напасти, подобно жертвам в Фаргелии.

Человеческие жертвы приносились также в знак благодарения за дарование победы, и часто перед сражением давались клятвы, обещающие их также как часть добычи. По этой причине кельты никогда не обменивали пленников, но приносили их в жертву, а вместе с ними и захваченных животных. Способом жертвоприношения было закалывание мечом или копьем, повешение, накалывание, расчленение и утопление. Некоторые боги умилостивлялись одним конкретным способом жертвоприношения: Таранис — сжиганием, Тевтат — удушением, Езус (возможно, бог дерева) — повешением на дереве. Утопление предполагало посвящение жертвы водным божествам.

Другие искупительные жертвы происходили в промежуточных формах и имели общий или племенной характер. Приносили в жертву преступников и рабов или даже членов племени. Жертвенный костер имел грубые очертания человеческой фигуры, ветвями ивы прикрывали приносимых в жертву людей, а также животных, которые гибли в костре. Диодор говорит, что жертвами были преступники, которые должны были отсидеть в темнице в течение пяти лет, и некоторые из них были казнены насаживанием на кол. Это вовсе не означает, что жертвоприношения совершались раз в пять лет, поскольку, возможно, это делалось ежегодно, в день летнего солнцестояния, посредством ритуала, сохранившегося до нашего времени. Жертвы погибали

ли в огненной стихии, в которой в основном проявлялся бог Солнца, и жертвоприношение увеличивало его силы и таким образом способствовало росту и плодородию. Эти жертвенные костры были, возможно, продолжением ритуала жертвоприношения путем более раннего убийства жертвы, представляющей дух растительности. Согласно Страбону, чем больше было убийств, тем больше оказывалось плодородие земли, что, возможно, означало то, что жертвами были в основном преступники. Варрон также говорит о человеческих жертвоприношениях богу, приравняемому к Сатурну, в целях увеличения плодородия. Таким образом, с одной стороны, этот обряд был искупительной жертвой, с другой — магико-религиозным ритуалом, происходящим от старого обряда божественного жертвоприношения. Но в обоих случаях он совершался ради увеличения плодородия в поле и стаде.

Предсказание при помощи тел человеческих жертв было засвидетельствовано Тацитом, который говорит, что «друиды советуются с богами по трепещущим внутренностям людей», и Страбоном, который описывает удар по жертве сверху вниз мечом и прорицание будущего по ее конвульсивным движениям.

Человеческие жертвоприношения в Галлии были прекращены римлянами, которые были удивлены их масштабами. По свидетельству Помпония Мелы, к 40 году прекратились убийства жертв, жертвоприношение стало символическим, друиды старались ударить по жертве и извлечь из нее хоть немного крови. Только давление более высокой цивилизации вынудило так называемых философствующих друидов отказаться от своих отвратительных обычаев. Плиний писал, что у кельтов Британии человеческие жертвоприношения превалировали до 77 года. Дио Кассий описывает изощренную жестокость во время жертвоприношения женщин (военнопленных) в честь богини Андрасты — у них отрезали груди и прикладывали ко рту и колом насквозь протыкали тело, которое затем вешали в священной роще. Тацит говорит об алтарях в Моне (Англеси), омываемых человеческой кровью. Что касается ирландских кельтов, то патриотически на-

строенные авторы отказывались считать их виновными в таких практиках, но нет никакой априорной причины, по которой в этой традиции их нужно отделять от других народов, находящихся на том же уровне развития цивилизации. Ирландские тексты, без сомнения, преувеличивают количество жертв, но они, конечно, подтверждают существование такой практики. Из «Диндсенхаса», в котором описывается много древних обычаев, мы узнаем, что «первенцев от каждого потомства и главных отпрысков каждого клана» приносили в жертву Кромму Круайху и что на одном из таких праздников поклоняющихся были столь сильны, что трое-четверо из них погибли, что, вполне вероятно, является преувеличенным воспоминанием об оргиастических ритуалах. Доктор Джойс считает, что эти сообщения столь же невероятны, как и мифические истории в «Диндсенхасе». Однако эти истории, несомненно, вполне правдоподобны, и сообщения о ритуалах, конечно, основываются на фактах. Доктор Джойс признает существование основы жертвоприношений в Ирландии, и трудно понять, почему человеческие жертвы не могли приноситься также и в других случаях.

Цель жертвоприношения — увеличение плодородия — указывается в поэтической версии культа Кромма:

Молока и зерна
Они просили у него поскорее,
В обмен за треть своего здорового потомства.

Мнение о том, что жертвоприношения немедян фоморам составляли две трети их детей и годовые запасы зерна и молока, является очевидным недоразумением, ибо жертвы приносились именно для того, чтобы получать зерно и молоко. Однако несомненно одно — аграрный народ делал пожертвования божествам, которые помогали или препятствовали росту. Возможно, часть плоти жертв, одно время отождествлявшихся с богом, хоронили в полях или смешивали с зерном, чтобы способствовать плодородию. Кровью опрыскивали изображения бога. Такие практики были столь же неприятны христианским миссионерам, как и римским властям, и мы узнаем, что святой Патрик пропо-

ведовал против «убийства ярмовых волов и молочных коров и сжигания первенцев потомства» на рынке в Таиллте. Как уже было отмечено, ирландская версия истории Персея и Андромеды, в которой жертва приносится не дракону, а фоморам, возможно, возникла на основе действительного ритуала, в котором людей жертвовали фоморам. В японской версии той же истории деву предлагают морским богам. В другой истории земля страдает от падения урожайности потому, что неверная Бекума, супруга короля Ерина, притворилась девой. Друиды возвестили, что средством от этого должно стать убийство сына непорочной пары и опрыскивание дверных косяков и земли его кровью. Такой юноша был найден, но по просьбе его матери вместо него в жертву была принесена двуматочная корова, в которой были найдены две птицы. В «Диндсенхасе» описывается история, в которой для того, чтобы избавиться от мора, в жертву были принесены заложники, включая сына пленного правителя, — это эквивалент традиции галлов.

Человеческие жертвоприношения совершались также в тех случаях, когда закладывали фундамент нового строения. Это делалось для того, чтобы умиловить духов Земли или обеспечить строение духом-хранителем. В одной кельтской легенде такая жертва связывается с закладкой фундамента монастыря в Ионе. Святой Оран соглашается принять совет святого Колумбы «пройти под глиной этого острова, чтобы освятить его», и в награду за это он попадает прямо на небо. Эта легенда является полухристианской формой воспоминания о старой языческой традиции, и она связывается с Ораном, возможно, потому, что он был первым, кого похоронили на острове. В другой версии о жертвах ничего не говорится. Двое святых спорят об ином мире, и Оран соглашается пойти на три дня в могилу, чтобы уладить спорный вопрос. В конце этого времени могилу открыли, и торжествующий Оран возвещает, что небо и ад не таковы, какими их представляют. Потрясенный свободомыслием Орана, Колумба приказал земле погрести его, чтобы он не вызывал скандал вокруг веры, и Оран был похоронен заживо. В уэльском варианте замок Вортигерна не может быть по-

строен, поскольку камни исчезают, как только их кладут. Мудрецы, вероятно друиды, приказывают принести в жертву ребенка, рожденного без отца, и окропить это место его кровью. «Стонущих заложников» клали под крепостью в Ирландии, и фундамент дворца Эмайн Маха был также сложен с помощью человеческих жертвоприношений. Множество подобных легенд связаны со строениями во всей кельтской области, и это доказывает популярность данной языческой традиции.

Наиболее важным из праздников, в которые совершались человеческие жертвоприношения, был Бельтайн, или день летнего солнцестояния. Раньше жертву, символизовавшую божество, убивали, чтобы ее жизнь могла быть восстановлена во всей мощи. Земля опрыскивалась ее кровью и подпитывалась ее плотью, чтобы стать плодородной, и, возможно, верующие отведывали этой плоти. Искупительные холокосты человеческих жертвоприношений заняли место убийства представителя бога, но при этом не было забыто их значение для содействия плодородию. Священный аспект обряда можно обнаружить в словах Плиния об «убийстве человека как наиболее религиозном действии и о поедании плоти как полезном для здоровья» среди бриттов¹. Это могло относиться к «медицинскому каннибализму», который существовал в Италии, но в этом отрывке скорее говорится о священном каннибализме, съедании части божественной жертвы, что практиковалось, например, в Мексике. О других актах каннибализма упоминают классические авторы. Диодор говорит, что ирландцы ели своих врагов, а Павсаний описывает поедание плоти и питье крови детей у галатских кельтов. Питье из черепа крови убитых (пожертвованных) врагов упоминается Аммианом и Ливием, а Солин описывает ирландский обычай омыwania лица в крови убитых и ее выпивания. В некоторых из этих случаев намерением, возможно, было просто получить силу мертвого

¹ Кормление Этхни, дочери Кримтханна, человеческой плотью, как только она достигла зрелости, может быть примером «медицинского каннибализма». Поедание родителей у ирландцев, описанное Страбонем, было примером «почтительного каннибализма».

врага, но там, где дело касалось священного жертвоприношения, намерение, вероятно, простиралось дальше этого. Кровь мертвых родственников также пили, чтобы получить их добродетели или войти в более близкую связь с ними¹. Это аналогично обычаю братства крови, который также существовал у кельтов и продолжал сохраняться на Западных островах вплоть до последнего времени.

Таким образом, одна группа кельтских человеческих жертвоприношений была связана с примитивным сельскохозяйственным ритуалом, но воинственная энергичность кельтов расширила эту практику. Жертвы добывались легко и предлагались богам войны. Однако даже эти жертвоприношения сохраняли следы более древнего обряда, в котором жертва символизировала божество или дух.

Охота за головами, описанная в классических сочинениях и в ирландских текстах, также имела жертвенный аспект. Голову врага привязывали к седлу или нанизывали на копье, как, например, в том случае, когда завоеватели возвращались домой с победными песнями. Это ужасающее описание часто встречается в текстах. Так, после смерти Кухулина Коналл Кернах возвращался к Эмеру с головами его убийц, нанизанными на ивовый прут. Он насадил все головы на кол и сказал Эмеру имена всех их хозяев. Кельтский *оппидум*, или дворец короля, должно быть, был столь же ужасен, как поселение дайяков или деревня на Соломоновых островах. Всюду были колы, увенчанные головами, и ими же были украшены стены домов. Посейдоний рассказывал, как он занемог, увидев такое зрелище, но постепенно привык к этому. Палата во дворце иногда была хранилищем для таких голов, или же их сохраняли в масле из древесины кедра или в сундуке. Их гордо показывали чужеземцам как свидетельство побед, но их не могли продать, поскольку они были на вес золота. После сражения делали груды голов и подсчитывали количество убитых, а на ежегодных праздниках во-

¹ Этот обычай продолжал существовать в Ирландии вплоть до времен Спенсера.

ины приносили языки врагов в качестве свидетельства своей доблести.

Эти нравы имели религиозный аспект. Отсекая голову, кельты приветствовали богов, и голова приносилась в жертву им или духам предков, а иногда хранилась в роще или храме. Имя, даваемое головам убитых в Ирландии — «мачта Махи», — показывает, что они были посвящены ей, так же как черепа, обнаруженные под алтарем, были посвящены кельтскому Марсу. Возможно, как и у дайяков, американских индейцев и других народов, владение головой было гарантией того, что дух ее хозяина будет подвластен обладавшему ею кельту, в этом или в грядущем мире, поскольку иногда эти головы находят захороненными в могилах вместе с умершими. Или же, подвешенные в храмах, они стали фактическим и символическим жертвоприношением жизни или души их бывших хозяев, поскольку считалось, что жизнь или душа находятся в голове. Отсюда также и обычай питья из черепа убитого, символизирующий передачу его силы непосредственно пьющему. Молоко, выпитое из черепа Коналла Кернаха, восстановило изначальные силы ослабевших воинов, а по народным поверьям в Нагорье, питье из черепа самоубийцы (здесь занимающего место убитого врага) восстанавливало здоровье. Таким образом, все эти практики имели одну цель — переноса духовной силы богам или победителю, который подвесил голову у своего дома, или всем, кто пил из черепа. Изображенная на барельефах домов или вырезанная на рукоятях кинжалов голова, возможно, считалась талисманом, придававшим дому или оружию могущество. Возможно, этот культ человеческих голов породил идею о божественной голове, подобной головам, фигурировавшим на галльских изображениях, или описанной, например, в истории Брана. Его голова хранила страну от вторжения, пока Артур не эксгумировал ее¹. Эта история основана на вере в то, что

¹ Иногда тот же эффект имело оружие великого воина. Луки Гвертхевира были скрыты в различных частях Придейна и хранили страну от саксонского вторжения, пока Гвертхвир, из-за любви к женщине, не вырыл их.

голова или тело великого воина все еще обладает мощным влиянием¹. Изображение головы бога, подобно всему его образу, считалось обладающим той же защитной силой.

Возможные пережитки ритуала жертвоприношений пожилых людей могут быть обнаружены в бретонской традиции прикладывания тяжелой дубинки к голове стариков, чтобы облегчить их смертные мучения. Такие дубинки прежде использовались для того, чтобы убивать их. Они хранятся в часовнях, и к ним относятся с благоговейным страхом.

Также часто использовались жертвоприношения животных. Галатские кельты делали ежегодное жертвоприношение Артемиде барана, козла или теленка. Их собак чествовали и короновали цветами. К сожалению, другие детали этого ритуала отсутствуют. Животных, захваченных на войне, галлы приносили в жертву богам войны или богу реки, как, например, в том случае, когда, по свидетельству Цезаря, галльские завоеватели Маллиуса бросали лошадей побежденного войска в Рейн. Мы уже видели, что белые воны, приносимые в жертву во время ритуала с омелой, возможно, некогда были представителями духа растительности, который одушевлял также дуб и омелу. У островных кельтов о жертвоприношениях животных в текстах почти не упоминается, возможно, из-за сокрытия этих фактов более поздними книжниками, но жития ирландских святых содержат некоторые сведения об этом обычае. Например, в житии святого Патрика описывается собрание правителей, военачальников и друидов в Таре для жертвоприношения идолам. В Ирландии крестьяне до сих пор убивают барана или теленка на праздник святого Мартина, и считается, что несоблюдение этого обряда приведет к неудаче. Подобные жертвоприношения в дни святых в Шотландии и Уэльсе происходили и в христианские времена. Превосходным примером этого является жертвоприношение быков в Гай-

¹ В Ирландии из головы извлекали мозг врага, смешивали с известью и делали из этого шар. Ему давали затвердеть, а затем помещали в племенной склад оружия как трофей.

плохе для исцеления душевнобольных в День святого Маэлрубхи (25 августа). Также на холмах делали возлияния молока, обходили разрушенные часовни, поклонялись источникам и камням и практиковали предсказания. Эти обряды, встречавшиеся еще в XVII веке, были осуждены Пресвитерией Дингволла, но некоторые из них сохраняются до сих пор. Во всех этих случаях святой наследовал ритуал более древнего бога. Кук предполагает, что святой Маэлрубха был преемником божественного вождя, связанного с дубом и священным источником, бог или дух которого были в нем воплощены. Эти божественные вожди могли быть убитыми, или в качестве их заместителя убивали быка, подобным образом воплощавшего бога или духа. Это убийство в более позднее время рассматривалось как жертвоприношение и соединялось с исцелением беснования. Таким образом, этот обряд аналогичен уже описанному ранее закланию быков при сборе омелы. Эйлеан Марее (Маэлрубха), где до сих пор существуют дерево и источник, некогда было известно как Эйлеан мо ригх («остров моего вождя»), или Эйлеан Мхор Ригх («остров великого вождя»), а вождю поклонялись как богу. Эта часть подтверждающего свидетельства была передана старейшим жителем сэру Артуру Митчеллу. В народе также говорили о боге Моури.

Другие пережитки ритуала жертвоприношения животных обнаруживаются в случаях мора скота, как это было в середине XIX века в Морайшире, Уэльсе, Девоне и на острове Мэн. Жертву сжигали, а ее пеплом опрыскивали стадо, или же его выбрасывали в море, или развеивали над пропастью. Возможно, это была и искупительная жертва, и жертва, спасительная для животных, уносящая их болезнь, хотя обряд может быть связан с прежним заклинанием божественного животного, чья смерть приносила пользу всему скоту данного района. На Гебридах духов земли и воздуха умилюстивляли на всех сторонах света, выбрасывая через двери петуха, курицу, утку или кота, которые, как предполагалось, были ими захвачены. Считалось, что если этим обрядом пренебрегали, то неминуемо следовала беда. Жертвуемое животное уносило зло из дома и было также искупительной жертвой.

Кровью жертв опрыскивали алтари, изображения и деревья или, как у Бойи, ее наливали в череп, украшенный золотом. Другие возлияния известны, главным образом, из народных поверий. Так, бретонские рыбаки приветствуют рифы и выступающие мысы, произнося молитвы и выливая в море стакан вина или бросая бисквит или старую одежду. На Гебридах любопытный обряд совершался в Страстной четверг. После полуночи человек выходил в море и выливал пиво или кашу в воду, одновременно напевая:

О бог моря,
Вложи сорную траву в накатывающую волну,
Чтобы удобрить землю,
Чтобы задарить нас пищей.

На берегу принимались подтягивать хором. Таким этот обряд был описан тем, кто принимал участие в нем два столетия назад, но Мартин, писавший в XVII веке, приводит и другие детали. Чаша пива предлагалась со словами: «Шони, я даю Тебе эту чашу пива, надеюсь, что Ты пошлешь множество морских водорослей для удобрения нашей земли в следующем году». Затем все безмолвно шли к церкви и оставались там какое-то время, после чего предавались оргии на улице. Этот оргиастический обряд некогда мог включать половые акты — мощное заклинание для плодородия. «Шони» — это было какое-то древнее морское божество, и иногда для той же цели зывали к другому божеству моря — Брианниулу. До недавнего времени молоко лили на «Груагахские камни» на Гебридах, когда приносили жертву Груагаху, домовому, который покровительствовал крупному рогатому скоту и который занял место бога.

МОЛИТВА

Молитва сопровождала большинство обрядов и, возможно, состояла из традиционных формул, точное декламирование которых зависело от их значения. Друиды зывали к богу во время обряда с омелой, а во время га-

латского жертвоприношения в жертву приносились птицы, чтобы те уничтожали кузнечиков, и молитва была обращена к самим птицам. В Моне во время вторжения римлян друиды поднимали руки и произносили молитвы об избавлении, в то же время проклиная захватчиков; подобным же образом, по свидетельству Тацита, боудика взывала к защите богини Андрасты. Священнослужительницы Сены пели песни, чтобы вызвать грозу, и их также пели воины до и после сражения, сопровождая это размеренным танцем и похлопыванием руками. Эти песни воинов были составлены бардами и, возможно, включали молитвы к богам войны и перечисление славных подвигов. Возможно, они также имели природу заклинаний, обеспечивающих помощь богов, подобно лозунгам, произносимым всем войском при звуке труб. Они состояли из имени бога, названия племени или клана и какой-нибудь известной фразы. Как считается, повторение божественного имени вынуждает бога помогать, так и эти крики имели магический аспект, хотя они также наводили ужас на противника. Воины предваряли сражение танцем, и на монетах они изображены танцующими верхом на лошади или перед мечом, которому кельты поклонялись. Кельтиберийский праздник на полнолуние полностью состоял из танца. Танец — это первобытный способ выражения религиозных эмоций, и там, где он имитирует определенные поступки, он предназначен для магического влияния, чтобы поступки увенчались успехом. Таким образом, это — своего рода динамическая молитва с магическими результатами.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

У кельтов существовал особый класс прорицателей, но друиды практиковали гадания, так же как и обычные миряне. Классические авторы говорят о кельтах как наиболее посвященных и наиболее опытных из всех народов в искусстве предсказаний. Предсказание с помощью человеческого жертвоприношения описано Диодором. На

жертву производили возлияния, а затем этого человека убивали и прорицали по способу его падения, движению его частей тела и по течению его крови. Гадания на внутренностях использовалось в Галатии, Галлии и Британии. Поведение зверей и птиц также могло быть предзнаменованием. Траектория бега выпущенного на свободу зайца предсказывала бриттам успех или неуспех, и в Ирландии использовались гадания при помощи жертвенных животных. Среди птиц наиболее популярной была ворона, и на барельефе в Компьене изображены две вороны, говорящие что-то в уши человека. Кельты верили, что ворона показывала, где должны быть основаны города, или снабжала средством против яда, или была арбитром в спорах. Артемидор описывает один спор, где участвовали две вороны. Пospорившие разложили две горсти конфет, по одной на каждого спорщика. Птицы спикировали на них, поедая одну и разбрасывая другую. Тот, чья горсть была рассыпана, побеждал в этом споре. Считалось, что птицы вели мигрирующих кельтов, и их полет давал предзнаменования, потому что, как серьезно сказал Дейотаурис, птицы никогда не лгут. Гадание по голосам птиц использовалось ирландскими друидами.

Существовали гадания по направлению дыма, пламени священных огней и по состоянию облаков. Во многих народных сказках друиды носили с собой палочки из тиса — «палочки друидизма» — и, возможно, использовали их в качестве прута для отыскания подпочвенных вод или металлов. На тисовых палочках были также вырезаны огамы, и по ним друиды гадали о скрытых вещах. С помощью этого средства друид Далан обнаружил, где бог Мидир скрыл Етайн. Метод, возможно, был основан на бросании жребия при помощи прутьев и последующем гадании по знакам на выпавшем. Подобный метод использовался для того, чтобы обнаружить, свободен путь или занят захватчиками. Предполагалось, что результат зависел от божественного вмешательства. Знание астрономии, приписываемое Цезарем друидам, возможно, было неотделимо от астрологии, и, хотя оно давало данные для вычисления простого календаря, его исполь-

зование было в значительной степени магическим. Ирландские прорицатели предсказывали подходящее время для строительства дома по звездам и подобным образом открыли дату когда следует начать воспитание святого Колумбы.

Имбас Фороснаи¹ («озарение между руками») использовалось Филе для того, чтобы обнаружить скрытые вещи. Он жевал кусок сырого мяса и помещал его в качестве пожертвования перед изображениями богов, от которых хотел помощи. Если просветление не приходило на следующий день, он произносил заклинания, держа перед собой ладони, которые он затем прикладывал к щекам перед засыпанием. Откровение приходило к нему во сне или иногда после пробуждения. Возможно, животное, мясо которого при этом съедалось, было священным. Еще одним методом было «Тейнм Лаэгха». Филе сочинял стих и повторял его над каким-нибудь человеком или вещью, о которых он искал информацию, или он прикладывал свой посох к телу человека и так получал то, что искал. Обряду предшествовало также жертвоприношение; поэтому святой Патрик запретил и этот метод, и Имбас Фороснаи. Еще одно заклинание — кетнад — напевалось сквозь кулак, чтобы обнаружить след украденного скота или самого похитителя. Если это не приносило просветления, Филе ложился спать и получал знание в сновидении. Еще один кетнад для получения сведений насчет продолжительности жизни был обращен к семи дочерям моря. Возможно, это заклинание повторялось механически до тех пор, пока провидец не впадал в своего рода транс. Также континентальными кельтами использовались предсказания по сновидениям.

Другие методы похожи на «высказывания в транс». Воображение затуманивало сознание так, что бард засыпал глубоким сном, и ему являлись рожденные магией мысли, которые он высказывал. Это называлось «озарение рифмами», и подобный метод использовался в Уэльсе.

¹ Имбас Фороснаи — гадание Фионна, жевавшего большой палец руки.

Когда у провидца спрашивали совет, он яростно ревел, пока был вне себя, и из его бредовых восклицаний собирали желаемую информацию. После пробуждения из этого экстатического состояния он совершенно не помнил, что говорил. Гиральд сообщает об этом и считает, следуя современным спиритуалистам, что эти высказывания порождали духи. Поразительна схожесть современных «высказываний в трансе» и подобных методов, использовавшихся дикарями. Психологическая наука усматривает в этом работу подсознательного «я» в состоянии сна.

Тагхаирм горцев был пережитком с языческих времен. Провидца обычно обвертывали коровьей шкурой; животное, как можно догадаться, в более ранние времена было жертвоприношением. Провидца оставляли в пустынном месте, и, пока он спал, духи, как предполагалось, навевали ему сновидения. Божество вступало в контакт с человеком в шкуре жертвенного животного, в которую этот человек был облачен, а следовательно, и с самим божественным животным, которое рассматривалось божеством как жертва, ему предлагаемая. Это — широко распространенный обычай. Согласно кельтскому обычаю, вступление в контакт с божеством через шкуру порождает просветление. По подобной причине ирландцы жертвовали овцу ради выздоровления больного и одевали больного в ее шкуру. Связывание конечностей провидца — это также широко распространенный обычай, возможно, для ограничения его конвульсий или концентрирования душевной силы.

Как у континентальных, так и ирландских кельтов те, кто искал сокровитное знание, засыпали на могилах, надеясь быть вдохновенными духами мертвых. В легенде рассказывается, что, как была потеряна полная версия «Тайн», Филе Мурган пропел заклинание над могилой Фергуса Мак Ройга, облако скрыло его на три дня, и в течение того времени ему являлся мертвец и рассказывал сагу.

В Ирландии и Нагорье гадание по лопатке овцы использовалось для того, чтобы открыть будущие события или узнать события, происходящие на расстоянии, — пережитки с языческих времен. Комментатор Лукана опи-

сывает друидский метод жевания желудей и последующего прорицания, так же как в Ирландии вдохновение давало поедание орехов со священных орешников вокруг источника Коннлы. Священнослужительницы Сены и друидессы III века имели дар пророчества, и это также легко приписывалось филидам, друидам и христианским святым. Друиды, как считают, предсказали пришествие святого Патрика, и подобные пророчества помещали в уста Фионна и других, так же как священники Монте-сумы предсказали приход испанцев. Слово, используемое для таких пророчеств — «баиле», — означает «экстаз», и это предполагает, что пророк вводил себя в транс и произносил свое прорицание. Гадали также при рождении ребенка на его судьбу. Пристальное внимание уделялось высказываниям друидских пророков, например, воины Медб отложили свою экспедицию на пятнадцать дней, потому что друиды сказали им, что те не добьются успеха, если отправятся раньше.

Мифические персонажи или божества, как говорится в ирландских текстах, при произнесении пророчеств или заклинаний стоят на одной ноге, с протянутой одной рукой, с одним закрытым глазом. Подобная поза известна и в других местах и, возможно, была предназначена для того, чтобы сконцентрировать в пророке еще большую силу. Из-за этой позы, возможно, и появились мифы о существах с одной рукой, одной ногой и одним глазом, подобных фоморам или фаханам, сверхъестественный портрет которых Кэмпбелл из Ислэя составил на основе устных описаний.

Ранние кельтские святые иногда называют вероотступничество в язычество в Ирландии не «идолопоклонством», а колдовством, присутствующим в амулетах и фидланна, возможно, своего рода гаданиях по кускам древесины. Но гораздо более вероятно, что в действительности это никогда не прекращалось. Люди применяют примитивные обряды религии и магии еще долго после того, как они отказываются от «идолопоклонства».

Глава 17

ТАБУ

Ирландский *гейс* (во мн. ч. *гейса*), который можно перевести как табу, имел два смысла. Он означал нечто такое, что нельзя было совершать под страхом гибельных последствий, а также обязательство сделать то, что было приказано кем-то другим.

Как табу *гейс* имел в ирландской жизни большое значение и, вероятно, был известен и другим ответвлениям кельтов. Всюду, где обнаруживаются *гейса*, они имеют общие черты. Иногда *гейс* налагался перед рождением, был наследственным, или тотемическим. Однако часто возникали легенды, в которых давалось другое объяснение *гейса*, и намного позже обычаи, в которых они возникли, были забыты. Одним из *гейса* Диармайда было не охотиться на кабана Бен Гулбана, и, вероятно, он был тотемическим по происхождению. Диармайд нарушил это табу и был убит. Другие *гейса* — *гейс* Кухулина не есть плоть собак и *гейс* Конайре никогда не охотиться на птиц — также являются тотемическими.

Религиозные запреты, о которых упоминает Цезарь, тоже могут рассматриваться как табу. Хотя военные трофеи и некоторых животных бритты помещали в освященное место, они явно подлежали табу.

В некоторых случаях *гейса* были основаны на идеях справедливого и несправедливого, чести или позора и были предназначены для того, чтобы предотвратить неудачные дни. Другие остаются для нас непостижимыми. Наибольшее количество *гейса* касалось правителей и вождей, и они описаны, наряду с их соответствующими привилегиями, в «Книге прав». Некоторыми из *гейса* королю

Коннахту запрещалось ходить на собрание женщин в Лигхэар, сидеть осенью на могильном холме жены Мэйна, выезжать в пестро-сером одеянии на крапчатой лошади на пустоши Круахана и т. п. Значение этих *гейса* неясно, но другие примеры показывают, что все они похожи на соответствующие табу, применяемые к вождям в примитивных обществах, которые часто являются магами, священниками или даже божественными представителями. От них зависит благосостояние племени, количество дождей или солнечных дней, процессы роста. Поэтому они должны быть осторожны в своих поступках и подчиняться запретам табу, которые напрямую связаны с их могуществом. Из таких представлений и возникли ирландские *гейса*. Их соблюдение делало землю плодородной, порождало изобилие и процветание и хранило вождя и его племя от бед. В более поздние времена они, как предполагалось, зависели от «праведности» или «неправедности» короля, но это был отход от более древней идеи, которая ясно утверждается в «Книге прав». Короли были богами, они могли есть только определенную пищу или находиться только в определенных местах в определенные дни. В примитивных обществах вожди и священники часто запрещали простым смертным питаться теми продуктами, которые они ели сами, налагая на них табу, а в других случаях плоды земли могли быть съедены только после того, как вождь или священник отведал их церемониальным образом. Возможно, это происходило и в Ирландии. Отдельные места, возможно, были священными, и их посещал только вождь в определенное время и в своем священном статусе.

Как отражение этого положения вещей, герои саг Кухулин и Фионн имели многочисленные *гейса*, применяемые ими к себе, причем одни из них были религиозными, другие — магическими, а третьи были основаны на примитивных идеях чести или, возможно, были просто вымыслом рассказчиков.

Гейса, в смысле табу или обязательств, могли быть наложены любым, и им нужно было повиноваться, так как неповиновение вело к катастрофическим последствиям.

Вероятно, *гейса* были построены как заклинания или заговоры, и им полностью верили, повиновение им было само собой разумеющимся. Примеры таких *гейса* в ирландской литературе многочисленны. Тесть Кухулина налагает на него *гейса*, чтобы тот не знал покоя до тех пор, пока не выяснит причину изгнания сыновей Доэла. Грайinne налагает *гейса* на Диармайда, чтобы тот тайно сбежал с нею, и он сделал это, хотя поступок был ему противен.

Наказание у дикарей, которое, как предполагается, следует за нарушением табу, часто порождалось благодаря самовнушению, когда табу было неосознанно нарушено, и впоследствии это обнаружилось. Страх вызывал последствие, которого боялись. Однако считалось, что последствие было божественным отмщением. В случае с ирландскими *гейса* наказание и смерть обычно следовали за их нарушением, как в случае с Диармайдом и Кухулином. Но наилучший пример встречается в истории «Разрушение Приюта Да Дерги», в котором народу сидхе было отмщение за поступок Эохайда, вызвавший гибель его потомка Конайре, который вынужден был нарушить свои *гейса*. Эта история, рассматриваемая как действие божественного возмездия отдаленному потомку того, кто был вынужден нарушить свои табу, является одной из самых ужасных во всей ирландской литературе.

Глава 18

ПРАЗДНИКИ

Кельтский год поначалу не был упорядочен по солнцестояниям и равноденствиям, а неким образом был связан с сельскохозяйственными сезонами или временами года. Позже год состоял из лунных циклов, и есть некоторые свидетельства в пользу стремления кельтов синхронизировать солнечное и лунное время. Но время измерялось главным образом по Луне, и во всех вычислениях ночь предшествовала дню. Так, *oidhxe* Самайн был в ночь, предшествующую Самайну (1 ноября), а не в следующую ночь. Этот обычай сохранился в слове «sennight» («неделя») и «fortnight» («две недели»). В древние времена год имел два, возможно, три периода, отмечавшие сезоны скотоводческой или сельскохозяйственной жизни, но впоследствии он был разделен на четыре периода, и начало года было зимой, сразу после Самайна. Двойное деление, в свою очередь подразделяемое надвое, встречается в ирландских текстах и может быть сведено в таблицу следующим образом:

А. ГЕЙМРЕД (зимняя половина)

1-я четверть — Геймред — начинающаяся с праздника Самайн, 1 ноября

2-я четверть — Эаррах — начинающаяся 1 февраля (иногда называлась Оймелк)

Б. САМРАД (летняя половина)

3-я четверть — Самрад — начинающаяся с праздника Бельтайн, 1 мая (называлась также Сет-соман или Сет-самайн), 1-й день Самоно-с (срав. с уэльским Синтефином)

В. САМРАД (летняя половина)

4-я четверть — Фогхамхар — начинающаяся с праздника Лугназад, 1 августа (иногда называлась Брантрогхайн).

Эти четверти начинались с праздников, и явные следы трех из них встречаются во всем кельтском регионе, но четвертый теперь слился с Днем святой Бригит. Бельтайн и Самайн знаменовали собой начало двух больших времен года и, возможно, были поначалу подвижными праздниками, в соответствии с тем, как раньше или позже появлялись признаки лета или зимы. С принятием римского календаря некоторые из праздников были заменены, например, в Галлии, где календы января заняли место Самайна и в связи с этим был перенесен ритуал.

Ни один из этих четырех праздников не был связан со временем равноденствия и солнцестояния. Это указывает на тот факт, что первоначально кельтский год был независим от них. Но день летнего солнцестояния соблюдался не только кельтами, но и большинством европейских народов, а ритуал был похожим на ритуал Бельтайна. Он соблюдался, и старая традиция в Ирландии дает некоторое подтверждение той теории, что под влиянием христианства старый языческий праздник Бельтайн слился с праздником Иоанна Крестителя в день летнего солнцестояния. Но, хотя в ритуале дня летнего солнцестояния и есть христианские элементы, указывающие на стремление уподобить его церковному обряду, в нем сильно заметны и языческие элементы, и по всей Европе истоки этого праздника коренятся в раннем язычестве. Без особого знания астрономии люди, должно быть, с древнейших времен отмечали период самого длинного пути Солнца по небу, и, вероятно, он соблюдался ритуально. Праздники Бельтайна и дня летнего солнцестояния, возможно, возникли и существовали независимо друг от друга. Или же Бельтайн, возможно, был древним скотоводческим праздником, знаменующим собой начало лета, когда крупный рогатый скот выходил на пастбища, а день летнего солнцестояния был скорее сельскохозяйственным праздником.

А поскольку их ритуальный аспект и цели, наблюдаемые в народных традициях, подобны, они, возможно, в конечном счете многое заимствовали друг у друга. Или же позже они были разделены фиксированными датами ранее подвижного летнего праздника. Для нашей цели мы можем здесь считать их двумя половинами одного праздника. Там, где день летнего солнцестояния уже соблюдался, влияние римского календаря утвердило это соблюдение. Праздники христианского года также воздействовали на более древние обычаи. Часть ритуала была передана дням святых в диапазоне дней языческого праздника. Так, ритуал Самайна стал соблюдаться в День святого Мартина. В других случаях церковные праздники заняли место старых праздников: День Всех Святых и Всех Душ вместо Самайна, День святой Бригит — вместо 1 февраля, День Иоанна Крестителя — вместо дня летнего солнцестояния, праздник урожая — вместо Лугназада, и были сделаны попытки если не изгнать, то освятить более древние ритуалы.

Следы кельтских праздников, прежде всего связанных с сельскохозяйственной и животноводческой жизнью, мы обнаруживаем в сохранившихся религиозных и магических представлениях о силах природы, способствующих росту и плодородию. Доказательство этого можно обнаружить при исследовании нравов, связанных с зими кельтскими праздниками.

САМАЙН

Самайн¹, знаменующий начало кельтского года, был важным социально-религиозным событием. Уже господствовали в природе силы увядания, однако не был забыт будущий триумф сил роста и обновления. Вероятно, Самайн вобрал в себя другие ранее встречавшиеся праздни-

¹ Слово «Самайн» может означать «конец лета», происходит от «сам», «лето» и «фуин», «закат, или конец», но доктор Стокс считает, что «самани» означает «собрание», то есть собрание людей на празднике.

ки. Таким образом, он имеет черты праздника урожая, а также следы более древнего праздника урожая, который отмечался, когда кельты оказались в странах, где урожай не собирали до поздней осени. Однако обряды, связанные с урожаем, возможно, были связаны скорее с молотью, чем со сбором. Самайн также содержит в своих ритуалах черты старых скотоводческих культов, хотя как новогодний праздник он сходен со всеми праздниками, знаменующими *начало*.

На Самайн в каждый дом вносили новый огонь от священного костра, вероятно разожженного трением кусков древесины. Это сохраняло его чистоту, необходимую для праздника начал. Устранение старых огней было, вероятно, связано с различными обрядами изгнания злых духов, которые у многих народов обычно проводятся на новогодний праздник. Таким образом, Самайн был приближен к Рождеству, возжигание бревна на Рождество, возможно, первоначально было связано с этим праздником.

На этом празднике происходили гадания и предсказания судеб на грядущий год. Иногда это было связано с костром — по положенным в него камням угадывали будущее, ожидающее их владельцев. Другие гадания, подобные описанным Бёрнсом в его «Хеллоуине», не были связаны с костром и имели эротическую природу.

Забой животных для зимнего употребления, который происходил в Самайн, или, как в настоящее время, в День святого Мартина, хотя и был связан с экономическими причинами, однако имел отчетливый религиозный аспект, как у тевтонцев. В Ирландии издавна одно из животных приносили в жертву святому Мартину, который, возможно, занял место бога, и несоблюдение этого обычая влекло за собой несчастья. Забой сопровождался общим пиром. Этот более поздний забой, возможно, восходит к пастушеской стадии кельтской религии, когда животные считались божественными, и одного ежегодно убивали и съедали в священном обряде. Но позже, когда животным перестали поклоняться, забой стал, конечно, общим, хотя сохранялись следы его первоначального характера. Скотоводческое таинство, возможно, также было связано с

убийством и поеданием животного, представляющего дух зерна во время урожая. В одной легенде святой Мартин ассоциируется с животным, убитым в День святого Мартина, и, как считают, был зарезан и съеден в виде быка, как будто первое божественное животное стало антропоморфным божеством, а последнее соединилось с личностью христианского святого.

Другие обряды, связанные с календами января, имели такой же характер. В Галлии и Германии происходили шумные процессии с участием мужчин, облаченных в головы и кожи животных. Этот обряд, как считается, был привнесен Тилле из Италии, но, вероятнее, был исконной традицией. Поскольку люди съедали плоть убитых животных в священном обряде, они облачались в кожи, чтобы усилить контакт со своим божеством. Обход поселка по часовой стрелке в облачении из коровьей шкуры до недавнего времени происходил на Гебридах в Новый год, при этом, чтобы отпугнуть бедствия, кусок шкуры сжигали, а дым вдыхался всеми людьми и животными в поселке. Подобные обряды встречаются и в других кельтских районах и едва ли могут быть отделены от священного заоя в Самайн.

Проведением ритуала в Новый год можно было избавиться от многих бедствий. Поэтому у примитивных народов Новый год часто характеризуется оргиастическими обрядами. Они происходили в календы в Галлии и были осуждены христианскими соборами и проповедниками. В Ирландии веселье в Самайн часто упоминают в текстах, и подобные оргиастические обряды проводятся в канун Дня Всех Святых в Шотландии с той вольностью, которая до сих пор разрешается молодежи в самых тихих городках Западного Нагорья.

Самайн, как было отмечено, был также праздником мертвых, чьи духи питались в это время.

Поскольку зимой силы роста были в опасности и в состоянии затухания, люди считали, что необходимо помочь им. В качестве магической помощи костер Самайна был главным средством, и его до сих пор возжигают в Нагорье. Повсюду ходили с факелами, и от них в каж-

дом доме зажигали новые огни. На Севере уэльсцы прыгали через огонь и, когда он потухал, убегали, чтобы убежать от «черной свиньи», которая хватала самого последнего. Костер символизировал Солнце и был предназначен для того, чтобы усилить его силу. Но, представляя Солнце, костер давал силу тому, кто перепрыгивал через него. Уэльское упоминание о самом последнем убегающем от «черной свиньи» указывает на человеческое жертвоприношение, возможно, любого, кто спотыкался, прыгая через огонь. Китинг говорит о друидском жертвоприношении на костре, не важно — человека или животного. Возможно, жертва, подобно козлу отпущения, была ослаблена накопившимися за год бедствиями, как в подобных новогодних обычаях в других местах. В более поздние времена религия рассматривала жертву (если было жертвоприношение) как предлагаемую силам зла, например, «черной свинье», если это животное не является реминисценцией верований в духа зерна в его вредоносном аспекте. Более ранние силы роста или упадка стали связываться с Самайном как демонические существа — «стаи злобных птиц», которые губили зерновые культуры и убивали животных, *самханах*, которые крали детей, и привидения Монгфинд, к которым «женщины и простонародье» обращаются с прошениями в канун Самайна. В это время были особенно активны ведьмы, злонамеренные феи и мертвые.

Хотя жертва стала рассматриваться как предлагаемая силам упадка, некогда она, возможно, представляла божество роста или, в более ранние времена, дух зерна. Такую жертву убивали во время сбора урожая, а сбор урожая в северных кельтских областях часто был поздним, в то время как убийство иногда связывалось не со сбором урожая, а с более поздней молотьюбой. Это привело бы его близко по времени к празднику Самайн. Ритуал заклятия духа зерна произошел от более раннего ритуала заклятия дерева или духа растительности, воплощенного в дереве, а также в человеческой или животной жертве. Дух зерна был воплощен в последнем сжатом снопе, а также в животном или человеческом существе. Эта человеческая

жертва, возможно, выбиралась в короли, поскольку в поздней народной традиции лжекороля выбирали в зимние праздники. В других случаях изображение святого подвешивали и обносили вокруг различных домов, оставляя в каждом часть одежды. Святой, возможно, унаследовал традиционный ритуал божественной жертвы. Также в этом народном обычае сохранились черты первобытного ритуала, в котором дух зерна рассматривался как женский, а женщина — как его человеческий представитель. Последний сноп называется Девой, или Матерью, хотя, как, например, в Нортamptonshire, девушки выбирают королеву в День святой Катерины, 26 ноября, а в некоторых рождественских театрализованных представлениях присутствует «жена Рождества», соответствующая Королеве Мая, летнего праздника. Люди наряжались так же, как женщины в календы. Даты этих сохранившихся обычаев можно объяснить уже указанным смещением праздника Самайн. Эта точка зрения на человеческие жертвоприношения подтверждается ирландскими пожертвованиями фоморам — богам роста, позже считавшимся богами упадка, и Кромму Круайху, в обоих случаях во время Самайна. С развитием религиозной мысли заклятие жертвы стало рассматриваться как пожертвование злым силам.

Этот аспект Самайна как праздника, способствующего веселью, замечается также в вере в повышенную активность фей в это время. В Ирландии феи связаны с Туата Де Дананн, божествами роста, и во многих народных сказаниях они связаны с сельскохозяйственными работами. Использование вечнозеленых растений в Рождество, возможно, также связано с тем, что их обносили вокруг полей в древние времена, как свидетельство того, что жизнь природы не угасла.

Таким образом, Самайн по происхождению можно рассматривать как древний животноводческий и сельскохозяйственный праздник, который со временем стал рассматриваться как способствующий силам роста в их борьбе с силами упадка. Возможно, какой-то миф, описывающий эту борьбу, может лежать в основе истории сражения при Маг Туиред, произошедшего в Самайн между Туата Де Да-

нанн и фоморами. Хотя зимой торжествовали силы упадка, Туата Деа изображаются как победители, хотя они переносят потери и смерть. Возможно, это свидетельствует о вере в вечный триумф жизни и роста над упадком и увяданием, или же это может быть результатом того, что Самайн был также и временем радости по поводу собранного урожая, и причитанием по поводу грядущего господства зимы и сил упадка.

БЕЛЬТАЙН

В «Глоссарии» Кормака и других текстах слово «Бельтайн» рассматривается как происходящее от «бел-тене», то есть «красивый огонь», или от «бел-дине», потому что новорожденный (*дине*) скот приносился в жертву богу-идолу Белу. Последнему поклонялись те, кто верил в кельтского Белуса, связанного с Ваалом. Однако такой бог не известен, и бог Беленос никоим образом не связан с семитским божеством. М. Д'Арбуа предполагает, что это неизвестный бог смерти Белтене (от «белту» — «умирать»), в честь которого был праздник Бельтайн. Но Бельтайн был праздником жизни, Солнца, сияющего во всю свою силу. Доктор Стокс приводит более приемлемое объяснение этого слова. Его примитивная форма была «бело-те[п]ния», от «бело-с», то есть «ясный», «сияющий», корня имен Беленос и Белесама, и «те[п]нос», «огонь». Таким образом, это слово означало что-то вроде «яркий огонь», возможно, Солнце или костер или и то и другое одновременно.

Народные пережитки в виде праздников Бельтайна и дня летнего солнцестояния показывают, что оба они были предназначены для того, чтобы способствовать плодородию.

Одним из главных ритуальных деяний в Бельтайн было возжигание костров, часто — на холмах. Костры часто гасли, их поджигали посредством трения от вращающегося колеса — немецкий «костер». Огонь отпугивал болезни и бедствия, поэтому через него прогоняли скот или, согласно Кормаку, между двумя огнями, зажженны-

ми друидами, чтобы сохранить его здоровым в течение всего года. Иногда огонь зажигали под священным деревом, или столб, покрытый зеленью, окружали топливом, или дерево сжигали в костре. Эти деревья сохранились в виде майского дерева в более поздней традиции, и они символизируют дух растительности, которому верующие уподобляли себя, одеваясь в листья. Они танцевали по часовой стрелке вокруг костра или пробегали по полю с пылающими веточками или пучками соломы, подражая движению Солнца. Возможно, по той же причине через поля несли само дерево. Дома были украшены ветвями и таким образом защищены духом растительности.

Возможно, убивали животное, представляющее дух растительности. Следы ритуалов Бельтайна сохранились в Дублине, где в огонь бросали череп и кости лошади, что было уменьшенной формой более раннего жертвоприношения или заклятия божественной жертвы, благодаря чему сила передавалась всем животным, которые проходили через огонь. В некоторых случаях, возможно, в жертву приносили людей. Остатки этого культа сохранились в Пертшире в XVIII веке, когда торт делили на части и раздавали, и человек, который получал некоторый почерневший кусок, назывался «Бельтайн карлайн», или «посвященный». Совершалось притворное бросание его в костер, или он должен был три раза прыгнуть через него, и во время праздника о нем говорили как о «мертвом». Мартин говорит, что на костре сжигали преступников, и, хотя он не цитирует никого из авторитетных авторов, это согласуется с кельтским обычаем использовать преступников в качестве жертвы. Возможно, эта жертва была одно время человеческим представителем духа растительности.

Торты или пресные лепешки Бельтайна, возможно, делались из зерна священного последнего снопа от предыдущего урожая и поэтому были ритуальными. Они по-разному использовались в сохранившихся народных обычаях. Их скатывали вниз со склона, что было магическим подражательным действием, символизирующим движение Солнца по небу. Торт использовался также для гадания.

Если он ломался при достижении подножия склона, то это указывало на приближающуюся смерть его хозяина. По другой традиции в Пертшире часть торта бросали поверх плеча со словами: «Это я даю тебе, храни моих лошадей; это — тебе, храни моих овец; это — тебе, о лиса, храни моих ягнят; это — тебе, о хохлатая ворона; это — тебе, о орел». Здесь наблюдается обращение к благотворным и вредоносным силам, независимо от того, было ли это первоначальным замыслом обряда. Но если торт был сделан из последнего снопа пшеницы, то, возможно, некогда его съедали в священном обряде, а его жертвенное использование появилось позже.

Костер был магическим образом, представлявшим Солнце и помогавшим ему. Заклинания дождя также использовались на празднике Бельтайн. Люди посещали священные источники и с их водами совершали церемонии, возможно опрыскивая дерево или поля, чтобы способствовать обильным ливням. Использование таких ритуалов в Бельтайн и в другие праздники, возможно, дало начало вере в то, что источники были особенно эффективны для целей исцеления. Традиция катания на траве, чтобы получить пользу от майской росы, была, вероятно, связана с магическими обрядами, в которых важную роль играла влага.

Возможно, на празднике Бельтайн была ритуально представлена идея о том, что силы роста должны успешно бороться с силами упадка. В этих целях проводились раздражительные битвы Лета и Зимы. Опять же майские король и королева символизировали более древних персонажей, которые воплощали духов растительности и плодородия на этом празднике и чей брак или союз магически способствовал росту и плодородию. Можно предположить, что значительная вольность половых отношений также имела ту же магическую цель. Священный брак и праздничная оргия были обращением к силам природы, чтобы оказать им магическую помощь. Можно предположить, что первоначально король праздника мог быть вождем-священником, воплощением духа растительности. Его или его заместителя убивали, в то время как его телесная сила считалась не-

ослабшей и передавалась его преемнику. Но постоянное место, отводимое Королеве Мая, а не королю, свидетельствует о главенствующем месте в таких обрядах женщин и женских духов плодородия или великой Матери-богини. Также важно то, что в ритуале в Пертшире избранный человек до сих пор называется «Бельтайн карлайн», или «кайллеах» («старуха»). И если, как утверждает профессор Пирсон, ведьминские оргии — это пережитки старых эротических праздников, то народные верования в активность ведьм в канун Бельтайна также показывают, что этот праздник некогда был праздником, в котором принимали участие главным образом женщины. Такие оргии часто происходили на холмах, которые в прежние времена были местами культа.

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Ритуал праздника дня летнего солнцестояния существенно не отличался от ритуала Бельтайна, и, как показывают народные пережитки, он выполнялся не только кельтами, но и многими другими европейскими народами. Фактически это был первобытный праздник природы, какой можно наблюдать в подобных обстоятельствах. Костер был в центре обряда этого праздника, общинная природа которого заметна в том факте, что все присутствующие должны подбрасывать в огонь поленья. В отправлении местных, сохранившихся позже обычаев присутствовали мэр и священник, представляя более древнего местного вождя и священника, в то время как служба в церкви предшествовала движению процессии к месту костра. Обычно происходил танец по часовой стрелке вокруг огня в сопровождении песен, которые, вероятно, заняли место гимнов или напевов в честь бога Солнца, а подражание направлению движения Солнца, возможно, было предназначено для того, чтобы сделать это действие более мощным. Чем ярче был танец, тем лучше был урожай. Огонь символизировал Солнце, обладающее очищающими и ободряющими силами, поэтому считалось, что прыжки через костер предохраняют от болезней, прино-

сят удачу или избавляют от бесплодия. Через огонь проводили также и скот. Но если кто-то споткнулся в момент прыжка, за ним, как предполагалось, следовала неудача. Он был посвящен *фадетам* или духам и, возможно, подобно «посвященной» жертве Бельтайна, раньше его приносили в жертву. Разумеется, во многих сохранившихся обычаях встречаются животные жертвы, эти жертвы часто помещают в корзины из ивовых прутьев и бросают в огонь. В других районах в процессии несли большие человеческие изображения из ивы и сжигали.

Связь таких жертвоприношений с периодическими убийствами представителя духа растительности была отмечена Маннхардтом и доктором Фрейзером. Как было замечено, периодические жертвоприношения ради увеличения плодородия земли упоминаются Цезарем, Страбонном и Диодором. Людей и животных заключали в большие корзины из ивовых прутьев и сжигали. В других местах изображения человеческой фигуры, сделанные из ивовых прутьев, могли быть также связаны с обычаем украшать зеленью человеческих представителей духа растительности. Сожжение жертв могло рассматриваться как след более древнего обычая заклания жертвы, являющейся воплощением духа растительности. Это заклятие постепенно стало рассматриваться как жертвенное. Поскольку люди все еще верили в благотворное действие жертвоприношения на процессы роста растительности, они привыкли думать, что наилучший эффект достигался, если приносилось множество жертв. Жертв сжигали на костре, символизировавшем Солнце, и таким образом совершались пожертвования одновременно и богу Солнца, и духу растительности.

Для кельтов дух растительности идентифицировался с духом дерева, который обладал властью над дождем, цветением и всеми видами плодородия. По этой причине дерево занимало выдающееся место и в день летнего солнцестояния, и в Бельтайн. Его несли в процессии, передавая его благотворное влияние каждому дому или полю. С той же целью его ветви прикладывали к каждому дому. Затем его сжигали или устанавливали в нужном месте,

чтобы обеспечить прирост растительности в течение всего года, и во время следующего праздника летнего солнцестояния его сжигали. Возможно, священным деревом был дуб, и, как было ранее замечено, обряд, связанный с омелой, вероятно, проводился в канун дня летнего солнцестояния и предвещал срубание священного дерева, чтобы гарантировать сохранение жизни или души дерева, которое сначала нужно было защитить, а уж потом срубить. Жизнь дерева продолжалась и зимой, когда само дерево, казалось, было мертвым. Такие верования, поскольку это касалось души или жизни, сохранились в сказочных преданиях и до недавнего времени были живы среди дикарей.

Сохранившиеся народные обычаи показывают, что человеческого или животного представителя духа растительности, ассоциировавшегося с деревом, также убивали или сжигали вместе с деревом. Таким образом, срывание омелы рассматривалось как предвещающее заклание человеческой жертвы, которая, подобно дереву, считалась представителем духа растительности.

Поскольку, согласно религиозным представлениям кельтов, огонь обладал целительными и оплодотворяющими силами, — теми же силами обладали пепел или плоть жертв. Уголья от костра, как и дерево, несли через поля или деревни, их помещали в поля или в дома, где они тщательно сохранялись в течение всего года. Все это помогало росту и процветанию, так же как дым огня, плывущий над полями, порождал плодородие. Пепел от костра и, возможно, обожженные кости или даже плоть жертв рассеивали над полями или сохраняли и смешивали с зерном. При этом часть плоти, возможно, съедали ритуальным образом, поскольку Плиний упоминает о вере кельтов в то, что поедание человеческой плоти было полезным для здоровья.

В каменном веке, как у многих дикарей, круг символизировал Солнце, и как только было изобретено колесо, его вращательное движение сразу стало ассоциироваться с движением Солнца. В «Эдде» Солнце — это «прекрасное, сияющее колесо», и подобные выражения встречаются также в

«Ведах». У кельтов солнечное колесо было любимым символом, и это заметно по различным обычаям во время праздника летнего солнцестояния. Горящее колесо скатывали вниз со склона, или катили через поля, или с горящими факелами кружили вокруг поля, чтобы создать впечатление огненного колеса. Подобные обряды могли совершаться не только в день летнего солнцестояния, но и в другое время, когда надо было отразить бедствие, обнося огонь вокруг домов или полей, вокруг скота или вокруг ребенка по часовой стрелке. Пылающее колесо или остатки от сгоревших угольев, брошенных на ветер, также способствовали изгнанию накопившегося зла.

Таким образом, Бельтайн и день летнего солнцестояния выглядят как две половины древнего весеннего или летнего праздника, в целях обеспечения плодородия и здоровья. Это осуществлялось посредством убийства духа растительности в его представителе — дереве, животном или человеке. Смерть духа активизировала энергии земли и человека. Огонь также магическим образом помогал движению Солнца. Пережитки этих древних обрядов были обнаружены во всех кельтских областях, и с ними постоянно борется церковь. Но хотя они продолжают существовать, их истинное значение забыто, и они совершаются ради удачи или из чистого консерватизма. Иногда им придается христианский аспект, например, путем соединения обрядов со службами церкви или присутствия на них духовенства. Но их истинная природа — языческая, и никакая видимость христианства не может этого полностью скрыть.

ЛУГНАЗАД

1 августа, в середине интервала между Бельтайном и Самайном, у кельтов был важный праздник. В христианские времена этот день стал праздником урожая, но его название до сих пор сохраняется в ирландском языке как Лугназад, в галльском языке как Лунасдал или Лунасдуинн, и на острове Мэн как Лаа Луанус, и он до сих пор

во многих регионах отмечается в виде ярмарки или праздника. Раньше в этот день проводились собрания в удобных центрах не только для религиозных целей, но и для торговли и удовольствия, разумеется насыщенные религией. «Вся Ирландия» встречалась в Таиллти, так же как «вся Галлия» встречалась в Лугудунуме («город Луга»), или Лионе, в честь Августа, хотя раньше праздник отмечали в честь бога Луга. Этот праздник был здесь романизован, как и в Британии, где его название выглядит как «Гоэл-аоуст», «Гул-аустус» и «Гвил Авст», теперь «августовский праздник», но раньше «праздник Августа», что заменило название, соответствовавшее Лугназаду.

Кормак объясняет название «Лугназад» как праздник Луга Мак Этлена, отмечаемый им в начале осени, а в «Реннес Диндсенхас» его происхождение объясняется тем, что кормилица Луга Таильтиу умерла в календы августа, и Луг руководил траурным собранием, которое стало проводиться ежегодно в этот день на ее могиле. Таким образом, Луг был основателем своего собственного праздника, ибо то, что это был его, а не Таильтиу, праздник, ясно из того, что с этим праздником связано его имя. Лугназад был языческим праздником урожая, часть ритуала которого передана Самайну. Люди радовались богу Солнца — возможно, Луг обладал этим характером, — который помогал им выращивать то, от чего зависела их жизнь. Также в этот праздник заключались браки, возможно, потому, что люди имели теперь больше свободного времени и больше средств для вступления в брак. По-видимому, праздничное веселье сочеталось с любовными утехами, сельскохозяйственные регионы были печально известны своей безнравственностью. Некоторые свидетельства указывают на связь этого праздника с браком Луга, хотя он был аллегоризирован. Возможно, мы имеем здесь намек на обряд священного брака с целью магического оплодотворения полей перед лицом посева в следующем году.

Должное проведение праздника требовало изобилие зерна, плодов, молока и рыбы. Возможно, соблюдение ритуала включало в себя сохранение последнего снопа пшеницы как представляющего дух зерна, а также отдачу

части его скоту, чтобы укрепить его силы, и смешивание его с зерном для посева в следующем году, которое передаст ему силу духа зерна. Вероятно, это также включало заклатие животного или человеческого воплощения духа зерна, чья плоть и кровь оживляли почву и таким образом порождали изобилие в следующем году, а при причащении приносило верующим благословение. Считалось, что пренебрежение такими обрядами приводит к нехватке урожая. Это также объясняется, как уже предполагалось, почему этот праздник был связан со смертью Таильтиу или Карман. Богиня-царица Таильтиу и женщина Карман некогда были богинями зерна, развившимися из более примитивных духов зерна и убиваемыми в праздник в своих женских обличьях. История их смерти и похорон на празднике была смутным воспоминанием об этом древнем обряде, и, поскольку праздник был связан с богом Солнца Лугом, его легко связать с более древней богиней. В других местах этот праздник, в своем мемориальном аспекте, был связан с вождем, возможно, потому, что мужские жертвы стали представителями бога зерна, который занял место богини.

Часть ритуала этих праздников иллюстрируется рассеянными у классических авторов сообщениями, и в целом они подтверждают нашу теорию, согласно которой праздники начались с женского культа духов или богинь плодородия. Страбон говорит о жертвах, предлагаемых Деметре и Коре, согласно ритуалу, который соблюдали в Самофракии, на острове возле Британии, то есть к ним приравнивались местные богини. Он также описывает ритуал намнитских женщин на острове реки Луары. Они назывались вакханками, потому что умиловивляли Бахуса мистериями и жертвоприношениями, иными словами, они соблюдали оргиастический культ бога, приравниваемого к Бахусу. Ни один мужчина не должен был ступить на остров, но один раз в год женщины позволяли это для половых сношений с другим полом. Один раз в год у храма бога снимали крышу и снова накрывали перед закатом. Если какая-либо женщина роняла свою ношу (и говорится, что это происходило всегда), ее тут же разрывали на

куски, а части ее тела обносили вокруг храма. Дионисий Перигетес говорит о том, что женщины короновали себя плющом и с большим шумом праздновали свои мистерии ночью в честь Земли и Прозерпины. Плиний также упоминает о британских обрядах, в которых принимали участие обнаженные женщины и девочки, а их тела были покрыты синей краской, получаемой из вайды.

В более позднее время святой Григори Турский говорил об изображении богини Бересинтии, убиравшей мусор на улицах, полях и виноградниках Августодунума в дни ее праздника или когда поля находились под угрозой нехватки урожая. Люди танцевали и пели перед ним. Это изображение было закрыто белым покрывалом. Бересинтия, как догадался профессор Энвил, была богиней Бригинду, которой поклонялись в Вэлнэе.

Все эти обряды были обращены к божествам плодородия. Но в обычаях, связанных с урожаем, в кельтской Шотландии и в других местах два снопа пшеницы назывались соответственно как Старуха и Дева, дух зерна прошлого года и дух зерна грядущего года, и соответствовали Деметре и Коре в древнегреческом сельскохозяйственном ритуале. Как в Греции, так и среди кельтов примитивные духи зерна, вероятно, стали более индивидуализированными богинями со сложным культом, который соблюдался на острове или в других священных местах. Культ, возможно, различался в зависимости от места, и, возможно, культ бога плодородия занял место культа богинь. Богу поклонялись, согласно Страбону, намнитские женщины, а согласно Дионисию, богини. Вероятно, искалеченная жертва рассматривалась как представитель божества, и, возможно, часть плоти смешивали с зерном, подобно пшенице из снопа Девы, или закапывали в землю. Этот обряд был распространен среди дикарей, и его присутствие в древнеевропейском ритуале подтверждается сохранившимися обычаями. То, что эти обряды были табу для мужчин, говорит о том, что такие обряды были в руках женщин, возделывавших землю, которые естественным образом были священнослужительницами богинь роста и плодородия, растительно-

сти и растущей пшеницы. В легенде о Годиве в Ковентри также встречаются пережитки языческого культа, из которого были исключены мужчины.

Плиний говорит об обнаженности тел женщин, принимающих участие в культе. Обнажение тела — это необходимая часть всех примитивных сельскохозяйственных обрядов, а роспись на теле — широко распространенное ритуальное действие. Общепринятым является и украшение листьями или зеленью, как, например, среди намнитских женщин, причем часто с намерением олицетворить дух растительности. Обнажая тело, и особенно половые органы, женщины более действенно символизируют богиню плодородия и более действенно изображают ее представительниц, или же своими собственными силами они магически передают плодородие полям. Таким образом, нагота была мощным магико-религиозным символом.

Поэтому существует изобилие свидетельств о духах плодородия, растительности и зерна, которые, как правило, становятся божествами, мужскими или женскими. Повсюду благодаря консерватизму культ оставался в руках женщин, но чаще он становился ритуалом, в котором принимали участие и мужчины, и женщины, — ритуалом больших сельскохозяйственных праздников. Там, где божество заняло место неопределенных духов, изображение, подобное изображению Бересинтии, использовалось в ритуале, но оно было, возможно, преемником дерева, которое воплощало в себе дух растительности, и его проносили через поля, чтобы оплодотворить их. Подобные процессии с изображениями, часто сопровождаемые ритуалом омывания изображения, чтобы вселять энергию в божество, или, как в подобном обычае на 1 мая, чтобы вызвать дождь, встречаются в тевтонском культе Нертуса, фригийской Кибелы, индийской Бхавани и в римском ритуале *Vona Dea*. Возможно, также омывали и изображение Бересинтии. Омывание образов святых — обычно для того, чтобы вызвать дождь, — иногда занимало место омывания божественного образа, и в таких случаях реликвии святого несли через поле, как некогда дерево или изображение. В Ионе во время засухи люди проходили через недавно засеянное поле

с реликвиями святого Колумбы, три раза трясли его тунуку в воздухе и за это вознаграждались обильным дождем, а позже — изобильным урожаем.

Многие из этих местных культов были докельтскими, но это не значит, что у кельтов, или арийцев в целом, не было таких культов. Арийцы всюду принимали местные культы, но предполагается, что они не принимали их, если они сами уже переросли их. Мы не смогли бы объяснить живучесть таких примитивных культов, лежащих в основе больших кельтских праздников, и в классические времена, и по всей Европе среди крестьянства, если бы относили их только к доарийскому периоду. Эти культы составляют те неизменные слои религии, которые в значительной степени обеспечили почву, на которой расцвели более поздние духовные ростки. Старые культы подобны пустынным обнажениям какого-нибудь древнего скалистого образования среди богатой растительности и ароматных цветов более поздних религиозных воззрений.

Глава 19

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУЛЬТА

ХРАМЫ

В примитивной религии молитвенный дом редко является рукотворным храмом. Это скорее замкнутое пространство, в котором находится какой-нибудь символ или изображение бога. Святость бога делает это пространство местом его священного культа. Часто это открытая поляна в лесу. Там священники совершали священные обряды; никто не мог войти на нее, кроме них самих, и трепещущий верующий приближался к ней в страхе, боясь того, чтобы бог не убил его, если он подойдет слишком близко.

Древнейшими храмами галлов были священные рощи, одна из которых, вблизи Массилии, описана Луканом. Ни одной птицы там не встречалось, ни одно животное не пряталось поблизости, листья непрерывно дрожали, когда даже легкий ветерок не тревожил их. Алтарями, стоявшими посередине, и изображениями богов были искривленные стволы деревьев. Каждое дерево было запятнано жертвенной кровью. Затем поэт описывает чудеса, услышанные или увиденные в роще, — стон земли, оживание мертвых тисов, деревья, объятые пламенем, тем не менее не сгоравшие, и огромные змеи, обвинившиеся вокруг дубов. Люди боялись приближаться к роще, и даже священник не ходил туда в полдень или в полночь, чтобы не встретить своего божественного хранителя. Дио Кассий говорит о человеческих жертвоприношениях, предлагаемых Андрасте в британской роще, а в 61 году н. э. леса Моны, посвященные странным обрядам, были срублены

римскими солдатами. Священный Друнеметон галатских кельтов, возможно, был рощей¹. Топонимы также указывают на широкое распространение таких рощ, поскольку слово «неметон» («роща») встречается во многих названиях, указывая на места культа. В Ирландии «фид-немед» соответствовало выражению «священная роща». Древние рощи в христианские времена все еще были объектами почитания, хотя на тех, кто цеплялся за старые обряды, налагались штрафы.

Священные рощи использовались еще в галло-римские времена, и, возможно, друиды отдавали им предпочтение, если судить по комментариям Лукана, что «друиды поклоняются богам без храмов в лесу». Но возможно, более развитые храмы или племенные святилища существовали рядом с этими локальными рощами, особенно в Цизальпинской Галлии, где в Бойи имелся храм, в котором хранились военные трофеи, в то время как подобный храм имелся и у инсубров. Несомненно, такие храмы были строениями. «Освященное место» в Трансальпинской Галлии, о которой упоминает Цезарь, где в определенные периоды выносились решения, могло быть либо рощей, либо храмом. Цезарь использует ту же фразу для указания на священные места, где накапливались военные трофеи. Возможно, это были рощи, но Диодор говорит о сокровищах, собранных в «храмах и священных местах», а Плутарх говорит о «храме», где арверны повесили меч Цезаря. «Храм» намнитских женщин, у которого могли снимать крышу, должно быть, был строением. Нет никаких свидетельств того, что у островных кельтов были храмы. В галло-римские времена сложные храмы, возможно, вытеснили более древние рощи или простые храмы, распространившись по всему римско-кельтскому региону. Они были построены по римскому образцу, многие из них имели большие размеры, и они были посвящены римским или галло-римским божествам. Меньшие по размеру святыни были построе-

¹ Д'Арбуа считает, что «Друнеметон» может означать «великий храм».

ны благодарными верующими у священных источников в дар их божеству-покровителю, как показывают многочисленные надписи. В храмах стояли статуи богов, и здесь хранились священные сосуды, иногда сделанные из черепов врагов, военные трофеи, посвященные богам, деньги, собранные для священных целей, и военные знамена, особенно те, которые имели на себе божественные символы.

Старая идея о том, что каменные круги были друидскими храмами, где человеческие жертвы предлагались на «камне-алтаре», а возлияния крови делались в чаши, выглядит безосновательной наряду с теми астрономическими знаниями, которые связаны с этими кругами. Стоунхендж датируется концом неолитической эпохи, а большинство малых кругов принадлежит началу бронзового века и, вероятно, были докельтскими. В любом случае прежде всего они были местами погребения. Также они были местом поклонения предкам, но не храмами в строгом смысле этого слова. Большие круги, места погребения великих вождей, были центральным местом для повторяющихся обрядов поклонения духам и, возможно, местом сборищ племени в определенных случаях. Но неясно, преобразовывалось ли когда-либо это поклонение духам в культ бога в этих кругах. Думается, едва ли. Кельты, естественно, рассматривали эти места как священные, поскольку духи мертвых, даже духи завоеванного народа, всегда опасны, и они переняли связанные с ними мифы и легенды, например, такие, в которых сами камни или деревья, растущие в кругах, рассматривались как воплощения мертвых. При этом кельты, возможно, использовали эти места для вторичного погребения. Неясно, воспроизводили ли они когда-либо такие круги, поскольку их собственные методы погребения, по-видимому, были другими. Мы уже видели, что в некоторых случаях богам могут поклоняться на могильных холмах и что Лугназад был в некоторых центрах связан с юбилейными культурами в местах погребения (насыпях, а не кругах). Но причины этого неясны, нет также какого-либо намека на то, что другие кельтские праздники проводились вблизи могильных холмов.

Вероятно, такие юбилейные обряды в местах погребения во время Лугназада были только частью более обширного ритуала, встречающегося и в других местах, и мы не можем предполагать, исходя из таких неопределенных сведений, что каменные круги были друидскими храмами, где продолжалось поклонение восточного типа.

Профессор Рис склонен принять старую идею о том, что Стоунхендж был храмом Аполлона на острове гиперборейцев, о котором упоминает Диодор, где поклонялись богу Солнца. Но хотя тот храм был круглый, его стены были украшены исполненными по обету жертвоприношениями. Также храм, ежегодно лишаемый крыши намитскими женщинами, не подразумевает каменный круг, так как нет ни малейшего свидетельства в пользу того, что круги были когда-либо каким-либо способом покрыты крышей. Каменные круги с мистическими деревьями, растущими в них, один из них с источником, благодаря которому был получен вход в Тир фа Тонн, упоминаются в ирландских историях. Они были связаны с магическими обрядами, но о них не говорится как о храмах.

АЛТАРИ

Лукан реалистично описывает ужасные жертвоприношения галлов на жестоких алтарях, которые были ни на йоту не более мягкими, чем жертвоприношения Диане, и говорит об «алтарях, заваленных жертвами» в священной роще в Марселе. Цицерон говорит, что человеческие жертвы приносились на алтарях, а Тацит описывает алтари Моны, обмазанные человеческой кровью. «Алтари друидов» упоминаются в ирландском «Походе Датхи», и Кормак говорит об инделба, или алтарях, украшенных символами. Возможно, многие из этих алтарей были простыми кучами камней, подобно норвежскому хоргу, или большому каменному блоку. Однако некоторые жертвоприношения были слишком большими, чтобы уместиться на алтаре, поэтому в таких случаях его опрыскивали кровью. Под влиянием римлян кельтские алтари приня-

ли форму алтарей завоевателей, с надписями, содержащими имена местных или римских богов, и некоторые из них изображены на барельефах. Старая идея о том, что дольмены были кельтскими алтарями, теперь отвергнута. Они были местами погребения в период неолита или в начале бронзового века и первоначально были покрыты земляной насыпью. Поэтому в эпоху кельтского язычества они были скрыты из виду, и только в более поздние времена землю сняли, а массивные камни, расположенные так, что образовывали что-то вроде помещения, были оставлены неприкрытыми.

ИЗОБРАЖЕНИЯ

Согласно Цезарю, галлы обладали *plurima simulacra* (изображениями) местного Меркурия, отличающимися от образов других богов. Мы не должны делать отсюда вывод, что у кельтов против отображений богов были предубеждения, поскольку у ирландских кельтов описания богов часто встречаются, а в Галлии, находившейся под властью римлян, было множество изображений божеств.

Существование у кельтов подобных изображений объясняется наличием культов деревьев и камней, устанавливаемых над умершими. Камень, связанный с духом умершего, становился его образом, возможно грубо обработанным его подобием. Высеченный ствол дерева становился изображением духа или бога деревьев. С другой стороны, некоторые антропоморфные образы, подобно палеолитическим или микенским статуэткам, возможно, были созданы не из ствола дерева или каменного столба. Максим из Тира говорит, что кельтским изображением Зевса был высокий дуб, возможно грубо обтесанный ствол, а не растущее дерево, и такие грубо обработанные стволы деревьев, представляющие образы богов, упомянуты Луканом в его описании массивной роши. В ирландских текстах часто упоминаются каменные столбы, установленные над могилами умерших. Несомненно,

они были связаны с мертвыми; существовали легенды, что в столбах обитают духи и они способны двигаться. Это предполагает, что они рассматривались как изображения мертвых. Другими камнями, почитаемыми в Ирландии, были *клох лабраис*, или пророческий камень, *лиа файл*, или камень коронации, который кричал, когда на него садился король милезианцев; и *лиа адрада*, или камень поклонения, очевидно, пограничный камень. *Plurima simulacra* галльского Меркурия, возможно, были пограничные камни, подобные посвященным Меркурию или Гермесу у римлян и греков. Не исключено — и Цезарь действительно так думал, — что галлы посвящали такие камни богу границ, которого можно было бы приравнивать к Меркурию. Множество таких стоящих камней до сих пор есть во Франции, и их количество, должно быть, было большим во времена Цезаря. Глядя на них как на объекты суеверного поклонения, он, возможно, заключал, что они были изображениями бога. Кроме него, другие римляне были поражены сходством этих камней с их гермами, и, возможно, галлы, если они уже не рассматривали их как символы бога, соглашались с этим подобием. Так, на менгире Кервадела высечены четыре фигуры, причем одна — Меркурия, датированная галло-римским временем. Под другой, вблизи Перроне, была обнаружена бронзовая статуэтка Меркурия. По-видимому, это показывает, что у галлов был культ каменных столбов, связанный с богом границ. Цезарь использует слово *simulacrum* скорее в значении «символ», чем «изображение», хотя он, возможно, подразумевал местные образы, не точно повторяющие человеческие очертания, подобно ирландскому *серманд сертах*, украшенному золотом и серебром, «главному идолу» Северной Ирландии, или подобно схожим украшенным «изображениям» Кромм Круайха и его спутников. Поклонение священным камням не прекращалось и в христианские времена, и с ним усиленно боролась церковь. Святой Самсон из Дола (VI век) встречал мужчин, танцующих вокруг *simulacrum abominabile*, который, по-видимому, был своего рода стоящим камнем, и, умоляя их прекра-

тить танец, он вырезал крест на нем. Подобным образом украшены несколько *menhirion* в настоящее время во Франции.

Количество существующих галло-римских изображений показывает, что кельты не приняли обычай, который был им чужд, и они, должно быть, уже обладали грубыми местными изображениями. Их исчезновение можно объяснить, если они были сделаны из недолговечного материала. Иногда находят деревянные изображения Матерей-богинь, и, возможно, они были доримскими. Некоторые изображения трехголовых и сидящих богов не имеют никаких признаков римского влияния и, похоже, были скопированы с более древних деревянных изображений. Мы также обнаруживаем божественные фигуры на доримских монетах. Некоторые отрывки из классических сочинений указывают на существование местных образов. Согласно Юстину, в храме в Марселе была статуя богини, и у галатских кельтов были изображения местного Юпитера и Артемиды, хотя кельты-завоеватели, войдя в Рим, поклонились сидящим сенаторам как статуям богов. Галлы возлагали богатые украшения на изображения богов, и, возможно, это были родные «идолы».

«Идолы» часто упоминаются в ирландских текстах, и нет сомнений, что это были изображения. Кормак Мак Арт отказался поклоняться «идолам» и был наказан друидами. Идолы Кромм Круайха и его спутников, упомянутые в «Диндсенхасе», имели человеческую форму; главный был из золота, другие — из камня. Они были чудесным образом опрокинуты святым Патриком; но в описании чуда главный идол был из камня, украшенного золотом и серебром, другие, которых насчитывалось двенадцать, были украшены бронзой. Они стояли в Мэг Слехт, и, очевидно, подобные скульптурные группы были и в других местах, например в Ратх Архайле, где были друидские алтари и статуи. Леди Сессайр перед пришествием в Ирландию, как считают, советовалась со своими *лаймх-дхья*, или «богами рук», возможно представлявшими собой небольшие изображения, используемые для гадания.

Что касается британских кельтов, то свидетельства скудны, но идолопоклонство в смысле «поклонения образам» часто упоминается в житиях древних святых. Гилдас также говорит об изображениях, «сформированных в пустынных храмах и за их стенами, с жесткими и искаженными чертами». Такое патетическое изображение оставленных святых забытых богов может относиться к римско-кельтским изображениям, но «жесткие и искаженные черты» предполагают скорее местное творчество народа, неумелого в воспроизведении человеческой фигуры, хотя, возможно, художественно одаренного в других отношениях.

Если местные кельты Ирландии имели изображения, то нет никаких оснований предполагать, особенно с учетом только что приведенного свидетельства, что галлы, или по крайней мере друиды, были враждебны к изображениям. Эта последняя точка зрения является теорией С. Рейнака, являющейся частью более обширной гипотезы, что друиды были докельтскими, но стали священниками кельтов, у которых тогда не было никаких священников. Друиды запретили поклонение образам, и это запрещение существовало в Галлии гипотетически, с конца палеолитических времен. Пифагор и его школа были враждебно настроены в отношении поклонения образам, и классические авторы заявляли о связи между пифагорейцами и друидами. С. Рейнак считает, что, должно быть, между ними имелась некоторая аналогия, и это была враждебность к антропоморфизму. Но ведь считается, что эта аналогия лежит в основе учения о бессмертии души. Если бы друиды были враждебно настроены в отношении поклонения образам, классические наблюдатели не могли бы не заметить этого факта. Затем С. Рейнак доказывает, что друиды воздвигли мегалические памятники в Галлии, которые являются символами, а не изображениями. Поэтому они друидские, хотя не кельтские. Памятники служат доказательством могущества священства; друиды были могущественными священниками, поэтому они предприняли сооружение памятников. Это ли не сильный аргумент?!

Как было замечено, некоторые чисто кельтские изображения существовали в Галлии. Галлы, которые исполь-

зовали для строительства своих домов только древесину, вероятно, были слабо знакомы с искусством резьбы по камню, поэтому большинство своих изображений они делали из древесины — недолговечного материала. У островных кельтов также были изображения, и, поскольку, как утверждал Цезарь, друиды пришли из Британии в Галлию, имеется сходство культов в этих двух регионах. Молодые галлы, которые стремились к знаниям друидов, отправлялись в Британию, чтобы получить их. Разрешали ли это друиды Галлии, были ли они противниками изображений? Ни в одном тексте не говорится, что друиды имели какую-либо антипатию к изображениям, хотя галлы, конечно, имели изображения боготворимых животных. Кроме того, даже если друиды были священниками докельтского народа, они, должно быть, разрешали изготовление изображений, поскольку на французской земле есть множество «статуй-менгиров» — в Авейроне, в Тарне и в других местах. Кельты были в постоянном контакте с поклоняющимися образам народами и едва ли не попали под их влияние, даже если существовал такой священнический запрет, точно так же как Израиль поддался влиянию изображений, несмотря на божественные заповеди.

Доказательства любви кельтов к изображениям обнаруживаются в духовной литературе и в сохранившихся обычаях. Уже говорилось о процессии с изображениями Бересинтии. Такие же процессии были распространены в Галлии и подразумевали существование устойчивого народного обычая. Святой Мартин из Тура остановил похоронную процессию, считая, что это языческий обряд. Соборы и указы запретили эти процессии в Галлии, но более эффективный путь состоял в том, чтобы крестить их. Процессии перед Вознесением с распятием и Мадонной и несением изображения святого Иоанна на праздниках летнего солнцестояния были прямым продолжением древних традиций. Изображения в Галлии христианские святые часто уничтожали, подобно тому как они были низвержены святым Патриком в Ирландии. Многие из них, должно быть, были «жесткими и ис-

каженными», если судить по *Гроах-гоарду*, или «Венере из Квинипили», которая в течение многих столетий была объектом суеверных обрядов в Бретани. С этим можно сравнить каменный фетиш с изображением старой женщины на острове Иннискея, хранительницы священного источника. Он сохранялся в перевернутом виде, чтобы скрыть его от мирских взглядов, но в некоторые моменты его выносили для поклонения.

Изображения и барельефы галло-римского периода делятся главным образом на две категории. В первой категории они представляют местных божеств, подобных Езусу, Тарвосу Тригараносу, Смертуллосу, Цернунну, рогатым и сидящим богам, богу с молотом и богу с колесом. Существуют бюсты и статуи богинь воды, но более многочисленны изображения Эпоны. Одно из них обеспечено блочной опорой, в которую могли помещать жертвоприношения. Часто фигурируют Матери-богини, обычно как три сидящие фигуры с корзинами плодов или цветов или с одним (или более) младенцем, подобно Мадонне. Были обнаружены изображения трехголовых богов, которые представляли, по-видимому, Цернунна, но их трудно отнести к какой-либо категории.

Ко второй категории относят изображения богов с римскими именами, но обычно добавляют родные кельтские имена, хотя сами изображения традиционного римского типа. Среди бронзовых статуй и статуэток наиболее часто встречается Меркурий. Это указывает на то, что описанные Цезарем *simulacra* аборигенного Меркурия продолжали существовать и в римские времена. Небольшие фигурки божеств из белой глины были обнаружены в больших количествах, — возможно, они были сделаны по обету или были изображениями домашних божеств.

СИМВОЛЫ

Изображения богов в Галлии можно классифицировать по их символам — молоток и чашу (символ множества) носит бог с молотом; колесо бога Солнца, рога изо-

билия и крученое металлическое ожерелье носит Цернунн. Другие символы встречаются на статуях, алтарях, памятниках и монетах. Это — свастика и трезубец, возможно, символы Солнца; одиночные или концентрические круги, иногда с лучами; крест и любопытная S-образная фигура. Трезубец и круги иногда изображаются на монетах. Возможно, поэтому они были татуировочными знаками символического характера. Круг и крест часто бывают выгравированы на бронзовых изображениях Диспатера. Множество предположений возникло по поводу S-образной фигуры, которая встречается на монетах, в то время как девять образцов этого символа свисают с кольца, которое носит бог с колесом; наиболее вероятно, что это молния. Но недостает каких-либо старых текстовых интерпретаций этих различных символов, все их объяснения, должно быть, остаются гипотетическими. Некоторые из этих символов не чисто кельтские, они встречаются во всем мире.

КУЛЬТ ОРУЖИЯ

Здесь можно упомянуть о кельтском культе оружия. Как было замечено, молот — это символ единого Бога, и вполне вероятно, что культ молота предшествовал культу бога, которому молот стал придаваться в качестве символа. Езус изображается также с топором. Надписи на могилах в Галлии вместе с изображением топора, выгравированного на камне, указывают на культ топора или бога, чьим символом был топор. В ирландских текстах оружию приписывалась способность говорить, но, согласно христианскому книжнику, это говорили бесы, так как народ в те дни поклонялся оружию. Таким образом, возможно, считалось, что духи владели оружием или что у оружия была душа. Свидетельства самого культа обнаруживаются также в том факте, что на галльских монетах изображались меч, воткнутый в землю, или едущая колесница с воином, или меч в руке танцующего воина. Последнее — ритуальное действие, и похоже, что Спенсер считал ри-

туальными действия ирландских воинов, произносивших молитвы или заклинания перед мечом, воткнутым в землю. К мечам также обращались в песнях, сочиненных ирландскими бардами, и традиционные остатки таких песен встречаются в Бретани. Они представляют собой песнопения древнего культа. При помощи оружия давали клятвы, и считалось, что оружие обратится против того, кто при этом лгал. Магическая сила оружия, особенно того, над которым произносились заклинания, часто упоминается в традиционных историях и ирландских текстах. Реминисценцией культа оружия являются удивительные «мечи из света» в кельтских народных сказках и подобное мистическое оружие в романах артуровского цикла.

Глава 20

ДРУИДЫ

Плиний считал, что название «друид» было греческим термином. Однако это слово является чисто кельтским, и его значение, вероятно, подразумевает, что, подобно всем волшебникам и знахарям, друид считался «знающим». Оно состоит из двух частей — «дру-», которая рассматривалась М. Д'Арбуа как усилительная, и «видс», от «вид», то есть «знать», или «видеть». Поэтому слово «друид» означало «весьма знающий» или «мудрый». Возможно, однако, что «дру-» связано с корнем, который в кельтском языке дает слово «дуб», — галльское «деруо», ирландское «дайр», уэльское «дерв», — и что дуб, занимавший важное место в культе, был, таким образом, соотнесен с названием священника. Галльская форма слова была, вероятно, «друйс», древнеирландская «драй». Современные формы в ирландском и галльском языке шотландцев — «друй» и «драой» — означают «волшебник».

М. Д'Арбуа и другие исследователи, принимая изречение Цезаря о том, что «система [друидизма] считается изобретенной в Британии и оттуда была перенесена в Галлию», утверждают, что друиды были священниками гойделов в Британии, которые навязали себя галльским завоевателям гойделов, и затем друидизм попал в Галлию примерно в 200 году до н. э. Но это — едва ли возможно. Даже если друиды были приняты как священники галлами-завоевателями в Британии, они должны были повлиять на галлов, живущих в Галлии. Гойделы и галлы были родственными народами по языку и религии, и было бы странно, если бы они не обладали похожим институтом священства. Кроме того, гойделы были континентальным

народом, и друидизм, возможно, тогда процветал среди них. Почему это не повлияло в то время на родственные им кельтские племена, жившие без друидов? Далее, если мы принимаем теорию профессора Мейера о том, что ни один гойдел не ступал на землю Британии до II века, галлы не могли заимствовать друидское священство от гойделов.

Цезарь просто говорит: «Считается, что друидизм прибыл в Галлию из Британии». Это, возможно, его собственное мнение, основанное на том, что тот, кто хотел совершенствоваться в друидском искусстве, ехал в Британию. Это было возможно потому, что Британия была менее открытой для иностранных влияний, чем Галлия, и ее друиды, не тронутые влиянием других, считались более могущественными, чем друиды Галлии. С другой стороны, Плиний, по-видимому, думал, что друидизм пришел в Британию из Галлии.

Другие авторы — сэр Джон Рис, сэр Г.Л. Гомм и С. Рейнак — на различных основаниях поддерживают ту теорию, что друиды были докельтским священством, принятым кельтскими завоевателями. Сэр Джон Рис считает, что друиды аборигенов Галлии и Британии заключили с кельтскими завоевателями соглашение. Друидизм был принят гойделами, но не бриттами. Поэтому в Британии жили бритты без друидов, аборигены, испытавшие влияние друидизма, и гойделы, которые объединили арийское многобожие с друидизмом. Друидизм был также религией народов от Балтики до Гибралтара и был принят галлами. Но если это так, то трудно понять, почему родственные им бритты не приняли друидизм, а наши знания о религии бриттов слишком скудны, чтобы мы могли доказать, влияли на них друиды или нет, хотя есть предположение, что влияли. Также нет никаких исторических свидетельств, чтобы показать, что изначально друиды не были кельтскими священниками. Всюду они появляются как высшее и доминирующее священство кельтов, священники побежденного народа едва ли могли получить такую власть над завоевателями. Отношение кельтов к друидам совершенно отличается от отношения завоевате-

лей, которые иногда обращались за помощью к знахарям побежденного народа, потому что они обладали более сильным магическим влиянием посредством автохтонных богов. Кельты не прибегали к друидам от случая к случаю; есть основание думать, что они принимали их полностью, были в их власти во всех жизненных сферах, в то время как их собственные священники, если таковые были, безропотно принимали этот порядок вещей. Все это невероятно. Данное Цезарем, Страбоном и другими описание положения друидов среди кельтов как судей, избравших вождей племени, правителей, учителей, а также служителей религии, скорее предполагает, что они были аборигенными кельтскими священниками, издавна принятыми у этого народа.

Сэр Г.Л. Гомм поддерживает теорию, согласно которой друиды были докельтским священством, потому что, по его мнению, их магические верования, их практика человеческих жертвоприношений и искупления одной жизни другой противоположны «арийскому духу», так же как чужеродны этому их функции улаживания противоречий, вопросов оценки и наследования собственности установления границ. Эти взгляды автор подтверждает сравнением положения друидов с положением неарийского населения в Индии, которое иногда передает священнические функции индийским деревенским общинам. Однако можно усомниться в том, что это сравнение случайной индийской традиции с кельтской практикой двухтысячелетней давности является правильным. Как уже было отмечено, друиды не предоставляли кельтам никаких священнических функций, и именно это затрудняет доверие к этой теории. Кельтский отец семейства был священником и судьей в своем собственном клане, отдаст ли он легко свои права чужеземному и побежденному священству? С другой стороны, предводители кельтов, вероятно, сохранили некоторые священнические функции, полученные с того времени, когда функции вождя и священника еще не различались. Несомненно, свидетельство Цезаря не подтверждает ту идею, что «только среди самых грубых так называемых кельтских племен мы обнаруживаем это

внешнее наложение официального священства». Согласно Цезарю, власть друидов в Галлии была всеобщей, и если их положение действительно соответствовало положению священников-париев, то явная враждебность римской власти к ним, поскольку они обладали таким огромным влиянием на кельтскую мысль и жизнь, была необъяснима. Кроме того, если «арийский дух» был так противоположен друидским нравам, то почему арийские кельты с такой готовностью приняли друидов? В этом случае укrywатель краденого столь же плох, как и похититель. Сэр Г.Л. Гомм придерживается того убеждения, что арийцы были народом сравнительно высокой цивилизации, который отверг, даже если они когда-либо сами им обладали, дикарское «прошлое». Но старые верования и нравы обычно еще долго сохраняются в растущей цивилизации, и, если взгляды профессора Серджи и других верны, арийцы были даже менее цивилизованны, чем народы, которых они завоевали. Магические ритуалы, человеческие жертвоприношения, доминирование священства были настолько же арийскими, как и неарийскими, и если кельты имели сравнительно чистую религию, то почему они так скоро позволили ей оскверниться незрелым суевием друидов?

С. Рейнак, как мы уже видели, считает, что кельты не имели никаких изображений, потому что они были запрещены их священниками. Этот запрет был докельтским в Галлии, поскольку не существует никаких неолитических изображений, хотя есть огромные мегалитические структуры, предполагающие существование великой религиозной аристократии. Эта аристократия навязала себя кельтам. Мы уже видели, что нет никаких оснований для веры в то, что кельты не имели никаких изображений, поэтому этот аргумент не имеет силы. С. Рейнак затем доказывает, что кельты приняли друидизм, как римляне приняли восточные культы, а греки — местные культы пеласгов. Но ни римляне, ни греки не отказались от собственной веры. Действительно ли кельты были народом без священников и без религии? Мы знаем, что они, должно быть, приняли много местных культов, но то, что

они приняли всю религию коренного населения и его священников, невероятно. С. Рейнак также утверждает, что, когда кельты появились в истории, друидизм был в упадке; кельты, или по крайней мере военная каста среди кельтов, вновь заявили о себе. Но друиды не выглядят как слабеющий класс на страницах Цезаря, и их власть все еще была высшей, если судить по враждебности к ним римского правительства. Если военная каста восстала против них, то это не доказывает, что они были инородным телом. Подобную борьбу можно заметить всюду, где священники и воины образуют отдельные касты, каждая из которых хотела править, как, например, в Египте.

Другие авторы доказывают, что мы не обнаруживаем друидов ни в районе Дуная, ни на Цизальпинской территории, ни в Трансальпинской Галлии, «за пределами региона, занятого кельтами». Это доказательство могло иметь смысл только в том случае, если бы кто-либо из классических авторов указал точные регионы, где друиды существовали. На самом деле эти авторы просто описывали друидизм как общекельтский институт или такой, каким они знали его в Галлии или Британии. Нет никаких оснований считать, что друиды не существовали всюду, где были кельты. Друиды и семнотеои кельтов и галатов, о которых есть упоминание во II веке до н. э., очевидно, были священниками кельтов иных, чем кельты Галлии, а у кельтов в Цизальпинской Галлии были свои священники, хотя формально они не именовались друидами. Этот аргумент имеет здесь мало значения, поскольку упоминания о друидах весьма краткие, и это говорит против их некельтского происхождения, поскольку мы не слышим о друидах в Аквитании, которая была некельтским регионом.

Теория некельтского происхождения друидов предполагает, что у кельтов не было никаких священников или они были вытеснены друидами. У кельтов были священники, называемые гутуатри, прикрепленные к некоторым храмам. Их название, возможно, означало «ораторы», то есть те, кто обращается к богам. Согласно этой теории, функции друидов были намного более обширны, поэтому М. Д'Арбуа предполагает, что до вторжения у кельтов не было никаких

священников, кроме гутуатри. Но вполне вероятно, что они были друидским классом, служителями местных святилищ, и имели связь с друидами, поскольку друиды были сложным священством с разнообразными функциями. Если священники и служители Беленоса, описанного Авсонием и названные им *oedituus Beleni*, были гутуатри, то последние, должно быть, были связаны с друидами, поскольку он говорит, что они имели друидское происхождение. «Священники рощи» Лукана, возможно, были гутуатри, а священники и другие служители Бойи, возможно, были друидами (и гутуатри). По-видимому, существовал и другой класс храмовых служителей. Имена, начинающиеся с имени бога и оканчивающиеся на «гнатос» («приученный к», «возлюбленный»), встречаются в надписях и могут обозначать людей, посвященных с юности служению в роще или храме. С другой стороны, эти названия могут подразумевать то, что их носители были посвящены в культ какого-то конкретного бога.

Наша гипотеза о том, что гутуатри были классом друидов, подтверждается свидетельствами классических авторов, которые, как правило, показывают, что друиды были великим институтом священства, обладающим различными функциями — священническими, пророческими, магическими, медицинскими, судебными и поэтическими. Цезарь приписывал их друидам в целом, но у других авторов они, по крайней мере частично, находятся в руках различных классов друидов. Диодор упоминает о кельтских философах и теологах (друидах), прорицателях и бардах, как и Страбон и Тимаген. Страбон говорил о греческой огласовке местного названия прорицателей, кельтской формой которого, вероятно, было «ватис» (ирландское «файт»). Возможно, это были также поэты, поскольку «ватис» означает и певца, и поэта; но у всех трех авторов барды — это весьма почетный класс, воспевающий деяния знаменитых людей. Друид и прорицатель также были тесно связаны, поскольку друиды изучали натурфилософию и моральную философию, а прорицатели были исследователями природы, согласно Страбону и Тимагену. Никакое жертвоприношение не могло быть совершено без участия друидов, как говорят Диодор и

Страбон, но при этом оба говорят о прорицателях как имеющих отношение к жертвоприношениям. Друиды также пророчили, как и прорицатели, согласно Цицерону и Тациту. Наконец, Лукан упоминает только о друидах и бардах. Прорицатели были, вероятно, друидским подклассом, стоявшим на полпути между собственно друидами и бардами и принимавшим участие в некоторых из функций обоих классов. Плиний говорит о «друидах и этой расе пророков и врачей», и это предполагает, что одни из друидов были священниками, другие прорицателями, а были еще и те, кто занимался эмпирической медицинской наукой.

В целом это согласуется с тем, что встречается в Ирландии, где друиды, появляющиеся в текстах главным образом в качестве магов, были также священниками и учителями. Бок о бок с ними были филид, «ученые поэты», сочинявшие согласно строгим правилам искусства, бывшие выше третьего класса, бардов. Филид, которые, возможно, были известны также как фатхи, «пророки»¹, были также прорицателями, предсказывавшими согласно строгим правилам прорицания, причем некоторые из этих предсказаний подразумевали жертвоприношения. Друиды также были прорицателями и пророками. Когда друиды были отстранены от власти в связи с приходом христианства, филид остались в качестве образованного класса, возможно, потому, что они отказались от всех языческих практик, в то время как число бардов значительно сократилось. М. Д'Арбуа предполагает, что была конкуренция между друидами и филид, которые делали общее дело с христианскими миссионерами, но это не подтверждается свидетельствами. Таким образом, три класса в Галлии — друиды, ваты и барды — соответствуют трем классам в Ирландии — друиды, фатхи (или филид) и барды².

¹ Фатхи родственны ватам.

² В Уэльсе были как друиды, так и барды, но все следы второго класса потеряны. Намного позже исчезли друиды, была выдумана байка о *дервидд-вардд*, или друиде-барде, и утверждалось, что более поздние барды были хранителями лжедруидской теософии, в то время как втайне занимались обрядами. Последнее слово — «дервидд» — было, вероятно, придумано на основе слова «дерб» («дуб») кем-то, кто был знаком с источником Плиния.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что друиды были чисто кельтским священством, принадлежащим как к гойделской, так и галльской ветви кельтов. Идея о том, что друиды не были кельтскими, иногда соединяется с той гипотезой, что друидизм был институтом, привитым к кельтской религии извне, и что кельтское многобожие не было частью веры друидов, но было санкционировано ими, в то время как они обладали определенной теологической системой только с несколькими богами. Это — идея авторов, которые видели в друидах оккультное и тайное священство. Друидизм развился с ростом нативной (аборигенной) религии и магии. Там, где они стали более цивилизованными, как, например, на юге Галлии, они, возможно, оставили многие магические практики, но как класс они занимались магией и, должно быть, принимали участие в местных культах, как и в культах великих богов. То, что они были философствующим священством, защищающим чистую религию среди политеистов, — необоснованная теория. Друидизм не был оформившейся системой вне кельтской религии. Он охватывал всю область кельтской религии; другими словами, это и была сама религия.

Впервые друиды упомянуты Псевдо-Аристотелем и Сотиионом во II веке до н. э., и это упоминание сохранил Диоген Лаэртский, сказав, что «есть среди кельтов и галатов те, которые называются друидами, и семнотеои». Эти два слова, возможно, были синонимами, или они свидетельствуют о наличии двух классов священников, или опять же друиды, возможно, были кельтскими, а семнотеои — галатскими священниками. Затем со временем появляется описание Цезаря. Более поздние авторы отводят друидам высокое место и неопределенно говорят о друидской философии и науке. Цезарь также упоминает об их науке, но и он, и Страбон говорят о ритуальных человеческих жертвоприношениях. Светоний описывает их религию как жестокую и примитивную, и Мела, который пишет об их учености, считает человеческие жертвоприношения варварством. Плиний ничего не говорит о друидах как о философах, но намекает на их священнические функции и соединяет их с магико-медицинскими

ритуалами. Трудно объяснить эти расходящиеся мнения. Но когда римляне более близко познакомились с друидами, они обнаружили у них меньше философии и больше суеверий. Из-за жестоких обрядов и враждебности кельтов по отношению к Риму они стремились подавлять их, но они никогда не делали бы этого, если бы у друидов были тайные философы. Считается, что фраза Плиния «друиды и эта раса пророков и врачей» показывает, что из-за римских преследований друиды превратились в своего рода знахарей, но, как было замечено, скорее эта фраза описывает различные функции друидов, и при этом она относится не к состоянию, в котором они находились после репрессивного указа, а к тому состоянию, в котором они были найдены. Информация Плиния была также ограниченной.

Неясная мысль о том, что друиды были философами, шаблонно повторялась разными авторами, которые рассматривали варварские расы так, как Руссо и его школа рассматривали «благородных дикарей». Римские авторы, скептически настроенные относительно будущей жизни, были очарованы идеей варварского священства, учившего о бессмертии в дикой Галлии. За это учение поэт Лукан пел им хвалу. Возможно, друиды поначалу впечатлили греческих и латинских наблюдателей своей магией, организованностью и тем, что, подобно многим варварским священствам, кроме священства Греции и Рима, они проповедовали свое учение. Их знание было божественным образом передано им, «они говорили на языке богов». Поэтому легко было что-нибудь вычитать в этом учении. Так быстро развилась друидская легенда. С другой стороны, современные авторы, возможно, преувеличили ценность классических свидетельств. Когда мы читаем о друидских сообществах, не стоит рассматривать их как что-то более высокое, чем организованное священство варваров. Их учение о метемпсихозе, если оно действительно преподавалось, не связано с этическим содержанием, как в пифагорействе. Их астрономия была, возможно, астрологичной; их знание природы было серией космогонических мифов и предположений. Если

существовала истинная друидская философия и наука, то странно, что об этом всегда упоминается туманно и что они не оказали никакого влияния на мысль того времени.

Классические авторы обнаружили также связь между друидской и пифагорейской системами, при этом система друидов рассматривалась как соответствующая учению греческого философа. Вполне вероятно, что некоторые пифагорейские учения достигли Галлии, но когда мы исследуем тот пункт, в котором эти две системы, как предполагалось, пересекаются, а именно учение о метемпсихозе и бессмертии, то между ними не обнаруживается никакого настоящего сходства. Существуют кельтские мифы о перерождении богов и героев, но эсхатологическое учение состоит, очевидно, в том, что душа облачается в тело в потустороннем мире. У кельтов нет идеи о перерождениях на этой земле как наказания за грех. Друидское учение о телесном бессмертии было ошибочно воспринято как тождественное пифагорейскому учению о душе, перевоплощающейся из одного тела в другое. Затем были обнаружены другие пункты сходства. Организация друидов был принята Аммианом за своего рода общинную жизнь. Хотя друидское сознание всегда стремилось к возвышенному, тот, кто писал о друидах наиболее полно, ничего об этом не знал.

Подобно священникам всех религий, друиды, несомненно, искали такое знание, которое было бы открыто для них, но это не подразумевает того, что они обладали какой-то заумной философией или тайным богословием. Они руководствовались идеями, циркулировавшими во всех варварских обществах, и они были одновременно священниками, магами, врачами и учителями. Они не позволяли, чтобы их священные гимны были записаны, и учили им втайне, как это обычно было всюду, где действенность гимна или молитвы зависела от правильного использования слов и в передаче их другим людям соблюдалась тайна. Их ритуалы, насколько нам известно, отличаются, хотя и немного, от ритуалов других варварских народов и включают в себя человеческие жертвоприношения и предсказания по телу жертвы. Они исключали ви-

новных от участия в ритуале — обычная практика наказания, применяемая к нарушителям табу во всех примитивных обществах.

Идея о том, что друиды учили тайной доктрине — монотеизму, пантеизму или чему-то подобному, — не подкреплена никакими свидетельствами. Несомненно, они сообщали тайны посвященным, как это делалось в варварских мистериях повсюду, но эти тайны состояли из магических и мифических формул, описания сакрального и какого-нибудь учения о богах или о моральных обязательствах. Эти учения сохранялись тайными не потому, что были абстрактными, а потому, что они потеряли бы свое значение и разгневали богов, если бы стали слишком общедоступными. Если друиды учили религиозным и моральным вопросам тайно, то, возможно, эти вопросы заключали в себе, согласно Диогену Лаэртскому, тройной принцип: «Поклоняться богам, не делать зла и быть мужественными»¹.

К этому можно было бы добавить космогонические мифы и домыслы, а также магические и религиозные формулы. Это станет более очевидным, когда мы исследуем положение и власть друидов.

В Галлии и в некоторой степени в Ирландии друиды образовали священническое сообщество — факт, который подтолкнул классических наблюдателей предположить, что они жили вместе, подобно пифагорейским общинам, хотя, вероятно, это не более чем некая священническая организация. М. Бертран считает, что друиды были своего рода монахами, живущими жизнью общины, и что ирландское монашество было трансформацией этой системы. Это чистый вымысел. Ирландские друиды имели жен и детей, и друид Дивициакус был семейным человеком. Цезарь ни слова не говорит об общинной жизни у друидов. Враждебность христианства к друидам предотвратила любое копирование их системы, и ирландское монашество было сфор-

¹ Кельтские энтузиасты видят в этом тройном принципе нечто родственное уэльским триадам, которые, как они утверждают, были друидскими!

мировано по образцу монашества континента. Друидская организация, возможно, означала не больше чем то, что друиды были связаны некоторыми узами, имели определенное иерархическое деление или различались по функциям и что они участвовали в отправлении общих ритуалов. В Галлии один главный друид имел власть над другими, и это положение было выборным. Возможно, островные друиды были организованы подобным образом, поскольку мы слышим о главном друиде, *primus magus*, в то время как у филид был ард-филе, или руководитель, избравшийся на эту должность. Священство не было кастой, но было открыто для тех, кто проявлял способности к этому. Был длинный период ученичества, длившийся даже до двадцати лет; в Ирландии период ученичества филе продолжался от семи до двенадцати лет.

Цезарь пишет, что ежегодно друиды Галлии собирались в центральном месте и там улаживали споры, потому что считались самыми справедливыми из людей. Друиды также действовали как судьи в случаях убийств. Насколько далеко распространялись подобные обязательства, неизвестно, но тем, кто не подчинялся решению друидов, было запрещено участвовать в жертвоприношениях, и все избегали их. Другими словами, они были табуированы. Таким образом, магико-религиозная санкция могла быть усилена судебными решениями друидов. По свидетельству Страбона, в Галлатии двенадцать тетрархов имели совет из трехсот человек, и они встречались в месте, названном Друнеметон, чтобы рассматривать случаи убийств. Независимо от того, является ли филологически допустимым соединять «дру-» с соответствующим слогом в слове «друид», сходство со словом «неметон», означающий галльское собрание в «священном месте», возможно, в роще (*неметон*), очевидно. Мы не знаем, были ли ирландские друиды судьями, но филид выносили судебные решения, и может быть, это остатки их связи с друидами¹.

¹ Их судебные полномочия были отняты у них потому, что их речь стала непонятной. Возможно, они выносили свои решения на древнем языке.

Диодор описывает друидов, примиряющих воюющие стороны и приручающих их как диких зверей, посредством заклинания. Вероятно, здесь говорится о вмешательстве друидов, чтобы предотвратить разрушительную силу кровной вражды или межплеменных войн. Они также, по-видимому, имели власть в выборе правителей. Конвиктолитанис был избран на должность судьи священниками в Галлии, «согласно обычаю этого государства», по словам Цезаря. В Ирландии после причащения мясом белого быка, возможно жертвенного животного, мужчина ложился спать, в то время как четверо друидов пели над ним, «чтобы привести ему правдивого свидетеля». Затем он видел в сновидении человека, который должен быть избран правителем. Возможно, друиды использовали гипнотическое внушение; может быть, медиум был ясновидящим.

Дио Хризостом утверждает, что правители были служителями друидов и ничего не предпринимали без них. В целом это согласуется со свидетельствами ирландских текстов. Друиды всегда сопровождают правителя и имеют на него большое влияние. Согласно отрывку из «Тайн», «люди Ульстера не должны говорить перед правителем, правитель не должен говорить перед своим друидом», и даже Конхобар хранил молчание до тех пор, пока не заговорил друид Катхбад. Эта власть, похожая на власть многих других священств, должно быть, помогала уравнивать класс воинов, и это тем более правдоподобно, если мы вспомним тот факт, что друиды утверждали, что создали Вселенную. Возможно, институт «вождь-священник» был очень древним, и это объясняет, почему, как только эти должности были разделены, священники имели так много политической власти или претендовали на нее.

Должно быть, они имели политическую власть в качестве наставников и учителей, и вполне можно говорить, что подчинение их власти было внушено ими самими. Цезарь пишет, что и в Галлии, и в Ирландии они учили других, которые намеревались стать друидами. Как уже было замечено, их учение не было записано, но передавалось устно. Они проповедовали бессмертие, веря,

что таким образом люди будут побуждены к доблести, укрепляли патриотизм этой догмой. Они также передавали «много знаний о звездах и их движении, размерах Вселенной и Земли, природе вещей и о силе и могуществе бессмертных богов». Страбон также говорит об их нравственных учениях. Как уже было замечено, научные достижения друидов легко преувеличить. Их астрономические знания были, вероятно, весьма скромными и были смешаны с астрологией; их натурфилософия была массой космогонических мифов и предположений; их теология была скорее мифологией; их моральная философия — рядом принципов, какие встречаются во всех варварских сообществах. Их медицинские знания, судя по тому, что говорит Плиний, были в значительной степени магическими. Некоторые друиды, например на юге Галлии, могли иметь доступ к классическим знаниям, и Цезарь говорит об использовании у них греческой письменности. Она едва ли могла быть общедоступной и, должно быть, отчасти заменяла использование своих шрифтов. По отношению к греческой письменности использование огамов в Ирландии и, возможно, в Галлии было дополнительным. Ирландские друиды, возможно, писали книги, поскольку король Лоэгайре пожелал, чтобы книги святого Патрика и книги друидов были испытаны водой, чтобы проверить обоснованность претензии их владельцев.

В религиозных делах друиды были высшими, поскольку только они знали богов и небесных божеств. Они управляли и организовывали все обряды и следили за публичными и частными жертвоприношениями, и ни одно жертвоприношение не было полным без вмешательства друида. Мрачные и жестокие обряды друидов ужасали римлян и любопытным образом контрастировали с их предполагаемой «философией». Они использовали гадания и имели постоянные формулы заклинаний, а также ритуальные деяния, с помощью которых узнавали будущее. Перед всеми важными вопросами, особенно перед военными походами, у них спрашивали совет, потому что они могли провидеть будущее.

Друиды или их посвященные давали имена и совершали что-то вроде крещения. Много примеров этого встречается в ирландских текстах. Так, о Коналле Кернахе говорится: «Друиды пришли крестить ребенка в язычество, и они пропели заклинание языческого крещения (*байтхис гейнтлидхе*) над маленьким ребенком», а об Айлиле сказано, что он «крестился в друидских потоках». В уэльской истории мы читаем, что Гври «крестился крещением, которое было распространено в то время». Подобные примеры были обычны в обрядах, связанных с именами, у многих народов, и, возможно, обычай на Гебридах, когда акушерка окропляет ребенка тремя каплями воды и дает ему временное имя, — это сохранившийся след той практики. Регулярное крещение появилось позже, но этот предварительный обряд отгонял фей и обеспечивал похороны в священной земле, точно так же, как этот языческий обряд был защитным и давал племенные привилегии.

В похоронных обрядах, которые в Ирландии состояли из оплакивания, жертвоприношений и установления камня, подписанного на могиле огамическим письмом, принимали участие друиды. Друид Дергдамса произнес речь над оссиановским героем Маг-нейдом, похоронил его своими руками и пропел руну. Огамная надпись также была друидского сочинения, и, поскольку ни одно жертвоприношение не было полным без вмешательства друидов, они, должно быть, помогали также в обильных жертвоприношениях, которые происходили на кельтских похоронах.

Слова Плиния «друиды и эта раса пророков и врачей» предполагают, что медицинское искусство, возможно, было в руках особого класса друидов, хотя все они могли немного разбираться в этом. Для лечения использовались травы и применялись магические обряды, которые можно рассматривать как более важное средство, чем используемые при этом лекарства из трав. В Ирландии друиды также занимались целительством. Так, когда Кухулин заболел, Эмер сказал: «Если бы это был Фергус, Кухулин не успокоился бы, пока не обнаружил, что друид способен открыть причину этой болезни». Но упоминаются как целители и дру-

гие люди, не относящиеся к друидам, например одна женщина, — возможно, это реминисценция того времени, когда это искусство практиковалось женщинами. Возможно, однако, эти целители были связаны с друидским сообществом так же, как барды.

До сих пор более важными были магические силы друидов — вызывание или прекращение солнечной погоды или дождя, вызов штормов, совершение обрядов, которые делали женщин и скот плодовитыми, использование заклинаний, смертельных заклятий, превращение в другое существо и в невидимого, порождение магического сна, возможно гипнотического. Они также пользовались спросом как изготовители ядов. Поскольку галлы пришли в Британию, чтобы совершенствоваться в друидском искусстве, возможно, островные друиды были более посвящены в магию, чем друиды Галлии, но так как считается, что последние «приручают людей, как приручают диких зверей», очевидно, это скорее относится к их магическому искусству, чем к какой-то туманной философии, которой они якобы обладают. Однако друиды были достаточно проницательны, чтобы использовать все средства, которыми они могли бы приобрести политическую власть, и некоторые из них, возможно, были открыты для влияния классического образования еще до римского вторжения.

Друиды как в Галлии (в обряде, связанном с омелью), так и в Ирландии одевались в белое, но Страбон говорит об их алой и вышитой золотом мантии, их золотых ожерельях и браслетах. Опять же главный друид короля Ерина носил цветной плащ и золотые серьги, а в другом примере друид носит бычью шкуру и пятнисто-белый птичий головной убор с трепещущими крыльями. Была также какая-то особая тонзура, используемая друидами, которая, возможно, означала рабскую покорность богам, как это было принято у воинов — жертвовать свои волосы божеству, если оно подарит победу. Подобным образом волосы друида были пожертвованы богам, и тонзура отмечала их служителя.

Некоторые авторы пытались провести различия между друидами Галлии и Ирландии, особенно в вопросах их

священнических функций. Но, хотя некоторые отрывки в ирландских текстах говорят о том, что ирландские друиды были священниками, принимающими участие в жертвоприношениях и т. д., почти все отрывки, касающиеся культа или ритуала, по-видимому, были преднамеренно изъяты. Поэтому друиды выглядят скорее как маги, и это естественно, поскольку, как только народ стал христианским, друиды, как правило, уже утратили свои священнические функции. Подобно друидам Галлии, они были наставниками и принимали участие в политических делах. Это показывает, что они были чем-то большим, чем простые маги. В ирландских текстах слово «друид» используется несколько свободно и применяется к правителям и поэтам, возможно, потому, что они были учениками друидов. Но нельзя сомневаться относительно того, что друиды в Ирландии выполняли функции общественных священников. Летописцы рассматривают священников или знахарей различных народов как друидов из-за невозможности судить о них в исторической перспективе. Но один факт показывает, что друиды были священниками кельтской религии в Ирландии. Туата Де Дананн — были проповедниками друидских знаний. Поэтому о богах и священниках, которые служили им, у более поздних авторов имеются противоречивые сведения. Враждебность христианских миссионеров по отношению к друидам показывает, что они были священниками; если бы это было не так, то оставалось бы открыть, какая же группа людей осуществляла священнические функции в языческой Ирландии. В Ирландии их судебные функции, возможно, были менее важны, чем в Галлии, и возможно, они не были так строго организованы; но здесь мы уже находимся в области догадок. Они были освобождены от военной службы в Галлии, но в Ирландии они были «хорошими бойцами», так же как в Галлии они иногда воевали, подобно средневековым епископам. В обеих странах они присутствовали на полях сражений, чтобы совершать необходимые религиозные или магические обряды.

Поскольку друиды были организованным священством, господствующим над всей религиозной сферой, со способ-

ностями к учительству и магии, в которую тайно верил народ, считая, что они обладают ключом к потустороннему миру, легко понять, сколько почитания им, должно быть, оказывалось. Связывая это с влиянием Римской церкви в кельтских областях и властью протестантских служителей в Нагорье и в Уэльсе, некоторые считали, что кельты обладали врожденной склонностью быть подконтрольными. Если это верно, мы можем только сказать: «Народ желает этого, а священники — язычники, паписты или протестанты — управляют своими средствами!»

Таким образом, после тщательной проверки положения и функций друидов мы можем отказаться от неправильных представлений о них. Они не владели какой-либо сложной для понимания тайной мудростью. И ритуал вроде сбора омель, не будучи таким уж важным, был достаточно второстепенным делом.

В Галлии римская власть разрушила влияние друидов, возможно, благодаря распространению христианства, но именно христианство направило их в Ирландию и в Британию, изгнав за пределы Римской империи. Друидская организация, их влияние в политике и совершении правосудия, их патриотизм, а также их практика человеческих жертвоприношений и магических ритуалов были совершенно неприемлемы для римской власти, которая выступала против них главным образом на политических основаниях. Магия и человеческие жертвоприношения были подавлены, потому что противоречили римским нравам. Первая атака на друидов была во времена Августа, который запретил римским гражданам принимать участие в религиозных ритуалах. Затем Тиберий наложил запрет на совершение человеческих жертвоприношений, но деятельность друидов не была полностью подавлена и существовала еще в период царствования Клавдия, который, как считается, окончательно запретил деятельность друидов. Более древнее законодательство было неэффективным; законодательство Клавдия было более полным, но оно также, вероятно, было нацелено главным образом на человеческие жертвоприношения и магические обряды, поскольку Аврелий Победитель говорит о «печально

известных суевериях» друидов. Это не могло отменить нативную религию друидов, что и доказывается многочисленными надписями, посвященными кельтским богам, и даже, как объясняет нам Мела, человеческие жертвоприношения все еще приносились, хотя теперь только символически, в то время как друиды были все еще активными и несколько лет спустя. Параллели обнаруживаются в британской отмене Сати в Индии, в то же время позволяющей процветать местной религии.

Вероятно, более эффективной была политика, начатая Августом. Судьи назначались и действовали как судьи, таким образом изгоняя друидов, а местное божество и ритуал поглощались римским божеством и ритуалом. Кельтская религия была романизирована, и если друиды сохраняли священнические функции, то это было возможным только благодаря их романизации. Возможно, новая государственная религия в Галлии попросту игнорировала их. Ежегодное собрание посланников в Дугудунуме вокруг алтаря Рима и Августа имело религиозный характер и было предназначено для того, чтобы соперничать с ежегодным собранием друидов и вытеснить его. Посланники избирали фламена провинции, в которой соблюдался культ, фламены были также у каждого города. Так, власть друидов в политике, судопроизводстве и религии постепенно была подорвана, и римляне наносили также удары по их положению как учителей, устанавливая школы по всей Галлии.

М. Д'Арбуа утверждает, что в результате преследования друиды отступили в глубину лесов и продолжали учить там втайне тех, кто презирал новое римское образование. М. Д'Арбуа основывал свое мнение на отрывках из Лукана и Мелы, которые писали вскоре после того, как произошло обнародование законов. Но ни Лукан, ни Мела не говорили о реальном положении вещей и не думали, что их читатели будут предполагать, будто друиды убежали в леса и пещеры. Лукан рассказывает об их пребывании в лесу, то есть в священных рощах, и кратко описывает обряды, совершаемые во времена после завоевания Цезаря, а не после более поздних указов, и он ничего не говорит о друидах-

учителях. По-видимому, Мела повторяет описание Цезаря о двадцатилетнем периоде ученичества, но добавляет к этому, что учение передавалось втайне, путая это, однако, с тем, которое передавалось не кандидатам на священство. Однако нет ни малейшего свидетельства о том, что эта скрытность была результатом указов. Кроме того, совершенно открыто осуществлялись сокращенные обряды жертвоприношений, которые он описывает. Вероятно, некоторые друиды продолжали обучение втайне и в священных местах, но маловероятно, что их посещали знатные галлы, когда греко-римская культура была теперь открыта для них в школах, где они получили указы в 21 году. Большинство друидов, возможно, уступило новому порядку вещей. Некоторые из них продолжали осуществлять старые обряды в измененном виде, пока они могли получать прихожан. Другие, более фанатичные, страдали от закона, если не могли обойти его. Некоторые из них восстали против римлян после смерти Нерона, и, возможно, к этому классу принадлежали те друиды, которые напророчили мировую империю кельтов в 70 году. Тот факт, что друиды существовали в это время, показывает, что запрещение не было полным. Но полная романизация Галлии лишила их дела, хотя даже в IV веке люди все еще хвалились своим друидским происхождением.

Островные друиды боролись против легионов в Южной Британии, и в Моне в 62 году они оказали последнее сопротивление своими воинами против римлян, жестикулируя и молясь богам. Но с установлением римской власти в Британии их судьба, должно быть, была похожа на судьбу друидов Галлии. Однако возрождение друидизма обнаруживается в присутствии магов (друидов) с Вортигерном после того, как римляне отступили. За пределами римской территории, согласно Плинию, друиды все еще свирепствовали и занимались своими обрядами, как и прежде. Намного позже, в VI веке, они выступали против христианских миссионеров в Шотландии, так же как в Ирландии они противостояли святому Патрику и его монахам, которые боролись с «жестокосердыми друидами». Наконец христианство победило, и власть друидов

перешла к христианскому духовенству или в некоторой степени оставалась у филид. В народной вере Евангелие обладало менее убедительной силой, чем успешно соперничающая магия друидов.

Классические авторы в III веке говорят о дриадах, или «друидессах». Одна из них предсказала скорую смерть Александру Северу, другая обещала империю Диоклетиану, с ними советовался и Аврелиан. Таким образом, они были скорее прорицательницами, чем священнослужительницами, и их название может быть результатом неправильного представления, либо они получили его, когда друиды еще существовали как класс. В Ирландии были прорицательницы — *бан-филид* или *бан-фатхи*, вероятно, отдельный класс с пророческими способностями. Правителей предостерегали против «прорицательниц», и доктор Джойс считает, что это и были друидессы. Святой Патрик также протестовал против «заклинаний женщин» и друидов. Женщины в Ирландии обладали знанием будущего, согласно Солину, и женщины, которые принимали участие в культе вместе с друидами, подобно фуриям в Моне, вероятно, были прорицательницами. Возможно, в Ирландии такие женщины назывались «друидессами», поскольку встречается слово *бан-друи*. Так называвшиеся женщины титуловались также как *бан-фили*, а то, что они принадлежали к классу филид, соединяет их с друидами. Но возможно, слово *бан-друи* относилось к женщинам со священническими функциями, которые, конечно, существовали в Ирландии, например девственные хранительницы священных огней, чьи функции унаследовали христианские монахини. Мы также знаем, что бриттская боудикка осуществляла священнические функции, и такие священнослужительницы, помимо дриад, существовали среди континентальных кельтов. (Надписи в Арле говорят о *antistita deae*, а в Ле Пругноне — о *flaminica sacerdos* богини Туколис.) Они были служительницами богини, подобно священнослужительнице кельтской Артемиды в Галатии, в чьем роду священство было наследственным. Эти девы назывались галлизенэ, они занимались гаданием и магией на острове реки Сены и были священнослужительницами галльского бога, и, возможно, часть

этих женщин, которые были «одержимы Дионисом» и занималась оргиастическим культом на острове в Луаре, были такого же рода. Они были священнослужительницами какого-то магико-религиозного культа, осуществлявшегося женщинами, подобно хранительницам священного огня в Ирландии, который был табу для мужчин. С. Рейнак считает этих священнослужительниц острова вымыслом, основанным на истории острова Цирцеи, но, даже если они вымысел, по-видимому, сведения о них основаны на фактических наблюдениях и имеют аналогии с другими регионами¹.

Существование таких священнослужительниц и прорицательниц в кельтской области получает объяснение в соответствии с нашей гипотезой о том, что многие кельтские божества поначалу были женскими и им служили женщины, которые обладали племенными знаниями. Позже их функции приняли мужчины, и поэтому возникли великие священства, но спорадически консерватизм сохранял такие женские культы и священнослужительниц, некоторым богиням до сих пор служили женщины, например галатской Артемиде, или богине Галлии, с их женщинами-служительницами. Время также сыграло свою роль, поскольку, когда язычество исчезло, многие обычаи из его народных ритуалов и магии продолжали осуществляться мудрыми женщинами (или ведьмами, как их называли), которые в течение многих поколений обладали такой же властью над невежественными умами, как и христианское священство. Тот факт, что Цезарь и Тацит говорят о германских, а не о кельтских священнослужительницах, едва ли может быть доказательством того, что женщины не играли никакой священнической роли в кельтской религии. Если бы это было так, то эта религия была бы уникальной во всемирной истории.

¹ Тот факт, что обряды были названы дионисийскими, является основанием для отрицания того, что осуществлялись некоторые оргиастические обряды. Классические авторы обычно сообщали обо всех обрядах, варварских с точки зрения их собственной религии. М. Д'Арбуа указывает на то, что Цирцея не была девой и у нее не было восьми спутников.

Глава 21

МАГИЯ

Кельты, подобно всем остальным народам, предавались магическим практикам, многие из которых могли использоваться любым человеком, тем не менее, в целом они были в руках друидов, которые во многих аспектах были выше шаманов варварских племен. Но подобные магические обряды приписывались также богам, и, возможно, по этой причине Туата Де Дананн и многие из божеств, которые встречаются в «Мабиногионе», описаны как маги. О вождях также говорят как о мастерах магии, что, возможно, является реминисценцией о силах священника-вождя. Но поскольку многие из примитивных культов были в руках женщин и так как эти культы подразумевали обширную практику магии, они, возможно, были древнейшими владыками магии, хотя с развитием цивилизации мужчины заняли их место как магов. До сих пор рядом со владеющими магией друидами были классы женщин, которые также разбирались в магии, как мы уже видели. Их могущества боялись. Даже святой Патрик особенно выделяет «заклинания женщин» в ряду заклинаний друидов, и в одном мифическом рассказе говорится, как отец Коннлы, который в юности был очарован богиней, боялся того, что он будет околдован «заклинаниями женщин» (*брихта бан*). В некоторых историях женщины совершают все те магические поступки, которые в других местах приписываются друидам. И после того как друиды исчезли, такие поступки, как власть над погодой, использование магии и амулетов, превращение в других существ и в невидимых и т. д., стали приписываться ведьмам. Конечно, многими друидскими искусствами обладали святые и духовные лица и в прошлом, и в более по-

зднее время. Но когда друиды исчезли, женщины оставались в качестве магов, частично потому, что даже в языческие времена они действовали более или менее тайно. Наконец церковь запретила языческую магию.

У каждого клана или племени были свои друиды, которые во время войны помогали своим воинствам при помощи магического искусства. Это отразилось в историях мифологического цикла, каждая из которых имеет друидов, которые не принимают в сражениях ни малейшего участия. Хотя Плиний признает священнические функции друидов, он связывает их в значительной степени с магией и применяет к ним название «маг». В ирландской церковной литературе слово «друид» используется как перевод слова «маг», например, в случае египетских магов, в то время как слово «маги» используется в латинских житиях святых как эквивалент народного «друиды». В сагах и в народных историях «друидехт» («друидизм») соответствует слову «магия», а «слат ан драойхта» («прут друидизма») является магической палочкой. Туата Де Дананн, как считают, узнали «друидизм» от четырех великих учителей-друидов того региона, откуда они прибыли в Ирландию, и даже теперь в народных рассказах они часто называются «друидами», или «дананн друидами». Так, по крайней мере, в Ирландии есть убедительные свидетельства магической силы, на которую претендовали друиды.

Эта сила в значительной степени реализовывалась как власть над стихиями, о которых друиды утверждали, что они их сотворили. Так, друид Катхбад защитил равнину, по которой Дейдре бежала с «бурлящим морем». Друиды также порождали слепящие метели или превращали день в ночь — подвиги, приписываемые им даже в житиях святых. Или они разряжают «огненные облака» на противостоящие воинства, как в случае с друидом Мэг Руйтхом, который создал магический огонь и направил его на врага, чей друид тщетно пытался отклонять его. Когда друиды Кормака высушили все воды в стране, другой друид выстрелил стрелу, и там, где она упала, стал выходить поток воды. Друид Матхген хвалился способностью бросить во врага горы, и часто друиды превращали

деревья или камни в вооруженных людей, ужасая таким образом вражеское воинство. Они могли также наполнить воздух лязгом сражения или ужасными криками сверхъестественных существ. Подобные силы приписывались и другим людям. Дочери Калатин поднялись вверх на заколдованном ветре и обнаружили Кухулина, когда он был далеко скрыт Катхбадом. Позже они породили магический туман, чтобы сбить героя с толку. Такие туманы часто встречаются в сагах, и в одном из них Туата Де Дананн пришли в Ирландию. Священнослужительницы Сены могли пробудить море и ветер своими заклинаниями, а позже на ту же роль претендовали кельтские ведьмы.

В народных сохранившихся обычаях практика вызова дождя связана со священными источниками, и даже значительно позже в сельской Франции к святыням, обычно связанным с чудотворным источником, приходили процессии во время засухи. Так, народ и священник шли к источнику Барантон в процессии, напевая гимны, и молили там о дожде. Затем священник опускал ногу в воду или бросал что-нибудь на камни. В других случаях к источнику несли изображение святого и опрыскивали, как раньше божественные изображения, или били по воде и обрызгивали ею воздух. Другой обычай состоял в том, что дева должна была почистить священный источник, как раньше она должна была быть обнаженной. Нагота тела также была частью старого ритуала, используемого в Галлии. Во время засухи девочки деревни следовали за самой молодой девой обнаженными, чтобы искать траву *belinuntia*. Ее вырывали с корнем и затем несли на реку и там ее опрыскивали водой. В этом случае опрыскивание было подражанием падающему дождю и, как предполагалось, автоматически его вызывало. Хотя некоторые из этих обрядов предполагали использование магии самим народом, в других случаях присутствие христианского священника указывает на тот факт, что раньше в качестве вызывателя дождя был необходим друид. Иногда священник через многие века унаследовал способности языческого священства вызывать дождь или усмирять бурю, и он часто молился, чтобы реализовать их.

Способность становиться невидимым посредством заклинания, называвшаяся *фетх фиада*, которая делала человека невидимым или скрывала его в магическом тумане, также использовалась друидами, как и христианскими святыми. Гимн святого Патрика, названный «Фаэд Фиада», был спет им, когда его враги поджидали в засаде, и очаровал их. Само заклинание, *фитх-фатх*, до сих пор помнят в долинах Нагорья. В случае со святым Патриком он и его последователи являлись в виде оленя, и этой способностью к превращениям владели и друиды, и женщины. Друид Фер Фидайл похитил деву, приняв форму женщины, а другой друид обманул Кухулина, приняв форму прекрасной Ниамах. Некоторые друиды, как считают, способны были принять любую форму, которая им нравилась, и эти способности отразились в мифах о богах, например, таких, как Талиесин или Амаргин, которые принимали многие формы. Священнослужительницы Сены могли принимать форму животных, а ирландская Цирцея в «Реннес Диндсенхасе», называемая Далб де Роугх (Грубая), своими заклинаниями превратила трех мужчин и их жен в свиней. Эта способность к превращению других часто описывается в сагах. Дети Лира были превращены в лебедей их жестокой мачехой; Саар, мать Ойсина, стала оленем силой друида Феар Дойрхе, когда она отвергла его любовь; и подобным образом Туиренн была превращена в шотландскую борзую прекрасной госпожой ее мужа Иолланна. В других случаях в сагах женщины являются в виде птиц. Эти истории превращений могут быть связаны с тотемизмом, поскольку, когда этот институт распался, существовавшая вера в превращения часто использовалась для того, чтобы выявить происхождение от животных или обосновать табу против поедания некоторых животных. В ирландских историях о превращениях мы обнаруживаем ссылки на эти табу. Так, когда дети Лира были превращены в лебедей, было объявлено, что никто не должен убивать лебедей. Вполне возможно, что друиды использовали гипнотическое внушение, чтобы убедить остальных, что они приняли иную форму. Подобным образом поступали краснокожие индейские шаманы

или даже галлюцинировали насчет других, веря в то, что их собственная форма изменилась.

Посредством «напитка забвения» друиды могли заставить человека забыть даже самого дорогого возлюбленного. Так, Кухулина заставили забыть Фанд, а его жену Эмер заставили забыть свою ревность. Это — реминисценция знаний о мощных напитках из трав, которые вызывали галлюцинации, например об изменении формы. В других случаях это были природные наркотики, которые вызывали глубокий сон, как, например, в случае с глотком напитка, который Грайinne дала выпить Фионну и его людям. Опять же, «друидское сновидение» напоминает о гипнозе, который практиковался в далекие эпохи, а также современными дикарями. Когда Бодб заподозрил свою дочь во лжи, он ввел ее в состояние «друидского сновидения», в котором та открыла свою греховность. В других случаях заклинания произносятся таким образом, чтобы люди галлюцинировали, или обездвигивались, или, «благодаря ловкости рук предсказателей», девы утрачивали свое целомудрие, не зная этого. Это указывает на знание методов внушения. Или опять же призрачное войско противостояло силам врага, для которого это было галлюцинаторным явлением, что, возможно, было отражением природных гипнотических сил.

Друиды также создавали «преграду», *айрбе друад*, вокруг войска, возможно обходя его и произнося заклинания, чтобы нападающее войско не могло прорваться через это препятствие. Если кто-то мог перепрыгнуть через эту «преграду», то заклинание было нарушено, но он терял при этом жизнь. Так было сделано в сражении Кул Дремне, в котором присутствовал святой Колумба и помогал герою перепрыгнуть препятствие своими молитвами.

Примитивная симпатетическая (то есть основанная на внушении) магия описана в «Реннес Диндсенхасе». В этой истории один человек произносит заклинания над своим копьем и мечет его в тень своего противника, чтобы тот упал замертво. Таково же примитивное друидское «посылание» пучка соломы, над которым друид пел заклинания и бросал его в лицо своей жертвы, чтобы та стала безум-

ной. Подобный метод используется эскимосскими ангекоками. Всякое беснование обычно приписывалось такому «посыланию».

Считалось, что друиды владели магией заклинаний, приводящих в замешательство врагов или порождающих другие магические результаты. Была принята особая поза: стоя на одной ноге, вытянув одну руку и закрыв один глаз, можно концентрировать силу заклинания, но сила была главным образом в произносимых словах, как мы уже видели при обсуждении кельтских формул молитвы. Такие заклинания использовались также филид, или поэтами, поскольку самая примитивная поэзия имеет магический аспект. Частично обучение барда состояло в изучении традиционных заклинаний, которые использовались с должным ритуалом, производившим магический результат. Некоторые из этих заклинаний мы уже рассматривали, и, вероятно, некоторые из стихов, которые говорит Цезарь, друиды не записали бы, если бы они имели природу заклинаний. Сила заклинания содержится в произносимой формуле, которая обычно представляла собой имя бога или духа, позже святого, взывающей к его вмешательству благодаря силе, присущей этому имени. Другие магические формулы говорят об уже произведенном эффекте, и это благодаря имитирующей магии, что, как предполагается, порождает его повторение. Древнейшие письменные документы, имеющие отношение к язычеству островных кельтов, содержат в себе обращение к «науке Гоибниу», предназначенной для сохранения масла, а другие — обращение к магическому исцелению, которое гласит: «Я восхищаюсь целительством Дианцехта, дарующим здоровье тем, к кому он приходит на помощь». Они обнаружены в манускриптах IX или X веков и, в связи с их обращением к языческим богам, очевидно, использовались в христианские времена. Большая часть друидской магии сопровождалась заклинаниями — превращения, власть над стихиями, нахождение скрытых людей или вещей. В других случаях заклинания использовались в медицине или для исцеления ран. Так, Туата Де Дананн сказали фоморам, что им

не нужно бороться с ними, потому что их друиды ожили бы убитых, и, когда Кухулин был ранен, мы слышим о лекарствах меньше, чем о заклинаниях, которые использовались для остановки кровотечения. В других случаях друид мог заклинаниями избавить от бесплодия.

Остатки верований в заклинания среди современных кельтских народов являются убедительным доказательством их применения в языческие времена и проливают свет на их природу. В Бретани в некоторых семействах им учат и тщательно хранят в секрете, чтобы другие их не узнали. Вместо старых богов в них обнаруживаются имена святых, но при некоторых болезнях к ним обращаются как к живым персонам. В Нагорье обнаруживаются подобные заклинания, и они часто передаются от мужчины к женщине и от женщины к мужчине. Их везде применяют в Ирландии. Помимо исцеления от болезней такие заклинания, как предполагается, порождают плодородие, или приносят удачу, или даже передают произношению собственность других людей, или, в случае черной магии, вызывают смерть или болезнь. В Ирландии колдуны могли «заморозить до смерти человека или зверя», и это напоминает о силе насмешки в устах филе или друида. Насмешка вызывает пятна на лице жертвы или даже приводит к его гибели. У примитивных народов мощная внутренняя эмоция воздействует на тело любопытными способами, и здесь мы, вероятно, имеем упоминание о действительно имевшемся факте. В других случаях «проклятие насмешки» воздействовало на природу, заставляя отступить моря и реки. Насмешки со стороны бардов Галлии, упомянутые Диодором, возможно, считались обладающими подобными силами. Наоборот, филид, произнося несправедливый приговор, обнаруживали, что их лица покрывались пятнами.

Магическое сновидение часто вызывается в сагах музыкой, например игрой на арфе Дагды, или ветвью, которую приносят посетители из Элизиума. Множество «волшебных» колыбельных для усыпления даже теперь существуют в Ирландии и Нагорье. Поскольку музыка образует часть всей примитивной религии, ее успокаива-

ющие силы легко возвеличивались. В оргиастических обрядах она вызывала изменчивые эмоции, пока певец и танцор не впадали в глубокую дремоту, и рассказы о тех, кто участвовал в волшебном танце и заснул, а проснувшись, обнаруживал, что прошло уже много лет, являются мифическими преувеличениями силы музыки в таких оргиастических культах. Музыка филид, как и музыка арфы Дагды, вызывала смех, слезы и приятную дремоту, и в кельтских народных сказках изобилуют подобные примеры магического очарования музыки.

Теперь обратимся к использованию у кельтов амулетов. Некоторые из них применялись с целью поставить носителя под защиту бога, которого они символизировали. Как уже было замечено, кельтский бог имел в качестве своего символа колесо, вероятно представлявшее Солнце, и в Галлии и Британии были обнаружены многочисленные небольшие диски, сделанные из различных материалов. Очевидно, их носили как амулеты, хотя в других случаях их приносили в жертву речным божествам, поскольку многие из них встречаются в руслах рек или в бродах. Их использование как защитных амулетов показано на стеле, где изображен человек, носящий ожерелье, к которому прикреплено одно из таких колес. В ирландских текстах друид называется Мэг Руит, что объясняется как *magus rotarum*, потому что производил свои друидские ритуалы при помощи колес. Это может указывать на использование таких амулетов в Ирландии. Любопытный амулет, связанный с друидами, стал знаменитым в римские времена и был описан Плинием. Это было «змеиное яйцо», образовавшееся из пены, которую создали змеи, извивавшиеся вместе. Змеи бросили «яйцо» в воздух, и тот, кто увидит его, должен был поймать его в свой плащ прежде, чем оно упадет, и бежать к стремительному потоку, за которым змеи, подобно ведьмам, преследующим Там О'Шантера, не могли его преследовать. Считается, что это «яйцо» дает своему хозяину доступ к правителям или к судебным процессам, и в период царствования Клавдия римского гражданина предавали смерти за принесение такого амулета в суд. Плиний видел это «яйцо».

Оно было размером примерно с яблоко, с хрящеватой кожей, покрытой дисками. Вероятно, это был окаменевший морской еж, какой, например, встречается в галльских могилах. Такие «яйца» были, несомненно, связаны с культом змеи или каким-то древним мифом о яйце, порожденном змеями, возможно, использовавшимся для объяснения их формирования. Это более вероятно, поскольку кольца или стеклянные бусины, встречающиеся в курганах в Уэльсе, Корнуолле и Нагорье, называются «змеиным стеклом» (*глайн найдр*), и считается, что они сформировались таким же образом, как и «яйцо». В Нагорье они, как и старые веретенообразные предметы, называемые «камнями аспида», считаются обладающими магическими силами, например против укуса змеи, и высоко ценятся их владельцами.

Плиний также говорит о кельтской вере в магические силы коралла, который или носили как амулет, или принимали порошок из него как лекарство, и также было доказано, что кельты в течение ограниченного периода их истории вставляли его в оружие и посуду, несомненно, как амулет. Другие амулеты — белые мраморные шарики, кварцевая галька, образцы зубов кабана или куски янтаря — были обнаружены захороненными вместе с умершими. Также носили небольшие фигурки кабана, лошади и быка, с кольцом для подвешивания к ожерелью, как амулеты или как изображения этих божественных животных, а фаллические амулеты, возможно, служили в качестве защиты от дурного глаза.

Культ камней был, вероятно, связан с верой в магическую силу некоторых камней, подобных Лиа Файл, который громко кричал, когда Конн стучал по нему. Его друиды объясняли, что количество криков было равно количеству его потомков, которые должны были стать правителями Ерина. Это — этиологический миф, объясняющий использование этого камня-фетиша в коронациях. Другие камни, которые, возможно, были предметом культа или обладали магическими свойствами, использовались при выборе вождей, которые становились на них и клялись, что будут следовать по стопам своих предше-

ственников, причем очертание пары ног, вырезанных в камне, символизировало шаги первого вождя. Другие камни обладали скорее музыкальными достоинствами — «заметный камень» Элизиума, от которого возникло сто струн, и музыкальный камень Лох Лайг. Такие верования просуществовали до христианских времен. Каменный алтарь святого Колумбы, на котором прокаженный осенил себя крестным знаменем, плыл по волнам вслед за рыбацкой лодкой святого в Ерин. Но это был тот же камень, на котором намного раньше скользил герой Фионн.

С культом камней были связаны магические ритуалы на неподвижных камнях или валунах, которые рассматривались, вероятно, как обитатели духа. Эти ритуалы были по происхождению докельтскими, но они практиковались кельтами. Девушки скатывались с камня, чтобы получить возлюбленного, беременные женщины — чтобы получить легкие роды. Прикосновение к таким камням приводило к тому, что у бесплодных женщин рождались дети, или это давало жизнеспособность слабым. Обычно на камне оставляли небольшое пожертвование. Подобные обряды осуществлялись в мегалитических памятниках, — этот обычай, очевидно, был докельтским по происхождению. В этом случае души умерших, как ожидалось, помогали целям обрядов или даже воплощались в детях, рождавшихся впоследствии у бесплодных женщин, обращавшихся к этим камням. Иногда, когда назначение камня было забыто, и ему приписывалось какое-нибудь другое легендарное происхождение, обычай приспособлялся к легенде. В Ирландии известны множество дольменов не как места погребения, а как «ложе Диармайда и Грайнне» — места, где спали эти сбегавшие любовники. Поэтому они обладают силами плодovitости, и их посещают женщины, которые желают иметь детей. Таким образом, этот обряд является одной из разновидностей магии, основанной на внушении.

Дольмены с отверстиями или естественным образом дырявые камни используются для магического исцеления от болезней, а в Бретани и Корнуолле через отверстие пропускали больного. Подобные обряды использовались с де-

ревьями, где через разрез, который делали в стволе молодого дерева, пропускали больного ребенка. Затем разрез закрывали и связывали, и, если он заживал через какое-то время, это было доказательством того, что ребенок выздоравливает. Предполагалось, что в результате этих обрядов дух в камне или дереве помогал процессу исцеления, или же им передавалась болезнь, или опять же была идея о новом рождении с последующей обновленной жизнью, то есть действии, имитирующем процесс рождения. Эти обряды не ограничивались кельтскими регионами, их применение было гораздо шире.

Поскольку христианские авторы твердо верили в магические силы друидов, которым, они считали, помогал дьявол, они учили тому, что христианские святые чудесным образом одолели их их же собственным оружием. Святой Патрик рассеивал метели и тьму, поднятые друидами, или уничтожал друидов, которые насылали огонь с неба. Подобные деяния приписываются также Колумбе и другим святым. Моральная победа Креста позже стала возвеличиваться так же, как победа магов. Поэтому жизни кельтских святых также полны чудесами, которые являются просто воспроизведением друидской магии: управление стихиями, исцеление, перенесение пылающих углей без вреда для себя, запутывание своими проклятиями, превращение в невидимого или в других существ, растопление заледенелых вод реки благочестивым стоянием на льду или невредимое прохождение через самые жестокие бури. Вскоре христианские святые стали рассматриваться как более искусные маги, чем сами друиды. Возможно, они стали притязать на магические силы, или, возможно, они использовали естественные природные явления таким образом, чтобы создавалось впечатление магии. Но всю свою силу они приписывали Христу. «Христос — мой друид, истинный чудотворец», — сказал святой Колумба. Тем не менее они были полны суеверий своей собственной эпохи. Так, святой Колумба послал белый камень королю Бруду в Инвернесс для исцеления его друида Бройхана, который выпил вылитую на камень воду и исцелился. Вскоре подобные качества были приписаны мощам

самих святых, и в более позднее время, когда большинство шотландцев перестало верить в святых, они считали, что служители церкви обладают силами, подобными силам языческих друидов и католических святых. Служители поднимались в воздух, сияли небесным светом, имели дар ясновидения или с ужасными последствиями проклинали безбожников и невежественных прелатов. Они пророчествовали, используя гипноз, и демонстрировали дар исцеления. Ангелы служили им, как, например, в том случае, когда Самуил Рутерфорд, упав во младенчестве в источник, был спасен ангелом. Некий слой примитивной религии переживал все изменения веры, и народ беспристрастно приписывал магические силы языческим друидам, кельтским святым, старухам и ведьмам, а также пресвитерианским служителям.

Глава 22

СОСТОЯНИЕ МЕРТВЫХ

Из всех проблем, с которыми человек непосредственно имеет дело, ни одна так не взывает к его надеждам и страхам, как проблема жизни после смерти. Существует ли жизнь на том берегу, и если да, то достигнем ли мы его? Немногие народы, если таковые вообще были, сомневались относительно существования посмертного состояния, но их представления об этом сильно отличались. Но из всех народов древности, кроме Египта, кельты, по-видимому, лелеяли особенно страстную веру в загробную жизнь и были озабочены ее радостями. Их вера, насколько мы знаем, была чрезвычайно живой, и ее главной характеристикой была жизнь в теле после смерти, в другой области. Это, вместе с тем фактом, что это преподавалось друидами как учение, вызывало восхищение у классических наблюдателей. Но помимо этой веры, была и другая, произошедшая от идей о далеком прошлом, что мертвые жили в могиле, — эти два представления являются связанными между собой. И возможно, в некоторой степени была также вера в переселение душ. Хотя кельты верили, что душа могла существовать вне тела, по-видимому, нет никаких свидетельств в пользу того, что они верили в будущее существование души в качестве некой тени. Эта вера, конечно, встречается в некоторых поздних уэльских поэмах, где призраки описываются как блуждающие в Каледонском лесу, но они едва ли могут использоваться как свидетельство в пользу старого языческого учения. Свидетельство в пользу последнего может быть взято у классических наблюдателей, из данных археологии и из ирландских текстов.

Цезарь пишет: «Друиды особенно хотят запечатлеть в их умах то, что души после смерти не погибают, но переходят от одного к другому (*ab aliis... ad alios*), и это, они считают, будет побуждать мужчин к доблести и к тому, чтобы возвыситься над страхом смерти». Позже он добавляет, что на похоронах всё, что было дорого для умершего, даже живые существа, бросали в погребальный костер, а незадолго перед этим убивали также рабов и любимых слуг. Диодор говорит: «Среди них господствовало учение Пифагора о том, что души людей бессмертны, и после завершения их срока существования они живут новой жизнью, а душа переходит в другое тело. Поэтому на похоронах умершего некоторые бросали в погребальный костер письма, которые были обращены к мертвым родственникам, веря, что умерший прочитает их в ином мире». Валерий Максим пишет: «Они были склонны заставить нас верить в то, что души людей бессмертны. Я бы назвал этот носящий штаны народ глупцами, если бы их учение не было таким же, что и учение одетого в мантию Пифагора». Он также говорит о денежном долге, который, как они считали, будет выплачен в ином мире, потому что души людей бессмертны. Обычно считается, что эти отрывки означают, что кельты просто верили в переселение душ, как пифагорейцы. Возможно, все эти авторы цитируют один распространенный оригинал, но Цезарь не делает никакой ссылки на Пифагора. Сравнение с пифагорейским учением показывает, что кельтская вера существенно отличалась от него. Согласно первому, душа человека входила в новое тело, даже тело животного, в этом мире, как искупление. Ничего такого в кельтском учении нет. Новое тело — это не тюрьма для души, в которой она должна искупить свои прежние грехи, и душа получает тело не в этом мире, а в ином. Действительным связующим звеном было настаивание обоих учений на бессмертии, причем друиды говорили о телесном бессмертии. Их доктрина не более чем учение о переселении души, так же как христианство — учение о воскресении. Римские авторы, зная, что Пифагор создал учение о бессмертии души в череде ее переселений и что друиды говорили о телесном бессмертии, возможно, считали, что получение нового тела предполага-

ло переселение души. Будучи сами скептиками относительно будущей жизни или веря в традиционный мрачный Гадес, они были поражены энергичностью кельтского учения и его влиянием на человеческое поведение. Единственное, что, как они знали, было подобно этому, было пифагорейское учение. Вовсе не обязательно, что слова Цезаря передают идею о переселении душ, и возможно, что он неправильно перевел какой-то греческий оригинал. Если бы друиды имели в виду переселение души, они едва ли могли бы думать о том, что долги будут уплачены в мире ином, или что письма будут переданы там умершим, или что человеческие жертвы приносятся ради пользы умерших в ином мире. Кельты также не допускали идею о простом бессмертии души. Мертвый кельт продолжал оставаться той личностью, какой он был раньше, и, возможно, не в новом, а старом прославленном теле обитала его душа в загробном мире. Эта вера в телесное бессмертие в сфере, где жизнь проходила, как и на этой земле, но в более счастливых условиях, напоминает ведическое учение о том, что душа после сжигания тела отправлялась на небо Ямы, и там она получала свое тело, совершенное и прославленное. Эти два представления, индийское и кельтское, возможно, произошли от древней «арийской» веры.

Это кельтское учение наиболее ясно представлено в словах Лукана, который назвал его друидским учением. «От вас мы узнаем, что граница существования человека — не тихие залы Эреба, в ином мире (или регионе, *in orbe alio*) дух оживляет части тела. Смерть, если ваше знание истинно, является всего лишь центром долгой жизни». По этой причине, добавляет он, у кельтского воина не было страха смерти. Так, Лукан полагал, что друидское учение — это одно из учений о телесном бессмертии в ином мире. Этот мир не был мрачным; скорее, он был похож на египетский Аалу с его богатым и разнообразным существованием. Классические авторы, возможно, знали о спорадической кельтской идее, идущей от старых верований, согласно которой душа могла принимать форму животного, но это не было друидским учением. Опять же если у галлов, как и у ирландцев, были мифы, рассказывавшие о воскресении богов или по-

лужественных существ, они, возможно, были искажены их авторами и рассматривались как эсхатологические. Но такие мифы не касались смертных. Другие авторы, Тимагенес, Страбон и Мела, говорят только о бессмертии души, но их свидетельство, возможно, не отличается от свидетельства Лукана, поскольку Мела, кажется, копирует Цезаря, говоря о долгах, переходящих в иной мир.

Эта теория о телесном бессмертии подтверждается ирландскими сагами, в которых призраки в нашем смысле этого слова не существуют. Мертвые, которые возвращаются, — это не призраки, но полностью облачены в тело. Так, когда Кухулин возвращается по требованию святого Патрика, он описан точно так, как будто он все еще во плоти. «Его волосы густые и черные... взгляд стремительный и мрачный... Чернее, чем вертел, каждая из его бровей, краснее рубина его губы». Полностью описаны его одежда и оружие, его колесница и лошади — в равной степени материальные и телесные. Подобные описания умерших, которые возвращаются, — не редкость, например, возвращение Каойлте в истории о Монгане, которого все считают живым воином, или возвращение Фергуса Мак Ройха, который вновь появляется в прекрасном облике с красивыми каштановыми волосами и в своем прежнем великолепии и рассказывает забытую историю «Тайн». Так, ирландские кельты считали, что в ином мире дух оживляет части тела. Это телесное существование также предполагается в кельтских версиях цикла народных сказок «Мертвый должник». Обычно животное, в облике которого мертвец помогает своему благодетелю, встречается и в других европейских версиях, но в кельтских историях появляется не животное, а сам мертвец, как живой человек в телесной форме. В равной степени и субстанциальный и телесный, кушающий, пьющий, занимающийся любовью и борющийся — божественный народ сидхе или народ Элизиума, или боги, как они изображаются в текстах. Однако для кельтов боги, сидхе и мертвые — все имели телесную форму, которая могла стать невидимой и в других отношениях отличалась от земного тела.

Археологические находки погребальных обрядов у кельтов также свидетельствуют об этой вере. Во всей кельтской области обнаруживается богатое изобилие могильных вещей — оружия, колесниц, посуды, украшений и монет. Некоторые из погребений, несомненно, указывают на приношения в жертву жены, детей или рабов. Мужские и женские скелеты часто оказываются близко друг к другу, в одном случае рука мужчины охватывала шею женщины. В других случаях рядом с ними обнаружены останки детей. В то время как ниже расположенное погребение щедро обеспечено погребальными предметами, над ним в беспорядке лежат некоторые скелеты без погребальных предметов, и часто с отделенной от тела головой, что указывает на усекновение головы; в одном случае руки связаны сзади. Все это, рассматриваемое вместе с классическими свидетельствами о погребальных обрядах, означает, что будущая жизнь предполагалась как жизнь в теле и что это была точная копия земной жизни, с теми же привязанностями и потребностями. Некоторые отрывки в ирландских текстах также описывают похороны и сообщают о том, как умершего похоронили с украшениями и оружием и лицом к тому региону, откуда могли ожидать враги, чтобы он был бесконечной угрозой им и предотвращал их нападение¹. Возможно, эта вера может объяснить приподнятое положение многих могильных холмов. Также приносили в жертву животных. Согласно одному тексту, заложники были похоронены живо вместе с Фиахрой, а жен героев, согласно их желанию, иногда хоронили рядом с их погибшими мужьями.

Идея о том, что тело, как и душа, бессмертно, вероятно, была связана с очень примитивной верой — и она разделяется многими народами, — что люди живут в могилах. Эта идея никогда не была забыта, даже в тех регионах, где была развита теория далекой земли мертвых или где тело перед погребением сжигали на костре. Об этом свидетельствует

¹ В одном случае враг эксгумирует тело короля Коннахта и повторно хоронит его лицом вниз, а затем одерживает победу. Это почти совпадает со страшными последствиями выкапывания головы Брана.

практика связывания мертвого веревками, или наложения на него тяжелых камней, или насыпания земли на могилу, вероятно, чтобы предотвратить выход погребенного наружу, или подаяния мертвым жертвенной пищи в могилу. Это примитивное представление, основанное на вере в подземный мир мертвых, долгое время сохранялось у различных народов, например у скандинавов, которые думали, что холмы являются местом обитания умерших, хотя у них также было свое представление о Хел и Валхалле, или у славян, наряду с христианскими представлениями. Оно также сохранялось среди кельтов, хотя в то время возникла и другая вера, как можно увидеть в народных поверьях и обычаях. В многочисленных кельтских народных сказках мертвые встают из могилы в теле, а не как призраки, и могила описывается как дом, в котором они живут. Они занимаются своими обычными делами в доме или в поле; они едят вместе с живыми или мстят им за себя; если их бичевать, то из их тела льется кровь; а в одном любопытном бретонском рассказе мертвый муж посещает свою жену в постели, и затем она зачинает от него ребенка. В других историях труп оживает и говорит, или действует в присутствии живых, или выходит из могилы, если его потревожили. Древнейший литературный образец такой истории — рассказ X века «Приключения Неры», основанный на древних источниках. В нем Нера привязывает ивовый прут к ноге человека, которого повесили. Труп просит дать ему попить, а затем вынуждает Неру отнести его домой, где он убивает двух спящих людей. Все подобные истории, показывая, что труп действительно живет, в сущности, имеют более древнее происхождение. Другое распространенное верование, которое встречается в кельтской области, — это верование в то, что мертвые, когда они хотят, встают из могилы не как призраки, и все они появляются в Ночь Всех Святых и присоединяются к живым.

Таким образом, труп обладает свободой передвижения, вопреки более старой традиции, когда живые препятствовали его выходу из могилы. На западе Ирландии ноги трупа оставляли свободными и извлекали гвозди из гроба, лежащего в могиле. На Гебридах обрезали нити савана

или нити, обвязывавшие ноги и руки, и поднимали лицо, когда тело помещали в гроб, а в Бретани руки и ноги оставляли свободными, когда одевали труп. Это делалось для того, чтобы дух имел меньше проблем при вхождении в духовный мир, но, очевидно, причина была более материальной. Многие истории иллюстрируют эти обычаи. Например, существует рассказ о женщине, которая часто посещала своих друзей, потому что они сделали ее погребальную одежду настолько короткой, что огни чистилища обожгли ее колени.

Более древние обычаи кельтов также указывают на существование этой примитивной веры, влияющей на существующую традицию. Никандер говорит о том, что кельты ходили ночью к могилам великих людей, чтобы получить предсказания, — столь сильно они верили, что те живут там. В Ирландии также искали предсказания, засыпая на погребальных пирамидах из камней, и именно к могиле Фергуса два барда обратились, чтобы получить от него потерянную историю «Тайн». Мы также видели, как в Ирландии вооруженные герои оказывали злое влияние на врагов из своих могил, которые, возможно, рассматривались как их дома, — верование, лежащее также в основе уэльской истории о голове Брана.

Где располагался мир мертвых? С. Рейнак посредством тщательного сравнения различных употреблений слова «орбис» показал, что слова Лукана не обязательно подразумевают «иной мир», они означают иную область этого мира. Если кельты так твердо лелеяли веру в то, что мертвые живут в могилах, то эта вера в подземный мир мертвых с течением времени развилась как часть их религиозного кредо. Согласно этой вере, все могилы и могильные холмы были обитаемы. Классические наблюдатели, очевидно, утверждали, что кельтское представление о состоянии после смерти было подобно их собственному представлению о состоянии в некоей области подземного мира, поскольку они говорят о мертвых кельтах как *inferi*, или как направляющихся *ad Manes*, а у Плутарха Камма говорит о том, что она спускалась к своему умершему мужу. От их собственного мрачного подземного мира подземелье кельтов отличалось изо-

бильной жизнью и бессмертием. У кельтов было множество историй о подземном мире или подводной области, более красивых и счастливых, чем что-либо на земле. Такой подземный мир, должно быть, был миром кельтского Диспатера, бога плодородия и роста, откуда произрастали корни всего процветающего на земле. От него произошли люди, что, вероятно, является мифом об их выходе из его подземного мира, и к нему они возвращались после смерти для счастливой жизни.

Некоторые авторы, особенно М. Д'Арбуа, предполагают, что *orbis alius* мертвых был кельтский остров Элизиум. Но об этом Элизиуме никогда не говорится в историях как о земле мертвых. Это — земля богов и бессмертного народа, который вовсе не тот, который пришел из этого мира после смерти. Смертные могут достигать его по благосклонности к ним, но только при жизни. Это может доказывать, что Элизиум рассматривался в языческие времена как земля мертвых, но после того, как возобладали христианские эсхатологические взгляды, он стал своего рода волшебной страной. Существующие истории показывают Элизиум так, как будто он всегда был местом, отличным от места умерших, хотя, возможно, возникла тенденция путать их.

Если была подлинная кельтская вера в существование острова мертвых, то она могла быть просто местным верованием, иначе Цезарь не говорил бы так, как он это делает, о кельтском Диспатере. Такая местная вера существовала в позднейшее время на бретонском побережье, но она главным образом касалась душ утопленников. Подобная местная вера может объяснить историю, рассказанную Прокопием, который говорит, что Бриттия (Британия), остров, находящийся в устье Рейна, разделен с севера на юг стеной, за пределами которой находится гибельная область. Это — искаженное представление о римской стене, которая, по-видимому, проходила в этом направлении, если посмотреть на карту Птолемея, на которой Шотландия находится под прямым углом к Англии. Рыбаки с противоположного берега были вынуждены переправить туда глухой ночью тени мертвых, невидимых им, но ведомых таинственным проводником.

Возможно, Прокопий смешал какое-то местное поверье с существовавшей традицией, согласно которой остров теней Улисса лежит на севере или на западе. В любом случае его история делает из мрачной земли теней область, совершенно отличную от блаженного Элизиума кельтов, и при этом нет уверенности в том, что он упоминает о кельтах.

Следы идеи относительно подземного мира мертвых существуют в народном поверье бретонцев. Умершие должны путешествовать через подземный океан, и, хотя едва ли есть какая-либо традиция относительно того, что происходит в момент высадки на берег, М. Себиллот считает, что раньше «в подземном мире существовала своего рода централизация различных состояний мертвых». Если это так, то это, должно быть, было основано на языческой вере. Кроме того, считалось, что внутренняя часть земли была обителью невероятных существ, гигантов и фантастических животных, и был также подземный волшебный мир. Все это мы можем видеть в сохранившихся обычаях более старой религии, измененной христианским учением, поскольку бретонцы предполагают, что чистилище и ад находятся под землей и доступны с ее поверхности.

Какая-то часть британского фольклора, принесенная в Грецию Деметрием и рассказанная Плутархом, по-видимому, может подразумевать, что некоторые люди — могущественные мертвые — были привилегированными и жили на острове Элизиум. Некоторые острова вблизи Британии были названы именами богов и героев, и жители одного из них стали рассматриваться бриттами как священные. Деметрий посетил их и сказал, что штормы, которые возникли во время его посещения, привели к гибели некоторых из «могущественных», или «великих душ». Возможно, имелось в виду, что «могущественные» перешли на более отдаленные острова, но отчетливо это не было сказано. На другом острове Кронос был заключен в тюрьму, за ним приглядывал Бриарей, и его охраняли демоны. Плутарх рассказывает об этих островах в другой работе, повторяя историю о Кроносе и говоря,

что его остров является тихим и благоухающим, что живущие там люди ожидают бога, который иногда является им и не дает им уйти. Между тем они счастливы и не знают никаких забот, проводя время в жертвоприношениях и воспевая гимны или изучая легенды и философию.

Плутарх, очевидно, смешал кельтские верования насчет Элизиума с классической концепцией друидов. В Элизиуме нет никаких забот, и счастливым смертным, которые переходят туда, обычно не препятствуют вернуться на землю. Упоминание о Кроносе может также быть основано частично на мифах о кельтских богах Элизиума, частично на историях о героях, которые отошли на таинственные острова или в полые холмы, где они лежат, спят, но откуда однажды они вернутся, чтобы принести пользу своему народу. Так, Артур перешел на Авалон, но в других историях он и его воины спят под Крайг-и-Ддинасом, так же как Фионн и его люди покоятся в пределах того или иного холма в Нагорье. Подобные легенды рассказываются и о других кельтских героях, и они являются свидетельством веры в то, что великие люди, которые умерли, возвратятся, когда появится в них нужда. О них думали как о тех, кто вообще не умер, а просто спит и ожидает своего часа¹. Эта вера основана на той идее, что мертвые живут в могиле, или в холме, или в пространстве под землей и что мертвые воины могут угрожать своим врагам из могилы.

Поэтому ни в старых сагах, ни в сказках, ни в народном эпосе остров Элизиум не является миром мертвых. По большей части языческая традиция слилась здесь с христианской, в то время как вера в Элизиум осталась неповрежденной и отразилась в целом ряде прекрасных историй.

¹ Иногда смертные проникали в обитель этих героев, которые пробуждались. Если посетитель имел мужество рассказать им, что час еще не пробил, то они снова засыпали, и он убегал. В Бретани скалистые расщелины считались входом в мир мертвых, подобно пещере Лоугх Деарг. Подобные истории, вероятно, рассказывались в языческие времена, а позже их приспособили к христианской вере в чистилище или ад.

Мир мертвых был во всех отношениях точной копией этого мира, но он был более счастливым. В бретонской и ирландской религиях — пережитках старого представления о телесном состоянии мертвых — умершие вновь обретают свои инструменты, ремесла и занятия и сохраняют свои старые чувства. Поэтому, когда они появляются на земле, то живут в телесном виде и в своей привычной одежде. Подобно языческим галлам, бретонец помнит свои неоплаченные долги и не может найти покоя до тех пор, пока они не оплачены, и в Бретани, Ирландии и Нагорье пища и одежда, отданная бедным после смерти, кормит и одевает мертвых в мире ином. Если мир мертвых был подземным, то Землябогиня (или бог Земли), которая поначалу была самой Землей, а затем жила под ее поверхностью и порождала плодородие, могла не стать божеством мертвых до тех пор, пока множество одиночных могил или холмов, в каждом из которых жили мертвые, не станет обширной подземной областью мертвых. Это божество было источником жизни и роста; поэтому оно рассматривалось как прародитель человечества, который вышел из подземного мира и возвратится туда после смерти. Вполне возможно, что бретонское представление об Анкоу, персонифицированной смерти, является воспоминанием о кельтском Диспатере. Он наблюдает за всеми загробными делами и уносит умерших в свой мир. Но если это так, то его образ был искажен в худшую сторону средневековыми идеями о «Смерти-скелете». Он стал ужасным богом смерти, в то время как кельтский Дис был совершающим добрые дела богом мертвых, которые наслаждались счастливым бессмертием. Они были не холодными призраками, а живыми и наделенными телесной оболочкой существами, способными наслаждаться лучшей жизнью, одетыми в красивые одеяния и яркие украшения, которые так сильно любили на земле. Поэтому кельтские воины не боялись смерти, и было чрезвычайно распространено самоубийство, в то время как испанские кельты пели хвалебные гимны смерти, а другие отмечали рождение людей в трауре, а их смерть — с радостью. Таким образом, слова Лукана являются наиболее верным выражением кельтской эсхатологии: «В ином мире дух оживляет

части тела; смерть, если ваши знания истинны, является всего лишь переходом к вечной жизни».

Нет никакого решающего свидетельства, указывающего на какую-либо теорию загробного морального возмездия у языческих кельтов. Поскольку надежда на бессмертие заставляла воинов без трепета встречать смерть, возможно, утверждалось, как считали и многие другие народы, что трусы упустили бы счастье будущего состояния. Опять же в ирландских христианских воззрениях на потусторонний мир и в народных поверьях некоторые характеристики ада не могут быть выведены из христианской эсхатологии, например страдания мертвых от холода. Это может указывать на старую веру в холодный регион, куда была изгнана часть мертвых. В «Приключениях церковников святого Колумбы» к аду пролегает мост по долине огненной реки, а узкий мост, ведущий к иному миру, — это распространенная деталь многих мифологий. Но здесь это может быть заимствовано из скандинавских источников или из таких христианских писаний, как «Диалоги» святого Григори Великого. Можно было бы утверждать, что христианское учение об аде впитало в себя более древнюю языческую теорию воздаяния, но в настоящее время в сагах или в классических ссылках на кельтскую веру в будущую жизнь нет ни следа этой теории. И при этом любое упоминание делается не на Судный день, так как отрывок, в котором Лоэгайре говорит о мертвых, погребенных с оружием до «дня Эрдатхе», хотя и переводится как «Судный день Господа», но не относится к такому дню. Если можно приписать кельтам этическую слепоту, за очевидное отсутствие у них какой-либо теории воздаяния, то следует вспомнить, что мы не должны судить о народной этике только по их взглядам на будущие наказания. Скандинавы, греки и семиты на некоторой стадии развития были столь же неэтичны, как и кельты в этом отношении, и христианский ад в том виде, в каком он воспринимается многими теологами, далек от того, чтобы выдвигать этический идеал.

Глава 23

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

В ирландских сагах о перерождении говорится только в отношении божеств или героев, и, вероятно, поэтому эта вера была неприемлема для христианских книжников, в то время как в некоторых рукописях рассказывается о героических персонажах, в других же говорится, что те же герои рождаются естественным образом. Нет никакого текстового свидетельства в пользу того, что это касалось обычных смертных, и возможно, что, если бы классические наблюдатели не истолковали неправильно кельтское учение о будущей жизни, то их упоминания о перерождении можно было бы считать основанными на мифических историях о богах или героях. Мы изучим эти истории, поскольку они встречаются в ирландских текстах.

Как уже было замечено, в мифологическом цикле Етайн в облике насекомого упала в чашу вина. Ее проглотил Этар, и в назначенное время она снова родилась в виде ребенка, а став девушкой, в конечном счете вышла замуж за Эохайда Айрема, но была узнана и уведена ее божественным супругом Мидиром. Однако Етайн совершенно забыла свое прежнее существование в виде богини.

В одной версии истории о рождении Кухулина Дехтире и ее женщины улетают как птицы, но в конечном счете их обнаруживает ее брат Конхобар в странном доме, где Дехтире рождает ребенка, отцом которого был, очевидно, бог Луг. В другой версии птицы — это не Дехтире и ее женщины, поскольку она сопровождает Конхобара в качестве его возницы. Они приходят к дому, хозяйка которого рождает ребенка, которого воспитывает Дехтире. Ребенок умирает,

и во время своего возвращения с похорон Дехтире проглатывает в момент питья крохотное животное. Ночью к ней является Луг и сообщает ей, что он был ребенком и что теперь она с ребенком (то есть он и был тем животным, которого она проглотила). Когда он родился, его называли Сетанта, а позже стали называть Кухулин. Таким образом, в этой версии Кухулин является перерождением Луга, а также его сыном.

В «Рассказе о двух свинопасах, Фриухе и Рухте» животными богов являются Очалл и Бодб. Они ссорятся, и в рассказе полностью описана их борьба в разных животных формах. Наконец, они становятся двумя червями, которых проглатывают две коровы; затем они рожают Белорогого и Черного Быка Куальнге, животных, которые стали причиной появления «Тайн». Свинопасы были, возможно, сами богами в более ранних версиях этого рассказа.

В других историях рассказывается о перерождении героев. Конхобар называется по-разному — либо сыном Нессы от ее мужа Катбада, либо ее любовником Фахтной. Но в последней истории встречается третья версия. Несса приносит Катбаду глоток из реки, но в нем два червя, которых он заставляет ее проглотить. Она рождает сына, в каждой руке которого было по червю, и он был назван Конхобаром, в честь названия реки, в которую он упал вскоре после своего рождения. История заканчивается словами: «Именно от этих червей она забеременела, как говорят некоторые». Возможно, божество реки приняло форму червя и было повторно рождено как Конхобар. Мы можем сравнить с этим историю рождения Коналла Кернаха. Его мать была бездетна до тех пор, пока друид не пропел заклинания над источником, в котором она купалась, и выпила из него воды. С глотком воды она проглотила червя, «и червь был в руке мальчика, когда он пребывал во чреве своей матери; и он съел его».

Также с идеей перерождения связана личность Фионна. В одной истории Монган, король VII века, поспорил со своим поэтом о смерти героя Фотада. Фиан Каойлте восстал из мертвых, чтобы доказать правоту Монгана, и сказал: «Мы были с тобою, с Фионном». Монган прика-

зывает ему замолчать, потому что он не хотел, чтобы узнали о его тождестве с Фионном». Однако Монган был Фионном, хотя не позволял об этом рассказывать. В другой истории Монган является сыном Мананнана, который предрек это событие. Мананнан явился жене Фиахны, когда тот боролся с саксами, и сказал ей, что, если она не отдастся ему, ее муж будет убит. Услышав об этом, она согласилась, и на следующий день бог бился вместе с войсками Фиахны и разгромил врагов. «Так что этот Монган был сыном Мананнана Мак Лира, хотя он назывался Монганом, сыном Фиахны». В третьей версии Мананнан заключает сделку с Фиахной и в его облике спит с этой женщиной. Одновременно с рождением Монгана у слуги Фиахны родился сын, который стал слугой Монгана, и жена воина родила дочь, которая стала его женой. Мананнан принял Монгана в Землю обетованную и хранил его там, пока тому не исполнилось шестнадцать лет. Монгану приписывалось много магических сил и способность превращаться в других существ, и в некоторых историях он вступает в связь с сидхе. Возможно, в мифе говорилось о том, как вместо смерти он отправился в Элизиум, поскольку он происходит с «Земли Живого Сердца», чтобы поговорить со святым Колумбой, который взял его, чтобы тот увидел рай. Но он не удовлетворил любопытство святых насчет Элизиума и внезапно исчез, вероятно возвратившись туда.

Любопытно это двойное описание рождения Монгана. Возможно, идея о том, что он был перерождением Фиона, предполагается тем фактом, что его отец был назван Фиахной Финном, хотя возможно, что к личности исторического Монгана был приложен какой-то старый миф о сыне Мананнана по имени Монган.

Примерно во времена Монгана король Диармайд имел двух жен, одна из которых была бесплодна. Святой Финнен дал ей святую воду, чтобы она ее выпила, и она родила ягненка; затем, после второго глотка, она родила форель и, наконец, после третьего глотка — Аэд Слейна, который стал великим королем Ирландии в 594 году. Это — христианизированная версия истории рождения Коналла Кернаха.

В уэльской мифологии история Талиесина дает пример перерождения. После битвы с превращениями богинь Кэрридвен и Гвион, похожей на битву свинопасов, Гвион превратилась в зерно пшеницы, которое Кэрридвен проглотила, будучи в облике курицы, так что в итоге она повторно родилась в облике Талиесина.

Большинство этих историй больше не существует в их примитивной форме, и в них обнаруживаются различные идеи: зачатие магическими средствами, божественное происхождение через любовь божества и смертного и перерождения.

Что касается первого, то в примитивном обществе и даже в европейских народных обычаях в случае бесплодия часто обращались за помощью к магу или священнику. Молитвы, амулеты, микстуры или пища были теми средствами, которые обычно индуцировали зачатие, но, возможно, одно время верили, что они вызывали его сами. Во многих историях глотание семени, фрукта, насекомого и т. д. приводило к рождению героя или героини, и, вероятно, эти истории воплощают фактическую веру в такую возможность. Если истории о Коналле Кернахе и Аэде Слейне не являются случаями перерождения, скажем, божества источника, они являются примерами веры в это. Дар плодородия дается друидом и святым, но в истории с Коналлом скорее глотание червя, чем заклинание друида вызывает зачатие и является реальным мотивом этой истории.

Там, где перерождение божества встречается как результат глотания небольшого животного, очевидно, что бог сначала принял эту форму. Кельт, веря в зачатие глотанием некоторого объекта и в превращения, объединил свои знания и таким образом пришел к третьей идее, согласно которой бог мог принимать форму небольшого животного, которое при заглатывании проходило стадию перерождения¹. Если, как предполагают, кельты верили,

¹ В некоторых историях небольшое животное до сих пор существует независимо после рождения, но, возможно, это — не их примитивная форма.

что при посещении бесплодными женщинами дольменов и мегалитических памятников дух мертвеца может войти в женщину и родиться от нее или по крайней мере помочь зачатию, — эта вера есть и у других народов, — это, возможно, вызвало мифы о перерождении богов человеческими матерями. Во всех случаях эта последняя кельтская вера аналогична мифам американских индейцев, например, о Тхлинкеете (Thlinkeet), боге Йехл, который превращался то в гальку, то в траву и, когда его проглатывали женщины, снова рождался.

В историях Етайн и Луда, переродившихся в Сетанту, встречается идея божественного превращения и перерождения. Подобная идея может лежать в основе истории Фионна и Монгана. Что касается историй Гвион и свинопасов, последние были слугами богов и, возможно, сами некогда рассматривались как божества, которые в своем перерождении в виде быков, несомненно, являются божественными животными и представляют некоторые черты, которые требуют дальнейшего рассмотрения. Предыдущие превращения в обоих случаях имеют сюжет битвы с превращениями во многих сказочных историях и, очевидно, не были частью первоначальной формы мифов. Во всех таких сказках противоборствующими сторонами являются мужчины, поэтому событие с перерождениями не могло образовать часть их. В уэльской истории Гвион и в соответствующей поэме о Талиесине изобретательное слияние сказочных сюжетов с существующим мифом о перерождении, должно быть, произошло в древние времена¹. Это также верно для истории о двух свинопасах, но в этом случае, как сказано в мифе, поскольку два бога приняли форму червей и были повторно рождены от коров, сюжет был изменен. Оба остаются в конце боя в живых, вопреки обычной формуле, потому что оба были мужчинами и оба были снова рождены. Слияние искус-

¹ После рассказа о различных формах, в которых он был, поэт добавляет, что он был зерном, которое съела курица, и что он отдыхал в ее чреве как ребенок. Упоминание в этой древней поэме о рукописи XIV в. показывает, что слияние сказочного сюжета с мифом о перерождении уже было тогда известно.

ное, потому что перерожденные персонажи сохраняют память о своих первых превращениях, так же как Монган знает о своей первой жизни в качестве Фионна. В других случаях такой памяти нет. Этэйн забыла свою прежнюю жизнь, и Кухулин, по-видимому, не знает, что он — перерождение Луга.

Связь Луга с Кухулином заслуживает дальнейшего исследования. Хотя бог переродился, он также существует как Луг, точно так же, как, будучи проглоченным в виде червя Дехтире, он появляется в своей божественной форме и сообщает ей, что он будет рожден от нее. В «Тайн» он появляется как борющийся за Кухулина, которого он там называет своим сыном. Таким образом, есть два аспекта связи героя с Лугом; в одном он — перерождение бога, в другом он — его сын, каким он действительно, по-видимому, изображается в «Сватовстве за Эмер» и поскольку он назван Лаборхамом буквально перед смертью. В одной из историй о рождении он явно был сыном Луга от Дехтире. Но обе версии могут просто быть различными аспектами одной веры, а именно веры в то, что бог мог быть повторно рожден как смертный и, тем не менее, продолжать свою божественную жизнь, потому что всякое рождение — это своего рода перерождение. Мужчины Ульстера искали жену Кухулина, зная, что его перерождение будет от него самого, то есть его сын был бы им самим, несмотря даже на то, что он продолжал существовать как его отец. Примеры такой веры встречаются и в других местах, например, в «Законах Ману», где муж, как считается, должен родиться от его жены, и в Древнем Египте, где боги были названы «саморожденными», потому что каждый из них был отцом сына, который был его истинным образом или им самим. Подобие в примитивной религии подразумевало идентичность. Так, вера кельтов в происхождение смертных от богов, возможно, была связана с теорией о божественном воплощении. Бог становился отцом смертного от женщины, и часть его переходила в ребенка, который, таким образом, был самим богом.

Конхобар также был перерождением бога, но он был назван по имени реки, откуда его мать взяла воду с чер-

вами, которые она проглотила. Это может указывать на потерянную версию, в которой он был сыном речной богини Нессы. Это полностью соответствовало кельтской традиции, что доказывается такими именами, как Дуброгенос (от «дуброн», «вода» и «генос», «рожденный»); Дивогенос, Дивогена («сын бога» или «дочь бога»), возможно, речной бог, поскольку «дейвос» — это часто название реки; и Рейногенус («сын Рейна»). Люди, которые первыми носили эти имена, считались рожденными от божеств. Происхождение Монгана от Мананнана, бога моря, становится совершенно очевидным, и уэльское имя Морген = Моригенос («сын моря»), вероятно, указывает на подобную же историю, которая в настоящее время потеряна. Другие кельтские имена часто сообщают о некогда существовавших мифах о любви богов со смертными. Они показывают происхождение от божества: Камулогенус (сын Камулоса), Езугенос (сын Езуса), Бодуогенус (сын Бодвы); или от духов дерева: Дерген (сын дуба), Верногенус (сын ольхи); или от божественных животных: Артген (сын медведя), Урогенус (сын тура). То, что некогда было эпитетом, описывающим божественное происхождение, позже стало личным именем. Так, в Греции имена Аполлоген, Диоген и Гермоген некогда были эпитетами героев, рожденных от Аполлона, Зевса и Гермеса.

Таким образом, существовала жизненная кельтская вера в то, что божества могли соединяться со смертными и рождать детей. Героев влекло в Элизиум, они наслаждались любовью с его богинями: Кухулин — любовью с Фанд; Конлла, Бран и Ойсин — любовью с другими богинями, имена которых не названы. Кроме того, также богиня Морриган предложила себя Кухулину. Христианские кельты в V веке еще сохраняли эту веру, хотя в несколько измененной форме. Святой Августин и другие описывают косматых бесов, называемых галлами *дусии*, которые стремились к ложу женщин, чтобы удовлетворить их желания.

Дусии родственны инкубам и фавнам и, по-видимому, представляют собой не высших богов, редуцированных христианством до бесов, а скорее меньших божеств, некогда объектов народного поклонения.

Эти верования связаны также с кельтскими представлениями о превращениях и переселении душ. Одно означает принятие на какое-то время другой формы, другое — переход души или личности в другое тело. Как уже было замечено, на эту способность совершать превращения претендовали друиды и другие люди, или она приписывалась им, а они едва ли преуменьшали свои силы и, вероятно, хвалились ими при любой возможности. Такие восхваления мы слышим из уст ирландского Амаргина и уэльского Талиесина. По мере того как милезианцы приближались к Ирландии, Амаргин пел стихи, которые, возможно, были частью ритуального пения:

Я — ветер, который дует на море,
 я — волна океана,
 я — бык семи битв,
 я — орел на скале,
 я — кабан по храбрости,
 я — лосось в воде

и т. д.

Профессор Рис указывает на то, что часть этих стихов вовсе не обязательно означает фактическое превращение, но скорее простое уподобление через «примитивное формирование предиката без помощи частицы, соответствующей такому слову, как «подобно». Однако достаточно остается такого материала, который доказывает утверждения магов. Талиесин во многих поэмах говорит: «Я был во множестве форм, прежде чем принял твердую форму» — форму меча, звезды, орла и т. д. Затем он был сотворен без отца и матери. Подобные притязания обычны для знахарей повсюду. Но с другой точки зрения, они могут быть простыми поэтическими гиперболами, распространенными в кельтской поэзии. Так, Кухулин говорит: «Я был собакой, сильной для боя... Их защитником... шкатулкой всех тайн для дев», или в других местах: «Я — кора, переваливающаяся с волны на волну... судно после потери руля... небольшое яблоко на вершине дерева, которое мало думает о своем падении». Это сравнительно простые метафорические описания. Более сложная метафора применяется в «Беседе двух мудрецов», где Неде и Ферсертне, восхваляя себя, ис-

пользуют все лингвистические возможности языка. Уэльские барды, кроме Талиесина, говорят высокопарным языком, и доктор Скин считает, что их утверждения, «возможно, были излишне напыщенными». В основе некоторых таких восхвалений лежала вера и превращения или в перерождения и придавала им особое значение. Амаргиново «я есть» предполагает врожденную способность к превращениям; Талиесиново «я был» — говорит о совершившихся превращениях. Такие утверждения не связаны с «мощным пантеистическим учением, которое является одновременно славой и ошибкой ирландской философии», как утверждает М. Д'Арбуа, в противном случае дикие знахари, хвастающие своими способностями к превращениям, стали бы философскими пантеистами. В поэмах просто говорится о примитивных верованиях в превращения, которые, к примеру, встречаются среди всех дикарей и варварских народов, но выражены хвастливым языком, которым наслаждались кельты.

Как производились последовательные превращения? Чтобы ответить на это, сначала рассмотрим историю Туана Мак Карайла, которая сохранилась со времен Партолона до времен святой Финнен. Это был дряхлый старик при пришествии Немед, и однажды ночью, когда он спал, он проснулся в облике оленя и жил в этой форме до самой старости. Таким же образом он стал кабаном, ястребом и лососем, который был пойман и съеден женой Кайрелла, того, от кого он был рожден как Туан, который полностью помнил свои различные формы.

Эта история, творение IX или X века христианского книжника, предназначенное для объяснения знания о многих вторжениях в Ирландию¹, должно быть, было основано на языческих мифах о последовательных превращениях и конечных перерождениях. Подобный миф, возможно, был и о Талиесине — о его превращениях и конечном перерождении, причем в более позднее время

¹ Еще один метод, объясняющий это знание, состоял в том, чтобы вообразить долгоживущего персонажа, подобного Финтану, который жил в течение пяти тысяч лет. Здесь не было никакого превращения или перерождения.

в миф был включен эпизод битвы с превращениями, не связанной с большими периодами времени. Такой ряд последовательных форм — дракона, волка, оленя, лосося, тюленя, лебедя — был приписан Монгану и предсказывался Мананнаном, и Монган упоминает в своей беседе со святым Колумбой: «Когда я был оленем... лососем... тюленем... бродячим волком... человеком». Возможно, это была история о сказочном герое, который принимал различные формы и наконец был перерожден. Но превращение старика или старого животного в новые молодые и энергичные формы могло рассматриваться как своего рода переселение души — как развитие идеи превращения, но не связанной ни с метемпсихозом, ни с переходом души в другое тело посредством перерождения. Действительное переселение или перерождение встречаются только в конце ряда, и, как в случае с Етайн, Лугом и т. д., предсущий человек рождается от женщины после того, как она его проглатывает. Возможно, вера в превращения затемнила веру в фактический метемпсихоз в результате перехода души предка в женщину и повторного рождения в качестве ее следующего ребенка. Добавьте к этому то, что душа часто считается крошечным животным, и мы увидим, как *point d'appui* уступает более материалистической вере. Насекомое или черви в историях о перерождениях, возможно, были некогда формами души. Легко также увидеть — теория зачатия посредством глотания различных объектов уже существовала, — как могло считаться возможным, что съедание лосося — превращенного человека — приводит к его перерождению от съевшего.

Возможно, у кельтов общая идея относительно будущей жизни была другого рода. Или различные верования в превращения, переселения, перерождения и зачатия необычными средствами так неразрывно смешались, что их невозможно было разделить. Ядром этих историй, по-видимому, является вера в то, что душа после смерти все еще облечена в телесную форму и сама является чем-то материальным. Но некоторые из этих историй являются отчетливо кельтскими и были связаны со старыми ска-

зочными сюжетами о последовательных превращениях, вынужденных или по своей воле принимаемых каким-нибудь человеком, который в конечном итоге перерождается. Этот сюжет о двух братьях уже был старым в египетской истории XIV века до н. э.

Подобные кельтские истории, возможно, были известны классическим авторам и повлияли на их эсхатологические идеи. Однако вряд ли можно говорить, что сами истории свидетельствуют о существовании у кельтов учения о переселении душ, поскольку эти истории связаны с божественными или героическими персонажами. Тем не менее, эта вера могла иметь некоторое хождение среди них, основываясь на примитивных теориях жизни души. Свидетельство того, что она существовала рядом с общими учениями о будущей жизни, может быть обнаружено в древних и более поздних народных поверьях. В некоторых случаях мертвые существуют в форме животных, как, например, в «Путешествии Маэлдуина», где птицы на острове, как говорится, были душами, или в легенде о святом Маэлсутайне, чьи ученики являются ему после смерти в виде птиц. Вера в то, что душа после смерти принимает форму птицы, до сих пор существует на Гебридах. Бабочки в Ирландии, мотыльки в Корнуолле и летучие мыши или бабочки во Франции считаются душами умерших. Корнуолльцы считают, что король Артур умер и превратился в ворону, а в средневековом Уэльсе души грешников появлялись в виде ворон, в Бретани — черных собак, буревестников или зайцев, или служили свой срок раскаяния в виде коров или быков, или оставались в виде ворон до Судного дня. Некрещенные младенцы превращались в птиц; утонувшие моряки становились зверями или птицами; а души девушек, обманутых любовниками, часто посещают их в облике зайцев.

Это показывает, что идея переселения душ, возможно, была чуждой для кельтского сознания и была результатом той идеи, что после смерти люди принимали форму животного тотема. Некоторые истории о превращениях, по видимому, появились благодаря тотемистическим воззрениям, и следует отметить, что в Керри крестьяне не едят зайцев, потому что в них живут души их бабушек. С дру-

гой стороны, некоторые из этих сохранившихся обычаев могут подразумевать то, что сама душа уже имеет животную форму, в которой она естественно выглядит после смерти. В кельтском народном поверье считается, что душа покидает тело во сне в виде пчелы, бабочки, комара, мыши или карлика. Такая вера встречается среди самых диких народов и может быть легко принята за идею переселения душ. Хотя народные обычаи показывают, что переселение не обязательно предполагается для всех умерших, это, возможно, было достаточно жизненное верование, окрашивавшее всю мифологию, как мы видим из существующих историй, хотя они, возможно, были фальсифицированы.

Корни общей религии восходят к примитивным идеям относительно жизни и ее распространения — идеям, которые некоторые считают некельтскими и неарийскими. Но арийцы были «примитивны» в определенный период своей истории, и было бы странно, если бы, все еще находясь в варварском состоянии, они забыли свои старые верования. В любом случае, если они приняли подобные верования от неарийского народа, то это не говорит об их превосходстве. Такие верования породили идею перерождения и переселения душ. Однако это не было характерной кельтской эсхатологической верой; согласно их теориям, мертвые жили в теле или принимали тело в другой области, возможно в подземном мире.

Глава 24

ЭЛИЗИУМ

Кельтское представление об Элизиуме, продукте одновременно религии, мифологии и романтического воображения, обнаруживается в ряде ирландских и уэльских историй. Мы не знаем, существовало ли подобное представление среди континентальных кельтов, но, с учетом сходства их верований в других вопросах с верованиями островных кельтов, есть большая вероятность того, что это так. Существует четыре типичных представления об Элизиуме. В Ирландии, хотя считалось, что боги удалились в холмы или сидхе, вполне вероятно, что некоторые из них жили в них или в подземном мире, и поэтому то, что можно назвать подземным Элизиумом, или подземным миром типа сидхе, является чем-то древним. Но были также другие типы: западный остров Элизиум, подводный мир и мир, сосуществующий с этим и образуемый туманом.

Названия ирландского Элизиума иногда бывают общего характера: Мэг Мор («Великая Равнина»); Мэг Мелл («Приятная Равнина»); Тир н'Айл («Потусторонний мир»); Тир на м-Бео («Земля Живых»); Тир на н-Ог («Земля Юности»); Тир Тайрнгири («Земля обетованная») — возможно, христианского происхождения. Местные названия — Тир фа Тонн («Земля под Волнами»); И-Бресайл и Земля Фалга — названия острова Элизиум. Последнее обозначает остров Мэн как Элизиум, и, возможно, так считалось гойделами в Британии в древние времена. К этому периоду может принадлежать история о набеге Кухулина на Фалгу, которая возникла в более позднее время в Ирландии. Тир Тайрнгири также отождествляется с островом Мэн.

Краткое резюме основных историй об Элизиуме необходимо в качестве предварения обсуждения проблем, с которыми они связаны, хотя это может дать лишь небольшое представление о красоте и романтизме самих историй. Они, если и не фактически сочиненные в языческие времена, основаны на зачатках историй, бытовавших до пришествия христианства в Ирландию.

1. Сидх Элизиум. В истории об Етайн, когда Мидир обнаружил ее в ее перерождении, он описал землю, куда он отведет ее, музыку и справедливых людей, теплые ручьи, отборный мед и вино этой земли. Там — вечная юность и любовь непорочна. Эта земля находится в сидхе Мидира, и Етайн следует за ним туда. В последующем друид короля Эохайда обнаруживает этот сидх, король захватывает его и возвращает Етайн. В других историях о сидхе описываются его сокровища, а его пища и напитки — лучшие, чем на земле. Во многих отношениях он подобен острову Элизиум, за исключением того, что он расположен на земле.

2. Остров Элизиум. История о путешествии Брана встречается во фрагментарном виде в XI веке и полностью в рукописях XIV и XVI веков, в которых рассказывается, как Бран услышал во сне таинственную музыку. После пробуждения он обнаружил серебряную ветвь с цветами, а на следующий день там появилась таинственная женщина, поющая славу заморской земле, ее музыке, ее чудесным деревьям, отсутствию страданий и смерти. Это — один из ста пятидесяти островов на западе от Ерина, и там она живет с тысячами «разнообразных женщин». Прежде чем она исчезает, ветвь влетает в ее руку. Бран отправляется со своими товарищами в плаванье и встречает Мананнана, пересекающего море в своей колеснице. Бог сказал ему, что море — это цветущая равнина Мэг Мелл и что все вокруг, невидимые Брану, есть люди, играющие и пьющие «без греха». Он предложил ему плыть к Земле Женщин. Затем путешественники продолжили путь и достигли Острова Радости, где остался один из них. Наконец, они прибыли в Землю Женщин, и мы слышим об их гостеприимстве, сказочном течении времени, пище и напитках, которые были на любой

вкус. Наконец, в истории рассказывается об их тоске по дому, о предупреждении, которое они получили, не ступать на Ерин, о том, как один из них выскочил на берег и обратился в прах, как Бран из своей лодки рассказал о своих скитаниях и затем навсегда исчез.

Другая история сообщает о том, как Коннлу посетила богиня из Мэг Мелла. Ее народ обитает в сидхе и называется «людьми сидхе». Она приглашает его пойти в бессмертную страну и уходит, оставив ему яблоко, которое поддерживает его силы в течение месяца, не становясь при этом меньше. Затем она вновь появляется и сообщает Коннлу, что Бессмертные желают, чтобы он присоединился к ним. Она предлагает ему пойти с ней в Землю Радости, где живут только женщины. Он входит в ее кристаллическую лодку и исчезает из виду для своего отца и друида, который безуспешно пытался прочесть заклинания против нее. В этом рассказе есть путаница между сидхе и островом Элизиум.

Поэма XVIII века об Ойсине в Тир на н-Ог, вероятно, основана на старых легендах и описывает, как Ниам, дочь короля Тир на н-Ог, наложила гейса на Ойсина, чтобы он сопровождал ее к земле бессмертной юности и красоты. Он сел на ее коня, который поплыл через море и привез их в землю, где Ойсин провел триста лет, прежде чем вернулся в Ирландию, и там пострадал, как уже было отмечено, от нарушения табу не ступать на землю Ерина.

В истории «Серглиге Конкулаинд» («Болезнь Кухулина») богиня Фанд, брошенная Мананном, предложила себя герою, если он поможет мужу ее сестры Лабрайду в борьбе против его врагов в Мэг Мелл. Лабрайд жил на острове, который часто посещали отряды женщин и который обладал неистощимыми запасами меда и деревьев с магическими плодами. Кухулин достиг острова с удивительной скоростью в бронзовой лодке. После предварительного посещения его возницей Лаэгом Кухулин идет туда, побеждает противников Лабрайда и месяц остается с Фанд. Он возвращается в Ирландию, и теперь мы слышим о борьбе за него между его женой Эмер и Фанд. Но внезапно появляется Мананнан, повторно пробуждает

любовь Фанд, и она уходит с ним. Бог колеблет свою мантию между нею и Кухулином, чтобы предотвратить между ними встречу еще когда-либо. В этой истории Лабрайд, Фанд и Ливан, сестра Фанд, хотя и являются обитателями острова Элизиум, называются народом сидхе. Эти две области частично путаются, но не полностью, поскольку Мананнан описан как пришедший со своей собственной земли (Элизиума), чтобы добиться Фанд. Очевидно, Лабрайд, Быстрый Меч (который, хотя и назван «вождем сидхе», несомненно, является богом войны), враждует с воинствами Мананнана, и именно с ними Кухулину предстояло бороться.

В истории Оссиана некоторых из фианов уводят в Землю обетованную. После многих приключений Фионн, Диармайд и другие находят их и угрожают уничтожить землю, если их не вернут обратно. Король Земли Аварта соглашается на возвращение и вместе с пятнадцатью его людьми отвозит фианов в Ерин на одной лошади. Прибыв туда, он предлагает им посмотреть на какое-то поле, и в то время, как они это делают, он и его люди исчезают.

3. *Земля под Волнами.* Фиахна, который был из числа людей сидхе, явился людям Коннахта и попросил их помочь против Голла, который похитил его жену. Лозгайре и его люди погрузились вместе с Фиахной в озеро Лох Нанеане и достигли чудесной страны, с удивительной музыкой, где дождь был из эля. Они и люди сидхе напали на форт Мэг Мелл и победили Голла. Затем каждый получил женщину сидхе, но в конце года они стали тосковать по дому. Их предостерегли, чтобы они не слезали с лошадей в Ерине. Придя к своему собственному народу, они описывают чудеса Тир фа Тонн, а затем возвращаются туда, и более их не видели. Здесь опять же путаются сидхе Элизиум и Земля под Волнами, и божественные племена воюют, как в истории Кухулина.

В одном разделе только что приведенной оссиановской истории Фионн и его люди приходят на остров, где Диармайд достигает красивой страны на дне источника. Это — Тир фа Тонн, и Диармайд борется с королем, который узур-

пировал наследство его племянника, и таким образом возвращает ему это наследство.

4. *Существование с этим миром.* Ранний пример этого типа обнаруживается в «Приключениях Кормака». К Кормаку явился божественный посетитель и дал ему в обмен на его жену, сына и дочь свою ветвь с золотыми яблоками, которая, если ее потрясти, издает приятнейшую музыку, рассеивающую печаль. Через год Кормак отправился искать свою семью и, когда он путешествовал, столкнулся с туманом, в котором он нашел странный дом. Его хозяин и хозяйка — Мананнан и его супруга — предлагают ему кров. Бог принес свинью, каждая четверть которой была приготовлена на огне во время рассказывания истинной истории; эта свинья впоследствии снова ожила. Кормак поведал, как он потерял свою семью, после чего Мананнан усыпил его и привел в дом его жену и детей. Позже он создал чашу, которая разламывалась, когда рассказывалась ложь, но становилась снова целой, когда говорили правду. Бог сказал, что жена Кормака имела теперь нового мужа, и чаша разломалась, но восстановилась, когда богиня объявила, что это ложь. На следующее утро все исчезло, и Кормак со своей семьей оказались в своем собственном дворце, с чашей и ветвью. Точно так же в «Восторге защитника» таинственный всадник является Конну из тумана и ведет его ко дворцу, где он открывается как бог Луг и где живет женщина, которую зовут «Владычицей Ерина». Около дворца росло золотое дерево. В истории Брана его окружал Мэг Мелл. Еще одним примером является таинственный дом, в который вошли Конхобар и Дехтире. Таким образом, возможно, Мэг Мелл рассматривался как таинственный район Ерина. Этот магический туман, окутывающий удивительную обитель, встречается во многих других историях, и именно в тумане Туата Деа пришли в Ирландию.

Определенное соответствие этим ирландским верованиям обнаруживается в британской истории, но здесь представление об Элизиуме сформировалось под влиянием христианских идей. Элизиум называется Аннвн, что означает «бездна», «царство мертвых», «ад», а также «элфидд», «подземелье». Но в историях оно не имеет никакого сход-

ства с этими значениями слова, за исключением отдаленного, поскольку их христианские редакторы путали Элизиум с адом. Это — область на поверхности земли или надводный (подводный) мир, в котором обнаруживаются некоторые характерные черты ирландского Элизиума, например котел, источник напитка более сладкого, чем вино, и животные, весьма любимые смертными. Аннвн очень красив, а его население не подвержено смерти или болезням. Поэтому название Аннвн, вероятно, заняло место более раннего языческого названия Элизиум.

В истории Пвилла встречается древнейшее упоминание об Аннвне. Им управляет Аравн, пребывая в войне с Хафганом. Аравн получает помощь от Пвилла, меняясь с ним царствами на год, и Пвилл побеждает Хафгана. Это — прекрасная земля, где непрерывно продолжаются веселье и пир, а его королева чрезвычайно очаровательна. Здесь Аннвн не имеет никакого подземного характера и воспринимается, очевидно, как земля, смежная с королевством Пвилла. В других историях это — земля, откуда Гвидион и другие получают различных животных. Более позднее представление народа о бешеных собаках Аннвна может быть основано на старом мифе о собаках, с которыми охотился король этой земли. Они упомянуты в истории Пвилла.

Аннвн — это земля под волнами или над морем, называемая также *Кэр-Сиди* («вращающийся замок»), вокруг которой «идут океанические течения». Она «известна Манавиддану и Придери», так же как ирландский Элизиум — Мананнану. Другой «Каэр Защиты» находится под волнами. Возможно, эти две идеи были взаимозаменяемы. Народ той земли был свободен от смерти и болезней, и в ней находится «изобильный источник, вода в котором слаще белого вина». Также был котел, принадлежавший хозяину Аннвна, который был украден Артуром и его людьми. Такой котел является собственностью народа, принадлежавшего водному миру в «Мабиногионе».

Описание острова Аваллона (позже отождествляемого с Гластонбери, куда был унесен Артур) завершает подобие с ирландским Элизиумом. Ни бури, ни жара, ни холод, ни

вредные животные не беспокоят его; он благословен вечной весной, плодами и цветами, без труда вырастающими там; это — земля вечной юности, не посещаемой смертью или болезнями. У нее есть *regia virgo*, более прекрасная, чем ее прекрасные слуги; она вылечила Артура от ран, следовательно, это — Морген в других историях, и она, и ее девы могут отождествляться с божественными женщинами ирландского острова женщин. Морген можно сравнить с Ливан, которая вылечила Кухулина от болезни.

Отождествление Аваллона с Гластонбери, возможно, постязыческое, и названия, применяемые к Гластонбери — Аваллон, *Insula Pomonum*, *Insula vitrea*, — могут быть примитивными названиями Элизиума. Уильям Мальмсбери выводит *Insula Pomonum* в применении к Гластонбери от местного названия *Insula Avallionie*, которое он соединяет с бриттским *avalla*, «яблоки», потому что Гластениг нашел там яблоню. Возможно, это название было связано с удивительными яблонями, подобными яблоням ирландского Элизиума. Но он также предполагает, что это слово может быть получено от имени Аваллока, жившего там с дочерьми. Аваллок, очевидно, «король Аваллона» (Аваллах), ко дворцу которого принесли Артура и где его излечила *regia virgo*. Возможно, он был мифическим хозяином Элизиума, а его дочери соответствуют девам острова. Уильям также выводит «Гластонбери» от давшего свое имя основателя Гластенига или от местного названия Инесуитрон, то есть «Стекланный Остров». Это название вновь появляется в «Эрике» Кретъена в форме «Стекланного Острова». Жиральд объясняет это название как произошедшее от гладких вод вокруг Гластонбери, но это может быть древним названием Элизиума. Стекло, должно быть, было привлекательно для воображения кельтов, тевтонцев и славян, поскольку мы слышим о стеклянном доме Мерлина, стеклянной крепости, обнаруженной Артуром, стеклянной башне, на которую напали милезианцы, стекле *grianan* и стеклянной лодке, которая перевезла Коннлу в Элизиум. В тевтонских и славянских мифах и сказках часто встречаются стеклянные горы, на которых обитают таинственные персонажи.

Происхождение кельтской веры в Элизиум можно обнаружить во всемирных мифах о золотом веке, когда в какой-то отдаленной райской области люди жили вместе с богами. В эту область могли проникнуть отважные смертные, хотя в целом она была потеряна для человечества. В некоторых мифах этот Элизиум является страной, куда люди попадают после смерти. Возможно, кельтский миф о древнем общении человека с богами в отдаленной области принял две формы. В одной форме это была радостная подземная область, куда кельты надеялись попасть после смерти. В другой форме она не была землей умерших, и смертные могли достичь ее при жизни. Кельтская вера в Элизиум, как свидетельствуют только что приведенные истории, имела вторую форму. Кельты считали, что земля мертвых была радостным подземным миром, которым правил бог плодородия и мертвых, и из этой области первоначально произошли люди. Более поздняя связь богов с сидхе была продолжением этой веры, но позже сидхе — это, конечно, не земля мертвых, а Элизиум, чистый и простой. Должно быть, поэтому в древний период была тенденция делать различия между счастливой областью мертвых и отдаленным Элизиумом, если эти два региона когда-либо действительно объединялись. Этот вопрос неясен, но вполне возможно, что другое происхождение идеи Элизиума может быть обнаружено в явлении заката Солнца: континентальным кельтам это дало возможность предположить, что где-то далеко была божественная земля, где отдыхал бог Солнца. Когда кельты достигли побережья, эта божественная западная земля обязательно должна была располагаться на отдаленном острове, возможно видимом на горизонте. Поэтому также считалось, что Элизиум связан с морским божеством Мананнаном или любым другим именем, которым он назывался. Далекый Элизиум на земле воспринимался как тождественный Элизиуму на море, и поэтому всякий раз, когда полые холмы или сидхе назывались обителями богов, они описывались точно так же, как Элизиум.

Идея подводного мира распространена во многих мифологиях, и, вообще говоря, она является частью анима-

стической веры в то, что каждое явление природы имеет своих населяющих ее духов. Поэтому духи или боги вод рассматривались как подводная обитель. Вера в сверхъестественные существа, появляющиеся из воды, обычай бросать в воду жертвоприношения, вера в то, что людей уносили под воду и они могли жить в подводной области, связаны с этим анимистическим представлением. Кельты придавали водному миру многие аспекты Элизиума, и он имеет названия, общие с ним, например, он назывался Мэг Мелл. Во многих народных историях он едва отличается от острова Элизиум; надводье и подводье часто синонимичны. Поэтому у кельтов существовала вера в то, что такие водные миры, как И-Бресайл, или уэльские волшебные страны, или затонувшие города у бретонского побережья, периодически выходят к поверхности и остались бы там навсегда, подобно острову Элизиуму, если бы какой-нибудь смертный выполнил определенные условия. Кельтская вера в Тир фа Тонн тесно связана с существующей верой в затонувшие города или страны, обнаруженные во всех деталях у бретонского побережья. Таких легенд было много, но наиболее известные те, в которых сообщается, как город затонул из-за греховности его населения или грехов Дахут, дочери его короля, которая иногда до сих пор ищет любви со смертным. Иногда ее замечают под волнами или даже на их поверхности. В других местах кельтских областей обнаружены подобные легенды, и затопление является результатом проклятия, нарушения табу или пренебрежения тем, чтобы закрыть священный источник. Вероятно, предание о настоящих морских катаклизмах или затоплениях, таких, с которыми кельты сталкиваются на побережьях Голландии, может объяснить некоторые из этих легенд, которые позже смешались с мифами о божественном водном мире.

Идея о том, что Элизиум сосуществует с этим миром и скрыт в тумане, возможно, связана с верой в магические силы богов. Поскольку друиды могли по желанию поднимать туман, следовательно, то же могли делать и боги, которые затем сооружали в тумане временный Эли-

зиум. Из такого тумана, обычно на холме, часто появлялись сверхъестественные существа, чтобы встретиться со смертными, и в сказочных преданиях волшебная страна иногда обнаруживается внутри тумана. Кельты верили в то, что земля богов была недалеко; она невидимым образом располагалась либо на холмах, либо в холмах, куда люди тайно приходили, чтобы посмотреть на загадочно плывущий туман. Поэтому туман, возможно, просто скрывал сидхе богов. Но возможно, была также вера в то, что этот мир глубоко пропитан божественным миром, как в уэльском и ирландском фольклоре. Люди могут невольно сталкиваться с волшебной страной, или она внезапно им открывается, или их уводят в нее, и они становятся невидимыми.

В большинстве историй Элизиум — это земля без печали или смерти, где есть бессмертная юность, покой и все виды радостей. Но в некоторых историях об Элизиуме, в то время как чувственные удовольствия те же, жители пребывают в состоянии войны, приглашая на помощь смертных, чтобы одолеть своих противников, и даже погибают в этой борьбе. Однако в обеих группах историй Элизиум — это земля богов и сверхъестественного народа, куда смертных приглашают по благосклонности. Два представления об Элизиуме — как о земле покоя и бессмертия и как о земле, где могут встречаться война и смерть, — оба были примитивными. Последнее, возможно, было сформировано путем отражения на божественном мире поступков из мира смертных, что аналогично представлению о мире мертвых, где воины, возможно, все еще боролись, поскольку были погребены вместе с оружием. Были также мифы о враждующих друг с другом богах. Но люди считали, что земля богов должна быть землей мира и бессмертия. Отсюда идея мирного Элизиума, которая была наиболее предпочтительной для народа. Нутт считал, что мысль о воинственном Элизиуме, по-видимому, произошла от скандинавского влияния, действовавшего на истории о мирном Элизиуме, но мы знаем, что уже существовали древние мифы о божественных войнах. Вероятно, это представление воз-

никло среди кельтов как воинственного народа, отражая воинственные инстинкты, в то время как мирный Элизиум, возможно, был творением кельтов как аграрного народа, поскольку мы видели, что кельты были то воинами, то земледельцами. В своем мирном аспекте Элизиум — это «знакомая, возделанная земля», где без труда росли плоды земли и где не было никаких бурь или избыточной жары или холода, что было привлекательно для тяжело работающего аграрного народа. Там пища возникала магическим образом, однако, естественно, и в сельскохозяйственных ритуалах люди стремились с помощью магии увеличить запасы продовольствия. В историях этот процесс, если можно так выразиться, усилен¹.

Некоторые авторы считают, что Элизиум является просто землей мертвых. М. Д'Арбуа утверждает это, основываясь на отрывке из истории Коннлы, не имеющей, однако, реального значения. Богиня говорит Коннле: «Бессмертные приглашают тебя. Ты — защитник народа Тетры. Они видят тебя каждый день на собраниях твоей родины, среди твоих знакомых ближних». М. Д'Арбуа предполагает, что фомор Тетра является хозяином Элизиума и что после его поражения от Туата Деа он, подобно Кроносу, занял там убежище и теперь правит в качестве владыки мертвых. Переводя *ар-дот-хиат* («они видят тебя») как «он t'y veгга», он утверждает, что Коннла, идя в Элизиум, замечен на собраниях своих умерших родственников. Но слова «ты — защитник народа Тетры» не могут означать, что Тетра — это бог мертвых. Это означает просто, что Коннла — могущественный воин, один из тех, кого одобрил бы бог войны Тетра. Фраза «могущественные люди Тетры», используемая в другом месте, является традиционной для воинов. Остальная часть слов богини подразумевает, что Бессмертные издали, или, возможно, «могущественные люди Тетры», то есть воины в этом мире, видят Коннлу на собраниях его родины в Ерине, среди его знакомых друзей. Страшная смерть ждет их, как

¹ В «Ведах» Элизиум также имеет ясно выраженный сельскохозяйственный аспект, возможно, по тем же причинам.

она сказала, но Бессмертные желают, чтобы Коннла избежал этого, прибыв в Элизиум. Ее слова не подразумевают, что он встретит там своих умерших предков, так как она в любом смысле не богиня смерти. Если бы умершие попадали в Элизиум, то не было бы необходимости приглашать туда живого человека. Если бы умершие предки Коннла или люди Тетры (воины) были в Элизиуме, то это противоречило бы картине, описанной богиней земли, которая хотела, чтобы он отправился в землю женщин, а не мужчин. Кроме того, правители Элизиума не всегда были членами Туата Де Дананн или народа сидхе и никогда — фоморами, подобно Тетре¹.

М. Д'Арбуа также полагает, что «Испания» в отчете Ненния об ирландских вторжениях и в ирландских текстах означает землю мертвых и что это название было введено вместо какого-нибудь названия типа Мэг Мор или Мэг Мелл в «процессе эвфемеризации ирландских христиан». Но в других документах, написанных ирландскими христианами, эти и другие языческие названия Элизиума остаются неизменными. Нет ни малейшего доказательства того, что слова, используемые Туаном Мак Карайллом о захватчиках Ирландии — «все они погибли», — были переведены в первоначальном тексте, а теперь, согласно М. Д'Арбуа, потеряны. «Они поплыли в Мэг Мор или Мэг Мелл» — формула, в которой Ненний усматривал указания на возвращение в Испанию. Испания в этом гипотетическом тексте была Землей Мертвых, или Элизиумом, откуда пришли захватчики. Этот «потерянный оригинал» существует в воображении М. Д'Арбуа, и нет ни малейшего свидетельства в пользу этих изменений. Действительно, некогда Таильтиу называлась дочь Магх Мора, короля Испании, но здесь говорится о человеке, а не о месте. Сэр Джон Рис принимает отождествление Испании с Элизиумом как Землей Мертвых и обнаруживает в каждом упоминании об Испании

¹ Тетра был мужем богини войны Бадб, и в одном тексте его имя переводится как *бадб*. Это имя переводится также как *муир*, то есть «море», и морем называется «равнина Тетры». Эти неясные сообщения не обязательно означают, что он был правителем заморского Элизиума.

ссылку на потусторонний мир, который он рассматривает как область, управляемую «мрачными божествами». Но ни владыка Элизиума, ни кельтский Диспатер не были темным или мрачным божеством, а Земля Мертвых, конечно, была землей тьмы не больше, чем Элизиум. Многочисленные упоминания об Испании, вероятно, указывают на старые традиции относительно связи между Испанией и Ирландией в древние времена, как торговые, так и социальные, и вполне возможно, что захватчики-гойделы пришли в Ирландию из Испании. Древние карты и географы делают Ирландию и Испанию соседними странами; поэтому в ирландской истории Ирландия видима из Испании, и эта географическая ошибка усиливалась существующими преданиями. Слово «Испания» использовалось неопределенным образом, но, по-видимому, оно не означало ни Элизиум, ни Землю Мертвых. Если это так, то странно, что Туата Де Дананн никогда не упоминаются в связи с этим названием.

Одна из самых замечательных характеристик кельтского Элизиума — его бессмертие. Это — Земля Живых, или Земля Бессмертных и вечной молодости. Наиболее примитивные народы верят, что смерть — это несчастный случай с людьми, которые естественным образом бессмертны; поэтому свобода от такой случайности естественно характеризует людей божественной земли. Но, как и в других мифологиях, это бессмертие более или менее зависит от употребления пищи или напитка бессмертия. У Мананнана была бессмертная свинья, которая, будучи убита в один день, оживала на следующий день, и с помощью ее мяса он сделал Туата Де Дананн бессмертными. Бессмертие также даровалось выпиванием пива Гоибниу, которое либо отдельно, либо с мясом свиньи создавало бессмертный пир. Пища Элизиума была неистощима, и кто бы ни вкушал ее, обнаруживал, что она обладает тем вкусом, который он предпочитал. Плоды некоторых деревьев в Элизиуме также считались дающими бессмертие и другие качества. Лаэг видел сто пятьдесят деревьев, растущих в Мэг Мелл; их орехи питали триста человек. Яблоко, данное богиней Коннле, было неистощимо, и он все еще ел его с нею, когда Эли-

зиум посетил Тейгуэ, сын Циана. «Когда они вкушали его, ни старение, ни слабость не могли затронуть их». Яблоки, темно-красные орехи и ягоды рябины особенно считаются пищей богов в истории о Диармайде и Грайinne. По небрежности одна из ягод упала на землю, и из нее выросло дерево, ягоды которого имели эффект вина или меда, и три ягоды, съеденные человеком, на сто лет делали его молодым. Оно охранялось гигантом. Подобное дерево, растущее на земле, — охраняемая драконом рябина, — обнаруживается в истории Фраоха, которому было велено принести ее ветвь Айлилу. Ягоды этого дерева имели качества девяти блюд; они исцеляли раны и добавляли год к жизни человека. В источниках, которые были началом ирландских рек, как предполагалось, выращивали деревья орешника с темно-красными орехами, которые падали в воду, и их съедал лосось. Если его поймать и съесть, то можно обрести мудрость и знание. Эти источники были в Ерине, но в некоторых случаях источник с орешниками и лососем находился в ином мире, и очевидно, что темно-красные орехи являются тем же самым, что и пища богов в истории о Диармайде и Грайinne.

Почему бессмертие должно зависеть от съедания определенной пищи? Большинство иррациональных идей человека имеет какую-то причину, и, возможно, знание человека о том, что без пищи жизнь закончилась бы, соединенное с его идеей бессмертия, заставляет его верить в то, что существует какая-то определенная пища, которая порождает бессмертие так же, как обычная пища поддерживает жизнь. Ею питались боги и бессмертные существа. Точно так же, как вода очищает и дает силы, считалось, что вода какого-то особого рода в удивительной степени обладала этими силами. Поэтому возникли истории об Источнике Юности и вера в целительные источники. От знания питательной силы пищи возникла идея о том, что некоторая пища, съеденная ритуально, передавала присущие ей качества, например, плоть божественных животных, и о том, что боги обретали бессмертие от еды или питья. Эта идея широко распростра-

нена и в других мифологиях. У вавилонских богов была пища и вода жизни; египетский миф говорит о хлебе и пиве вечности, которые питают богов; индийцы и иранцы знали божественную сому или хаому; а в скандинавском мифе боги возрождали свою юность, вкушая золотые яблоки Идуны.

В кельтских историях об Элизиуме чаще всего пищей бессмертия является плод дерева. Плод никогда не уменьшается и всегда насыщает, и он является пищей богов. Когда его съедают смертные, он дарует им бессмертие; другими словами, он делает их природу подобной природе богов, и это, несомненно, происходит от широко распространенной идеи о том, что поедание пищи, данной чужим существом, делает человека родственником ему. Поэтому поедание пищи богов, фей или мертвых связывает смертного с ними, и он не может покинуть их землю. Это можно было бы проиллюстрировать самыми разнообразными мифами и народными поверьями. Когда Коннла съел яблоко, он сразу захотел отправиться в Элизиум, и он не мог покинуть его, как только там оказался; он стал родственником его народу. Хотя в историях Брана и Ойсина не говорится о том, что они съедают такой плод, но, возможно, в примитивной форме этих историй содержалось это событие, и это объясняет, почему они не могли ступить на землю, оставшись невредимыми, и почему Бран и его последователи, или, в другой истории, Фиахна, Лозгайре и его люди, которые испили пива Элизиума, возвратились туда. Верно то, что в других историях тот, кто отвеживает пищи в Элизиуме, может вернуться на землю, например Кормак и Кухулин; но если бы у нас была исконная форма этих историй, то мы, вероятно, обнаружили бы, что они воздержались от еды. Случай с плодом, который бессмертный дает смертному, возможно, заимствован от широко распространенного народного обычая давать яблоко в знак любви или как часть брачного обряда. Его принятие означает готовность вступить в помолвку или брак. Как в римском обряде *confarreatio*, предоставление и принятие пищи порождает долг родства.

Поскольку в Ирландии различные орехи и плоды ценились как пища и в некоторых случаях использовались для изготовления опьяняющего напитка, очевидно, что деревья Элизиума были прежде всего образом земных деревьев. Деревья были объектами культа прежде, чем их плоды съедали; они были первыми священными деревьями или деревьями тотема, и их плоды съедали только по какому-нибудь случаю и ритуально. Если это так, то это объяснило бы, почему они росли в Элизиуме и их плоды были пищей богов. Ибо все, что человек ест или пьет, обычно считается сначала съедаемым и выпиваемым богами, подобно *some*. Но растущие в Элизиуме деревья, согласно мифам об Элизиуме, являются гораздо более удивительными, чем любое из известных на земле деревьев. Ветви у них с серебряными и золотыми яблоками; они обладают волшебными запасами плодов, они издают чудесную музыку, которая иногда вызывает сон или забвение; и птицы садятся на их ветви и поют мелодии «такие, что уставшие получают отдохновение». Следует отметить также, что, как указывает мисс Халл, в некоторых историях ветвь божественного дерева становится талисманом, ведущим смертного в Элизиум; например, Эней сорвал золотую ветвь перед посещением подземного мира. Однако это — еще не полная характеристика дерева в ирландской истории. Возможно, как утверждает А.Б. Кук, ветвь, дающая вход в Элизиум, происходит от ветви, которую носили древние кельтские лесные вожди, в то время как дерево — это образная форма тех, которые воплощали в себе дух растительности. Если это так, то это скорее плод, съеденный смертным, который соединяет его с Бессмертной Землей.

Жители Элизиума не только бессмертны, но также по желанию становятся невидимыми. Они делают себя видимыми только одному человеку из многих, кто находится рядом с ним. Только один Коннла видит богиню, невидимую для его отца и друида. Мананнан видит Брана, но вблизи были многие, кого он не видит; и, когда тот же бог приходит к Фанд, он невидим для Кухулина и всех, кто был с ним. Поэтому Мидир говорит Этайн: «Мы ви-

дим, а нас не видят». Кроме того, иногда народ Элизиума обладает способностью к превращениям — Фанд и Либан являются Кухулину в облике птиц.

Орешник познания соединяет мудрость с миром богов, и в кельтской религии обычно цивилизация и культура, как предполагалось, произошли от богов. Вещи из земли богов были желанными для людей, и часто они похищали их оттуда. В уэльских и ирландских историях магический котел занимает выдающееся место, особенно в связи с потусторонним миром. Дагда обладал таким котлом, и он никогда не оставался пустым, а в истории «Болезнь Кухулина» описана неистощимая бочка с медом. Все, что помещали в такие котлы, насыщало всех, независимо от того, сколько их было. Кухулин получил один такой котел от дочери короля Скатха и также увел у него трех коров. В аналогичной истории он украл у Куроя, при попустительстве его жены Блатхнат, котел ее отца Мидира, трех коров и самих женщин. Но в другой версии Кухулин и Курой отправляются в цитадель Мидира на острове Фалга (Элизиум) и крадут котел, коров и Блатхнат. Курой забрал их у Кухулина; отсюда его месть в предыдущей истории. Так, похищение произошло из Элизиума. В уэльской поэме «Добыча Аннвна» Артур украл котел у Аннвна. Он был инкрустирован жемчугом, из него доносились голоса, и он закипал от дыхания девяти дев, он не варил пищу трусам.

Как уже было замечено в истории Гвиона, он был поставлен, чтобы наблюдать за котлом, который должен кипеть до тех пор, пока не даст «три капли благодати вдохновения». Он принадлежал Тегид Фоэлю и Кэрридвену, божественным правителям Подводной Земли. В «Мабиногах» Бранвен ее брат Бран получил котел от двух существ, мужчины и огромной женщины, которые вышли из озера. Этот котел дал им король Ерина, и он обладал свойством возвращать к жизни убитого, которого помещали в него.

Три свойства котла — неисчерпаемость, вдохновение и возрождение — можно суммировать одним словом — плодovitость, и важно то, что бог Дагда, с которым такой

котел был связан, был богом плодородия. Но мы только что видели, что он был связан, непосредственно или косвенно, с богинями — Кэрридвен, Бранвен, женщиной из озера, — и, возможно, это указывает на более ранний культ богинь плодородия, позже замененный культом богов. В этом свете способность котла возрождать к жизни важна, поскольку в древней религии жизнь была связана с женским началом. Женщина была плодотворной матерью, и Земля, которая порождала и питала, также была женщиной. Отсюда возник культ Земли-матери, которая часто была также богиней любви, а также плодородия. Кэрридвен, по всей вероятности, была богиней плодородия, а Бранвен — богиней любви. Культ плодородия обычно связывался с оргиастическими и неразборчивыми любовными утехами, и вполне возможно, что котел, подобно индусскому йони, был символом плодородия. Опять же убиение и приготовление животных в примитивной жизни обычно считалось священным актом. Животных варили в огромных котлах, которые были обнаружены как постоянная часть утвари в каждом кельтском доме. Количество мяса, которое они вмещали, возможно, говорило об изобилии людям, для кого котел был уже символом плодородия. Так, символический котел культа плодородия слился с котлом, используемым в религиозном убиении животных и приготовлении из них пищи. Котел использовался также в ритуалах. Кимры приносили человеческие жертвы над котлом и наполняли его их кровью; жертв, приносимых Тевтату, душили в чане (*semicupium*); а в Ирландии «котел истины» использовался для испытания кипятком.

Подобно тому как пища людей рассматривалась как пища богов, котел этого мира становился удивительным котлом потустороннего мира, и, поскольку затем стало необходимо объяснить происхождение таких котлов на земле, возникли мифы, рассказывавшие о том, как они были украдены с божественной земли предприимчивыми героями — Кухулином, Артуром и т. д. В других случаях котел был заменен магическим сосудом или чашей, украденной у сверхъестественных существ героями саги о

Фионне или сказочных преданий. Здесь также можно отметить, что Грааль артуровского романа имеет сродство с кельтским котлом. В «Conte du Graal» Псевдо-Кретье-на чаша входит сама по себе и прислуживает всем присутствующим пищей. Это — простое представление о Граале, но в других поэмах ее магический и священный характер усилен. Она дает пищу, которую предпочитает едок, — это дает бессмертную молодость и невосприимчивость к ранам. В этом отношении она представляет собой безошибочное сходство с котлом кельтского мифа. Но опять же это был сосуд, в котором Христос учредил Блаженное Причастие; он содержал в себе Его Кровь; и он был отдан нашим Богом Иосифу из Аримафеи. Таким образом, в Граале произошло слияние магического котла кельтского язычества и Священного Потира христианства с изделием, ставшим мистическим и прославленным самым чудесным образом. История о Граале стала очень популярной, и, со временем обогащаясь в этическом, мистическом и романтическом значении, она подхватывалась одним поэтом за другим, которые «использовали ее как образ высшей цели человеческих усилий».

Мифы говорили также о том, как дары цивилизации произошли из мира богов. Когда человек стал одомашнивать животных, считалось, что знание одомашнивания или, чаще, сами животные произошли от богов, только в этом случае животные имели магический, сверхъестественный вид. Такая вера лежит в основе историй, в которых Кухулин крадет коров у их божественных владельцев. В других случаях герой, который получает жену от народа сидхе, получает также от сидхе скот. Как уже было отмечено, свинья, данная Придери Аравном, королем Аннвна, и до настоящего времени неизвестная человеку, была украдена у него Гвидионом, а Придери был сыном Пвилла, временного царя Аннвна, и, по всей вероятности, оба были владыками Элизиума. В первоначальной форме мифа похищение, должно быть, было из Элизиума, хотя мы имеем намек в «Добыче Аннвна» на то, что Гвидион (Гвейр) потерпел неудачу и был заключен в тюрьму в Аннвне, а позже этому заключению добавление рассказа об Аннвне с адом придало скорбный

аспект. В поздних уэльских манускриптах белый самец козули и щенок (или, в «Триадах», сука, самец козули и чибис) были украдены Амэтхоном из Аннвна, и эта история имеет древние черты. В некоторых из этих историй животные передаются земле божественным или полубожественным существом, в котором мы можем усмотреть древнего кельтского героя культуры. Истории являются версиями более древних мифов, которые показывали, как все домашние животные были сначала собственностью богов, и их отзвук все еще слышен в сказочных описаниях похищения скота из волшебной страны. В наиболее примитивной форме рассказов похищение было, несомненно, из подземного мира богов плодородия, места, куда отправлялись умершие. Но с появлением мифов, рассказывавших о далеком Элизиуме, было неизбежно, что некоторые истории соединили животных и похищение с той далекой землей. Насколько речь идет об ирландских и уэльских историях, похищение, по-видимому, было главным образом из Элизиума¹.

Любовные утехы занимают большое место в рассказах об Элизиуме. Богини ищут любви у смертных, а смертные стремятся посетить Элизиум ради этих соблазнов. Но любовные утехы Элизиума — «без греха, без преступления», и эта фраза, возможно, предполагает существование ритуальных половых союзов в обсуждаемые времена для магического влияния на плодородие земли, причем эти союзы не рассматривались как нечто безнравственное даже в тех случаях, когда они нарушали общепринятый племенной закон. В некоторых историях Элизиум представлен состоящим из множества островов, один из которых — «остров женщин»². Эти женщины и их королева отдают свое предпочтение Брану и его людям или Маэлдуину и его спутникам. Подобные «острова женщин» встречаются в сказках, все еще имеющих хождение среди кельтских народов, и настоящие острова до сих пор называются этим именем — Эйгг и Гроа-

¹ Аналогичные мифы смотрите в «Ригведе».

² Он встречается в историях о Бране, Маэлдуине, Коннле, в рассказах о фианах, в «Детях Туиренн» и в галльских сказках.

гес у бретонского побережья. Подобные «острова женщин» известны в китайском, японском фольклоре и в фольклоре айнов, в греческой мифологии (острова Цирцеи и Калипсо) и в древнеегипетских представлениях о будущей жизни¹. Они также известны и в других местах², и поэтому мы можем предполагать, что в описании такого острова как части Элизиума кельты использовали нечто общее для народных поверий всего мира. Но возможно, это также обязано фактической традиции, памяти о том времени, когда женщины совершали свои обряды в уединении. Об уединении напоминала таинственная природа острова, его недоступность и его исчезновение в случае, если смертные покинут его. Возможно, к этим обрядам допускались избранные мужчины, что могло быть во вред им из-за чрезвычайного эротического беснования их временных партнерш. Именно так дело обстоит в китайских историях об «острове женщин», и скорее это, а не тоска по дому может объяснить желание Брана, Ойсина и т. д. оставить Элизиум. Как уже было сказано, кельтские женщины совершали оргиастические обряды на островах³. Все это, возможно, дало начало вере в остров прекрасных божественных женщин как часть Элизиума, хотя это также усилило его чувственный аспект.

Кельты восхищались музыкой, и не случайно в рассказах об Элизиуме есть упоминание об удивительной музыке, которая раздавалась там. Как говорит богиня Брану, там не было «ничего грубого или резкого, кроме сладостных ударов музыки по слуху». Музыка исходила от птиц на каждом

¹ Вождение женщин этих островов губительно для их любовников.

² Один остров вблизи Новой Гвинеи называется «земля женщин». На нем временно позволяют высадиться мужчинам, но только женскому потомству этих мужчин позволяют выжить. У индейцев Флориды было предание об острове в озере, населенном прекраснейшими женщинами, и фиджийская мифология знает о райском острове богинь, вблизи земли богов, в которую допускались некоторые избранные смертные.

³ Острова, возможно, считались священными из-за таких культов, как об этом говорится в рассказанных Плутархом народных преданиях. Кельтские святые сохраняли почитание островов и любили жить на них, и эта идея сохранилась в народных поверьях.

дереве, от ветвей деревьев, от удивительных камней и от арф божественных музыкантов. Об этом же напоминает восхитительная музыка, которую запоздалый путник слышит, когда он проходит часто посещаемые феями места — «какие трубы и бубны, какой неистовый восторг!». Романтическая красота Элизиума описана в этих кельтских историях так, что это несравнимо с другими сагами или сказками, и это подтверждают все, кто приходит, чтобы соблазнить там смертных. Эта красота — холмы, белые утесы, долины, море и берега, озера и реки, его деревья, жители и птицы, очарование его летнего тумана, — очевидно, является продуктом воображения народа, остро чувствующего красоту природы. Первые основные строки, спетые богиней Брану, задают тональность, которая звучит во всей кельтской литературе:

Есть далекий остров,
 вокруг которого сверкают морские коньки,

 Красота дивной земли, пейзажи которой восхитительны,
 Чей вид — прекрасная страна, несравнимая в своем тумане.
 Это — день нескончаемо погожий,
 что поливает серебром землю;
 Чистый белый утес на горизонте моря,
 Которое от Солнца получает свое тепло.

Ойсин так описывает эту красоту: «Я увидел страну всю зеленую и полную цветов, с прекрасными гладкими равнинами, голубыми холмами, озерами и водопадами». Все это является отражением природы, которая есть в кельтских областях, и такой она виделась глазами кельтских мечтателей и интерпретировалась ими для поэтического народа.

В ирландских описаниях сидхе Дагда имеет верховенство, позже вырванное у него Оэнгусом, но обычно каждый владелец сидха является его хозяином. В уэльской традиции Аравн — это хозяин Аннвна, но его утверждения оспариваются соперником, и известны другие владыки Элизиума. Мананнан, бог моря, по-видимому, является владыкой ирландского острова Элизиум, который был назван «землей Мананнана», возможно, потому, что лег-

ко было связать заморский мир, «вокруг которого сверкают морские коньки», с богом, чьими мифическими конями были волны. Но поскольку он находится к западу и некоторые его виды, возможно, красиво озарялись заходящим солнцем, бог Солнца Луг также был связан с ним, хотя он едва ли занимает место Мананнана.

Элизиум кажется застывшим в своей неизменности в более поздних народных преданиях, но теперь он выглядит как живая волшебная страна — место в пределах холмов, насыпей или сидхе, место удивительной красоты, с магическими свойствами, где время течет, как во сне. Чудесная заморская земля обнаруживается также в сказках и преданиях, а Тир на н-Ог до сих пор остается живой действительностью для кельтов. Существуют источник молодости, целительные бальзамы, животворящие плоды, красивые женщины или волшебный народ. Это — истинная земля потаенных желаний сердца. В рукописях XI века, из которых наше знание об Элизиуме и было главным образом взято, но которые подразумевают далекую древность материалов и идей этих историй, мир сидхе все еще остается миром божественных существ, хотя они начинают принимать черты фей. Вероятно, кельты уже давно начали понимать, что земля богов была просто волшебной страной. В Уэльсе происходило то же самое, как это видно из описании Жиральдом Элидуруса, которого два маленьких человечка заманили в подземную волшебную страну.

Некоторые из рассказов об Элизиуме находились под влиянием христианских представлений, и в определенной группе историй, «Имрама», или «Путешествия», Элизиум наконец становится христианским раем или небом. Но представление об Элизиуме также повлияло на христианские идеи рая. В «Путешествии Маэлдуина», которое имеет некоторое подобие с историей Брана, христианское влияние все еще неопределенно, но оно более заметно в «Путешествии Снедгуса и Мак Риaglы». Один остров стал своего рода промежуточным состоянием, где пребывают Енох и Илия, а многие другие ожидают Судного дня. Другой остров похож на христианские небеса. Но в «Путешествии

Брандана» языческие элементы уже фактически исчезли: есть остров ада и остров рая. Представление об острове — это последний пережиток язычества, но теперь путешествие предпринимается с целью мести, покаяния или паломничества. Другой ряд историй о фантастических путешествиях в ад или на небеса — вполне христианские, тем не менее радости небес имеют чувственный аспект, который напоминает о языческом Элизиуме. В одной из историй — «Известия о дне Страшного суда» — есть два ада, и помимо небес есть место, похожее на остров Еноха и Илии в «Путешествии Снедгуса». Связь Элизиума с христианским раем заметна в названии «Тир Тайрнгири» — «Земля обетованная», которое применяется к небесному царству или земле, в которой течет молоко и мед.

Хотя многие из аспектов Элизиума чувственные, они, однако, имеют и духовный аспект, который не должен упускаться из виду. Подчеркивание его красоты, музыки, покоя и мира является скорее духовным, чем чувственным содержанием этих историй, в то время как обитель избранных смертных с божественными существами наводит на размышления о том союзе с божественным, который является сущностью любой религии. Людей всегда привлекало божественное. Не случайно Лаэг говорил, что он предпочел бы Элизиум царствованию над всей Ирландией, и его слова повторяли и другие. Предпочтение Элизиума перед обыденной жизнью подчеркивает свободу от суматохи, печали и тягостных забот реальной жизни. Эта «сладостная и блаженная страна» описана в кельтских историях и сказках со всей страстью поэтического народа, который мечтал о совершенном счастье и видел его в наслаждении красотой природы, в любви к женщинам и в мыслях о непрекращающемся мире и гармонии. Лишь избранные смертные достигали Элизиума, но надежда человека на то, что он также мог бы стать избранным, жила в душе кельта, когда он мечтал об этом счастливом состоянии. Многие народы представляли потусторонний мир счастливым, но ни один другой народ не наполнил его такой волшебной красотой и не возвращался к нему так, как кельты. Они стояли на утесах, которые были об-

ращены к западу, и перед ними будто проходило театрализованное представление заката, или в полдень свет сиял перед ними на далеком горизонте и на темных островах, а они пристально глядели задумчивым взглядом, как будто ловя проблеск Элизиума за пределами морской бездны и чертогами заходящего Солнца. Во всем этом мы видим кельтскую версию примитивной и инстинктивной человеческой веры. Человек отказывался думать, что горе и разочарование, борьба и страдания должны всегда быть с ним. Он надеялся и верил, что где-нибудь в будущем его ожидают вечное счастье и вечная любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
<i>Глава 1.</i> Введение	9
<i>Глава 2.</i> Кельтский народ	15
<i>Глава 3.</i> Боги Галлии и континентальных кельтов	26
<i>Глава 4.</i> Ирландский мифологический цикл	45
<i>Глава 5.</i> Туата Де Дананн.....	57
<i>Глава 6.</i> Боги бриттов	83
<i>Глава 7.</i> Цикл о Кухулине.....	110
<i>Глава 8.</i> Сага о Фионне	123
<i>Глава 9.</i> Боги и люди	137
<i>Глава 10.</i> Культ мертвых	143
<i>Глава 11.</i> Примитивное поклонение природе	148
<i>Глава 12.</i> Поклонение рекам и источникам	157
<i>Глава 13.</i> Поклонение деревьям и растениям	171
<i>Глава 14.</i> Поклонение животным	179
<i>Глава 15.</i> Космогония	195
<i>Глава 16.</i> Жертвоприношения, молитвы и предсказания	201
<i>Глава 17.</i> Табу	217
<i>Глава 18.</i> Праздники	220
<i>Глава 19.</i> Принадлежности культа	239
<i>Глава 20.</i> Друиды	251
<i>Глава 21.</i> Магия	273
<i>Глава 22.</i> Состояние мертвых	285
<i>Глава 23.</i> Перерождение и переселение душ	297
<i>Глава 24.</i> Элизиум	309

Маккалох Джон Арнотт
РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.06.2004
Формат 84x108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,25
Тираж 6000 экз. Заказ № 4833

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

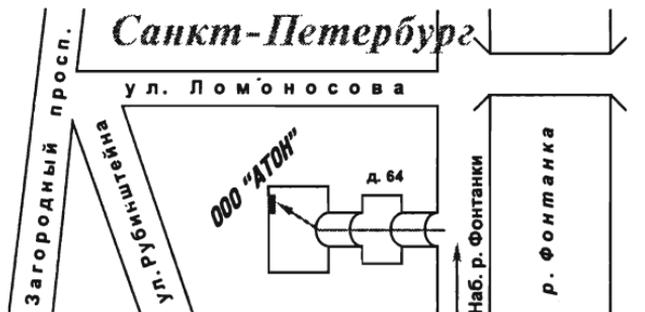

Москва – ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: 684-49-89, мелкооптовый отдел – тел. 684-49-68; пн–пт – 10.00–19.00, сб – 10.00–17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону – Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн–пт – 9.00–18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 162-52-80, (812) 162-52-81. Пн–пт – 9.00–18.30; сб, вскр – выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

Джон Маккалох

религия древних кельтов

О религии кельтов известно немного, но влияние этого таинственного народа на представления европейцев о потустороннем мире огромно. Это фундаментальное исследование откроет вам секреты самых древних традиций и обычаев протокельтских племен. Автор собрал воедино множество научных данных по этому вопросу. Вы сможете узнать все о космогонии и героических сказаниях, о приверженности миру чудес этого народа и его удивительной музыкальности. Кельты от рождения были мечтателями, грезы уносили их в Элизиум, страну несказанно прекрасней земли, хотя и связанную с ней незримо крепчайшими узами.

ISBN 5-9524-1303-X

9 785952 413030

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ®